

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук»

На правах рукописи

Ушаков Антон Владимирович

**МЕЩАНСКОЕ СОСЛОВИЕ УДМУРТИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Лигенко Нэлли Павловна

Ижевск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ.....	28
§ 1.1. Становление и трансформация правового статуса мещанского сословия.....	28
§ 1.2. Источники формирования и динамика численности сословия.....	41
ГЛАВА 2. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ОСНОВА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ.....	64
§ 2.1. Мещанское домохозяйство в системе городского землепользования.....	64
§ 2.2. Профессиональная и предпринимательская деятельность мещан.....	81
ГЛАВА 3. МЕЩАНСКИЕ УПРАВЫ КАК ОРГАНЫ СОСЛОВНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ.....	131
§ 3.1. Структура, источники формирования и функции мещанских управ.....	131
§ 3.2. Взаимодействие мещанских управ с органами городского самоуправления.....	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	168
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	172
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	184

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Форсированные Великими реформами трансформационные процессы открыли качественно новый этап социально-экономического развития в истории России. Город начал активно наращивать свой потенциал в качестве торгово-промышленного и культурного центра. Результаты преобразований нашли проявление в протекавших в городской среде демографических процессах. Мещанское сословие являлось коренным слоем населения российских городов, определяя социальный облик урбанистической среды. Представляя широкие слои городского населения, данное сословие имеет ключевое значение для понимания проходящих в обществе модернизационных процессов.

В трудах ученых-историков феномен «мещанства» обыкновенно получал освещение, прежде всего, как этическая, моральная категория, существующая в рамках сугубо отрицательных коннотаций. Вместе с тем такие аспекты истории мещан, как профессионально-хозяйственная деятельность, участие в работе органов общественного самоуправления и тенденции социодемографической динамики обычно привлекали внимание исследователей в ходе изучения истории городов в целом. Вследствие подобного подхода проблема сословной трансформации мещан как составной части «городских сословий» не вызывала до недавнего времени сколько-нибудь острого интереса. Следует также отметить фрагментарный характер научной исследованности истории мещан в контексте истории Удмуртии. Таким образом, изучение истории мещанского сословия представляет важность для понимания процессов социально-экономического развития российских городов.

Объектом исследования является мещанское сословие Удмуртии второй половины XIX – начала XX в. в его правовом, историко-демографическом и социально-экономическом аспектах.

Предметом исследования является динамика демографического, социально-экономического развития, правовых норм мещанского сословия Удмуртии, выработка им адаптационных механизмов в условиях активизации модернизационных процессов во второй половине XIX – начале XX в.

Хронологические рамки работы охватывают период 1861–1917 гг., время интенсивного переустройства российского общества на сословных началах. Выбор нижней границы исследования обусловлен датой начала проведения комплексных либеральных преобразований Александра II, впоследствии получивших название «великих реформ». Верхняя граница исследования обозначена в соответствии с кардинальными изменениями, произошедшими во всех сферах российского общества, включая также упразднение сословной системы.

Территориальные рамки исследования традиционно охватывают четыре уезда Вятской губернии (Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Сарапульский), в основном составившие территорию современной Удмуртии. Социально-экономические связи и этнический состав населения, объединявшие эти территориально-административные единицы, позволяют нам использовать данные районы как соответствующие достижению цели нашего исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Развитие историографического процесса относительно истории мещанского сословия следует по традиции разделять на три хронологических этапа: дореволюционный, советский и постсоветский.

Вклад авторов первого этапа заключается, прежде всего, в выделении ключевых проблем в истории развития мещанского сословия второй половины XIX – начала XX в. Трансформация правового поля, во многом вызванная «великими реформами» Александра II, выдвигала на первый план вопросы взаимодействия российских сословий в пределах городского пространства. В рамках данного исследовательского дискурса необходимо отметить работы

Л. О. Плошинского¹, П. А. Муллова², а также А. П. Пригары³. В центре внимания названных ученых, прежде всего, стояла проблема эволюции сословий посадских, городских обывателей со времени их основания до середины XIX в. В целях более тщательного освещения вышеозначенных вопросов, авторами привлекались данные о преобразовательной деятельности представителей городских сословий, осуществлявшейся посредством участия в работе органов городского самоуправления. Тема особенностей взаимодействия мещанского и купеческого сословий на профессиональной почве затрагивалась М. И. Пыляевым⁴.

Изменения в правовом статусе российских сословий подробным образом рассматриваются Н. М. Коркуновым, отмечавшим наличие в законодательстве поступательного движения в направлении снижения межсословных барьеров, ликвидации исключительных сословных прерогатив и привилегий⁵. Положение мещанского сословия, по мнению автора, к началу XX в., наряду с прочими сословными группами, входило в «странное противоречие с условиями русской жизни». К созвучным выводам приходил исследователь законодательства в сфере регулирования экономических процессов Г. Ф. Шершеневич⁶. Попытку уточнить статус мещанского сословия в общегосударственных демографических и хозяйственных схемах на материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи предприняли Н. А. Рубакин и А. Е. Лосицкий⁷.

¹ Плошинский Л. О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб., 1852.

² Муллов П. А. Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб., 1864.

³ Пригара А. П. Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России. СПб., 1868.

⁴ Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1887.

⁵ Коркунов Н. М. Русское государственное право. В 2-х томах. СПб. 1909.

⁶ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. М. 1899.

⁷ Лосицкий А. Е. Этюды о населении России по переписи 1897 г. // Мир Божий. СПб., 1905. № 8; Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912.

Более специализированный формат научной проблематики отличает подход таких исследователей как А. А. Кизеветтер⁸, И. И. Дитятин⁹, П. Н. Милюков¹⁰, обращавшихся к изучению вопроса об особенностях роли города и городского населения в процессе исторического развития России. В своем труде «Посадская община в России XVIII столетия» А. А. Кизеветтер предпринял попытку исследовать один из ранних периодов истории городских сословий, акцентируя внимание на сословно-социальной структуре посадского населения, исполнении налоговой повинности, городском самоуправлении. Тема городского самоуправления являлась основной в сочинениях И. И. Дитятина, рассматривавшего, в том числе, участие мещан в работе дореформенных городских дум, а также отстаивание ими интересов городских сословий. В своих трудах авторы означенного направления пришли к выводу о несоразмерности устанавливаемых властью предержащими перед городами целей и задач с действительным производственным потенциалом последних на заре их существования. Многочисленные повинности населения, относившегося к посадскому, а затем – мещанскому сословию, сдерживали процесс развития городов как центров промышленности и торговли.

В особую группу следует выделить исследования, обращенные к изучению вопросов, имевших непосредственное отношение к интересам и нуждам как городских сословий в целом, так и мещан в частности. Особенности налогообложения, и в частности вред, наносимый общественной и хозяйственной инициативе существованием принципа круговой поруки, оказались в центре внимания М. А. Гана¹¹. На неясности в законах, касавшихся сословного

⁸ Кизеветтер А. А. Посадская община России XVIII столетия. М., 1903; Его же. Местное самоуправление в России. IX–XIX век. М., 1910; Его же. Исторические очерки. М., 1912.

⁹ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. В 2-х томах. Ярославль, 1875–1877.

¹⁰ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909.

¹¹ Ган М. А. О настоящем быте мещан Саратовской губернии // Экономист. 1861. Т. 4. № 1. С. 1–42.

самоуправления, указывали М. И. Мыш¹² и Я. М. Вилейшис¹³. Проблемы недостаточности финансового обеспечения мещанских управ, отягощенные необходимостью осуществлять функции социальной поддержки, рассматривались М. П. Щепкиным¹⁴ и Л. В. Красовским¹⁵.

Особый вклад в исследовании правовой трансформации статуса сословия принадлежит работам публициста Я. В. Абрамова, который попытался привлечь внимание общественности к снижению материального благосостояния мещан после введения Городового положения 1870 г., а также непроработанности их прав и обязанностей в законодательстве. Произшедшая в результате реформы утрата мещанами привилегий, связанных с пользованием городскими выгонными землями, не имела достаточных механизмов финансовой амортизации. Повышение имущественного ценза в предоставлении городскому населению избирательных прав в рамках Городового положения 1892 г., не позволяло мещанам отстаивать собственные интересы в стенах реформированных городских дум – сословных «органов общественного управления». Подобная ситуация, по мнению Я. В. Абрамова, давала основания считать мещан, второе по численности сословие государства, «забытым сословием», нужды которого власть предрержащие оставляли без внимания¹⁶. Примечательны также написанные в

¹² *Мыш М. И.* О мещанских и ремесленных управлениях.: Сборник узаконений, правительственных и судебных разъяснений. СПб., 1896.

¹³ *Вилейшис Я. М.* Систематический сборник законов о мещанских управлениях с позднейшими разъяснениями Правительствующего Сената, министерств и других учреждений. Херсон, 1914; *Его же.* Посемейные списки мещан и крестьян и их приписка, причисление, перечисление, переселение, порочные члены, узаконение, усыновление, внебрачные дети, избрание рода жизни, фамилия вообще и разведенных жен, старообрядцы, сектанты, евреи, перемена веры и т.д.: Сб. законов и разъяснений. Херсон, 1915.

¹⁴ *Щепкин М. П.* Бюджеты трех московских сословий: купеческого, мещанского и ремесленного. М. 1865; *Его же.* Общественное самоуправление в Москве. Проект городского положения. М., 1906.

¹⁵ *Красовский Л. В.* Одна из повинностей мещанских обществ // Трудовая помощь. 1912. № 1. С. 1–21.

¹⁶ *Абрамов Я. В.* Мещане и город // Отечественные записки. 1883. № 3. С. 1–21; *Его же.* Забытое сословие // Наблюдатель. 1885. № 1. С. 269–303.

атмосфере политизированности общества статьи публициста Н. П. Дружинина¹⁷, в которых он, в целом пересказывая текст работ Я. В. Абрамова, призывает мещан апеллировать к Государственной думе для решения своих насущных проблем. Таким образом, работы дореволюционных авторов были нацелены на освещение правового статуса сословия, лежавшего на мещанах налогового бремени, а также его финансового положения.

Среди исследований регионального характера наибольшей ценностью обладают работы Н. Н. Блинова, осуществлявшего комплексный обзор общественно-экономических процессов, происходивших в г. Сарапуле. В рамках данного дискурса нашла отражение и активность представителей мещанского сословия, как основы городского ремесленничества и организаторов преимущественно розничного коммерческого предпринимательства. Кроме того, автор обращает внимание на вопросы, связанные с бытом и повседневностью горожан, что позволяет выделить из массы документального материала наиболее колоритные и содержательные факты из истории города и городского населения¹⁸.

Исследователи советского периода, останавливаясь лишь на отдельных аспектах истории мещанского сословия, обходят ее своим вниманием как отдельно взятую проблему. Социокультурный дискурс в изучении города и городского населения прослеживался в научных изысканиях И. М. Гревса и И. И. Анциферова¹⁹. Такие отрицательные черты этического содержания мещанства, как лицемерие, конформизм и беспринципность изобличаются в

¹⁷ Дружинин Н. П. Мещане и земельный вопрос. М., 1906; *Его же*. Мещане, их положение и нужды. М., 1917; *Его же*. Мещанское движение 1906–1917 гг. Ярославль, 1917.

¹⁸ Блинов Н. Н. К столетнему юбилею г. Сарапула. О необходимости образования новой Прикамской губернии. Сарапул, 1880; *Его же*. Историко-статистическое описание Сарапульского уезда, города Сарапула, Воткинского и Ижевского заводов. Сарапул, 1887; *Его же*. Сарапул. Исторический очерк. Сарапул, 1887; *Его же*. Заселение Прикамья. Сарапул, 1898; *Его же*. Сарапул и Среднее Прикамье. Былое и современность. Очерки и рисунками. Сарапул, 1908; *Его же*. Город Сарапул. Обзорение города. Общественная жизнь. Адрес-календарь. Сарапул, 1911.

¹⁹ Гревс И. М. Город как предмет краеведения. М., 1924; *Его же*. Экскурсия в культуру. М., 1925; Анциферов И. И. Пути изучения города как социального организма. Л., 1926.

трудах А. В. Луначарского²⁰. Подобная позиция становится типичной для авторов данного периода, которые приходят к выводу о том, что неспособность пожертвовать личными интересами во благо общественных нужд делала мещанина морально-нравственным врагом социалистического режима. Причиной тому послужило и укрепление сопутствовавших феномену мещанства негативных коннотаций, характеризовавших мещанина как собирательный образ индивида, стремившегося исключительно к собственному благополучию²¹.

Вместе с тем основная масса работ данного этапа была посвящена вопросам урбанизации, роли городов в процессе классового образования, а также особенностям городской экономики. Важное значение в деле реконструкции демографических процессов в среде городского населения имеет капитальный труд А. Г. Рашина²². Проблема трансформации города, представлявшего первоначально зону сосредоточения учреждений административного аппарата, в полноценные центры торговли и промышленности находилась в сфере изысканий Ю. Р. Клокмана²³. Комплексный анализ социально-экономических процессов, протекавших в России, как в пределах городов, так и уездов, был произведен В. К. Яцунским²⁴. На общем фоне масштабом охвата проблематики выделяются научные труды П. Г. Рындзюнского, в особенности, монография «Городское гражданство дореформенной России»²⁵. Раскрывая все перечисленные выше аспекты, сочинение Рындзюнского содержит анализ трансформации правового, хозяйственного и социального статуса мещанина на протяжении первой

²⁰ Луначарский А. В. Мещанство и индивидуализм / Очерки философии коллективизма. СПб., 1909; *Его же*. Об интеллигенции. М., 1923.

²¹ Старостенко А. М., Яковлев В. Г. Мещанство – идейный противник научного коммунизма. Алма-Ата, 1976; Бачинин В. А. Мещанство как социально-нравственная проблема. М., 1982; Новиков А. И. Мещанство и мещане. Л., 1983.

²² Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956.

²³ Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967.

²⁴ Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973.

²⁵ Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958; *Его же*. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М., 1983; *Его же*. Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население. М., 1975; *Его же*. Утверждение капитализма в России: 1850–1880 гг. М., 1978.

половины XIX в., основанный на обширном архивном массиве. Среди основных выводов автора в плане нашего исследования, необходимо отметить мысль об имевшей место активной конкуренции пришлых ремесленников-крестьян с городскими мещанами. Эти обстоятельства в конечном итоге побудили правительство пересмотреть курс на форсирование статуса города как центра торговли и промышленности, его приоритетное положение по отношению к уездам и их населению.

Попытка осветить диффузные явления в среде социальной стратификации городского населения была предпринята Л. М. Ивановым²⁶. Схожие проблемы оказывались в центре внимания С. И. Сметанина²⁷. Деятельность органов сословного самоуправления получила освещение в работах В. А. Нардовой²⁸. Анализ демографических показателей, отражающих перемещение крестьянского и мещанского населения между городом и деревней, позволил сделать Б. Н. Миронову вывод об особом статусе мещанского сословия, являвшегося своеобразным каналом сообщения для названных типов поселений. Вместе с тем по замечанию автора, дореформенному времени было свойственно вступление в состав мещанского общества представителей зажиточных слоев крестьянства. В пореформенный период мещанское сословие пополняли преимущественно разоряющиеся элементы, не видевшие перспектив своего развития на территории уезда²⁹.

Региональная историография истории мещанства была фрагментарно представлена научными изысканиями А. А. Александрова, Н. П. Лигенко³⁰ в

²⁶ Иванов Л. М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

²⁷ Сметанин С. И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800–1861 г. // Исторические записки. М., 1978. Т. 102. С. 153–182.

²⁸ Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Л., 1984.

²⁹ Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860 гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

³⁰ Лигенко Н. П. Развитие промышленности Удмуртии в период капитализма (1861–1917 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. Ижевск, 1986; *Ее же*. Крестьянская промышленность Удмуртии в конце XIX – начале XX в. // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988; *Ее же*. Крестьянская промышленность Удмуртии в период

контексте характеристики социально-экономического развития региона, и вклада каждого из сословий в развитие экономики и культуры.

Таким образом, несмотря на отсутствие работ, обращенных непосредственно к проблематике, связанной с историей мещанского сословия, созданный задел позволяет в целом обозначить важные аспекты в изучении истории мещанского сословия. Включив в научный оборот колоссальный объем архивного материала, исследователи советского периода создали почву для дальнейшего изучения сословно-классовой структуры городов России XIX – начала XX в. в целом, и трансформационных процессов в среде мещан в частности.

Постсоветский период ознаменован преодолением предубеждений и предрассудков, связанных с идеологическим догматизмом в отношении сословия мещан, стеснявшим научный поиск. Вследствие подобного поворота наблюдается существенный рост интереса к истории мещанского сословия. Диссертационная работа В. В. Захаровой стала одним из первых исследований в этом направлении³¹. Основываясь на научном заделе советского периода, ученый предпринял попытку проследить эволюцию правового статуса мещан на протяжении второй половины XIX в., а также рассмотреть основные черты их профессионально-хозяйственной деятельности. Данный труд открывает новый этап в историографии мещанского сословия, оформившийся преимущественно вокруг работ регионального масштаба. В последующие годы был подготовлен и опубликован ряд работ по истории мещанского сословия различных регионов России: Западной Сибири, Пермской губернии, Области Войска Донского, городов Московской губернии, Нижнего Поволжья³².

капитализма. Ижевск, 1991; *Александров А. А.* Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Удмуртии // *Очерки истории Удмуртии XIX в.* Ижевск, 1996.

³¹ *Захарова В. В.* Мещанское сословие пореформенной России: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

³² *Чутчев В. С.* Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004; *Белослудцева В. В.* Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006; *Смирнов И. Н.* Мещанское сословие Области войска Донского в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2007; *Долгопятов А. В.* Мещанское сословие городов Московской губернии: эволюция в пореформенный период: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; *Одинцова Л. А.*

Особый вклад в процесс постановки тематической проблематики внес А. П. Каплуновский³³. В центре внимания автора оказались образованные по Городовому положению 1870 г. органы сословного самоуправления – мещанские управы. Привлекая обширный массив архивных источников и опираясь на имеющийся библиографический материал, А. П. Каплуновский разработал схему организационной структуры управ, а также обозначил их основные функции. Кроме того, он указал на наличие связи между эффективностью деятельности мещанских управ и уровнем экономического развития городов, где они находятся, сделав вывод о том, что управы малых аграрных городов приходили в упадок скорее, чем аналогичные учреждения в крупных торгово-промышленных центрах.

Одними из ключевых трудов последних лет стали работы Л. В. Кошман, в особенности монография «Город и городская жизнь России XIX столетия»³⁴. В главе «Забывтое сословие» на базе творческого переосмысления идей Я. В. Абрамова, делается вывод о том, что государственные меры по преобразованию общества на основе сословности не в полной мере учитывали сохранившиеся ко второй половине XIX в. анахронизмы в правовом статусе мещан, что порождало упомянутую дореволюционным автором «забытость» сословия. Именно поэтому мещане испытывали сложности в адаптации к новым условиям второй половины XIX – начала XX в.. Дополнительным тормозом в данном отношении явилась и налоговая политика правительства, которая, по мнению Л. В. Кошман, оказала губительное действие на процессы формирования в России предпосылок укрепления среднего класса.

Культурологическим подходом отличаются труды З. М. Кобозевой. Автор смещает исследовательский акцент с правительственных мероприятий на действия самих представителей мещанского сословия, тщательно реконструируя

Эволюция мещанского сословия в системе социально-экономических отношений Нижнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2011.

³³ Каплуновский А. П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг.: этно-ист. исслед.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

³⁴ Кошман Л. В. Город и городская жизнь России XIX столетия. М., 2008; *Ее же*. Мещанство в России в XIX в. // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 3–20.

их образ жизни, а также самостоятельную целенаправленную деятельность по преобразованию окружающей их социокультурной среды³⁵. Наиболее интересна гипотеза З. М. Кобозевой о середине XIX в. как о «золотом веке» мещанского сословия: времени, когда из состава мещан выделилась значительная часть деятелей, близких по своим общественным и профессиональным интересам к купцам, а потому имевшая возможность вносить полноценный вклад в работу органов городского самоуправления – шестигласных дум. Подобная активность мещан позволяла обслуживать интересы как традиционно узкой верхушки сословия, так и его демократической основы.

К деятельности мещанских управ уральских городов обращена работа Е. Ю. Апкариковой. Исследователь анализирует основные направления работы органов сословного самоуправления, выявляя их роль в жизни отдельного мещанина. Важное наблюдение автора относится к вопросу о реализации управы своих контролирующих функций относительно норм поведения членов мещанского общества. Подобные инициативы способствовали консолидации мещан в пореформенную эпоху, а также оптимизации механизмов социальной поддержки в сословной и общегородской среде³⁶.

Помимо специализированных сочинений постсоветский период отмечен также созданием ряда работ по истории городов. Правовые аспекты взаимодействия мещанского и других сословий освещались Б. Н. Мироновым в фундаментальном сочинении «Социальная история России периода империи»³⁷.

³⁵ Кобозева З. М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара, 2013; *Ее же*. Мещанский порок // Родина. 2014. № 12. С. 135–136; *Ее же*. «Сиамские близнецы»: образ сословного союза купцов и мещан города Саратова // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 237–241; *Ее же*. Мещане города Саратова накануне отмены сословий // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 5. С. 56–60; *Ее же*. Проблема сословной истории мещанства в современной историографии // Вестник Самарского муниципального института управления. 2014. № 3. С. 130–136.

³⁶ Апкарикова Е. Ю. Сословные корпорации в городах Урала (конец XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2004.

³⁷ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2-х т. СПб., 2003.

Городское самоуправление городов Урала получило дальнейшее освещение в работах Е. Ю. Апкаримовой³⁸. По ее мнению, сословные органы самоуправления мещан действовали активнее по сравнению с купеческими управами, а также главным образом сосредотачивались в своей активности на вопросах социальной поддержки и благотворительности. Повседневности уральских городов посвящен коллективный труд Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримовой, С. В. Голиковой³⁹.

Социально-экономические особенности общественной жизни городов Поволжья раскрыты в работах А. Н. Зорина⁴⁰. По мнению исследователя, введенные одновременно с учреждением городских сословий ограничения по роду занятий мещан, купцов и крестьян тормозили развитие городов как торгово-промышленных центров. Напротив, характерный и определяющий для российских городов образ административного центра приобретал торгово-промышленную направленность по мере снижения межсословных барьеров, ликвидации натуральных повинностей и налогов, являвшихся исключительными для представителей мещанского сословия. Сходные мысли высказывали Ю. Р. Клокман, А. И. Куприянов, М. К. Шацилло, Н. А. Иванова, В. П. Желтова⁴¹.

Научные труды, посвященные истории купечества, в определенной мере позволяют смоделировать основные вопросы истории мещанского сословия, а также в известной степени проецировать методы обработки архивного материала, раскрывающего сходные с купеческими черты мировоззрения и профессионально-хозяйственной деятельности мещан. Касаясь вопросов формирования и эволюции купеческого сословия в масштабах Вятской губернии,

³⁸ Апкаримова Е. Ю., Миненко Н.А. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX в. М., 2003.

³⁹ Миненко Н. А., Апкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь Уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006.

⁴⁰ Зорин А. Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001.

⁴¹ Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX века: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995; *Его же*. Культура городского самоуправления русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX в.). М., 2009; Шацилло М. К. Социальный состав буржуазии в России в конце XIX века. М., 2004; Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. М., 2004; *Их же*. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009.

М. С. Судовиков подтверждает данный подход, отмечая особое значение мещанского сословия как обладавшего большей в сравнении с крестьянством экономической устойчивостью, а потому являвшимся стабильным источником складывания гильдейской корпорации в городах региона⁴². Особенности менталитета провинциального купечества освещались И. В. Масловой. Автор приходит к выводу о промежуточном положении психологического типа купца, выстраивавшегося под воздействием аристократического и мещанского ролевых наборов⁴³. Социально-экономическое развитие городов Вятской губернии рассматривается в диссертационном исследовании И. В. Яковлевой. Автор предпринимает попытку воспроизвести основные процессы в рамках трансформации урбанистического пространства пореформенной эпохи⁴⁴. Таким образом, за последние годы в целом были определены проблемные вопросы и направления, требующие дальнейшего изучения. Усилия ученых оказались обращены на выстраивание особого исследовательского дискурса, позволяющего рассмотреть историю мещанского сословия в ее многофакторном, многоаспектном формате. Особое значение приобретает подход, направленный на выявление конкретно-исторических предпосылок становления феномена мещанства в его этическом смысле, а также отход от тенденциозности в освещении роли сословия в рамках общероссийских процессов.

В отношении историографии истории Удмуртии следует выделить научные работы Н. П. Лигенко⁴⁵, Н. А. Родионова⁴⁶, Д. М. Пюрияйнен⁴⁷, освещавшие отдельные аспекты истории мещанского сословия. Так, Н. А. Родионов рассматривал специфику и направленность миграционных процессов,

⁴² Судовиков М. С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX в. Киров, 2009.

⁴³ Маслова И. В. Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX в. М., 2010.

⁴⁴ Яковлева И. В. Города Вятской губернии в период перехода от аграрной к индустриальной эпохе (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2017.

⁴⁵ Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Ижевск, 2001.

⁴⁶ Родионов Н. А. История оружейного производства в Удмуртии (XIX–XXI вв.). Ижевск, 2009.

⁴⁷ Пюрияйнен Д. М. Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурный аспект. Ижевск, 2013.

охватывавших освобожденных от крепостной зависимости категорий мастеровых и «непременных работников», нередко вступавших в состав мещанского сословия.

Наиболее весомый вклад среди ученых, разрабатывавших проблематику, связанную с историей мещанского сословия второй половины XIX – начала XX в., принадлежит Н. П. Лигенко. В результате освещения предпринимательской и общественной деятельности купечества, ею был выявлен факт наличия активных диффузных явлений в городской среде, существование тесных связей между представителями купечества и мещан. Автором был сделан также важный вывод о том, что в уездных городах Удмуртии социальную основу формирования купечества составляли мещане. В работе, посвященной социокультурному пространству уездного города Сарапула второй половины XIX – начала XX в., Д. М. Пюрияйнен сосредоточилась на реконструкции повседневных практик представителей мещанского сословия и их интеракций с пришлыми элементами из состава сельских обывателей, бывших заводских мастеровых, дворян и купечества. Автор приходит к выводу о поступательном процессе размывания фундамента мещанского сословия за счет прибывавшего в город крестьянства, в большинстве своем ориентированного на консервацию традиционализма в поведенческих и мыслительных установках. Вместе с тем Д. М. Пюрияйнен отмечает признаки единения социальных слоев города в рамках деятельности всесословных органов общественного управления: городских дум и управ.

Таким образом, в региональной историографии подняты лишь отдельные аспекты проблематики. Освещение же истории мещанского сословия до сего времени в качестве самостоятельного предмета исследования оставалось за пределами внимания ученых.

Целью работы является исследование истории мещанского сословия Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в.: эволюция социально-экономического положения, демографического, правового статуса, участие в

работе органов сословного самоуправления. Достижение поставленной цели реализуется выделением и решением следующих **задач**:

1. Определить характер изменений, происходивших в правовом статусе мещанского сословия.
2. Проанализировать динамику демографических процессов, охватывавших сословие мещан.
3. Рассмотреть виды и формы профессиональной деятельности мещан.
4. Раскрыть характер предпринимательской деятельности мещан в рамках промышленного и торгового сектора городской экономики.
5. Выяснить роль мещанских управ в жизни сословия, а также их статус относительно всесословных органов городского самоуправления.

Источниковая база исследования представлена комплексом как опубликованных, так и неопубликованных материалов. Основой данной работы являются неопубликованные документы таких центральных и региональных архивов, как Российский государственный исторический архив (РГИА), Государственный архив Кировской области (ГАКО), Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР), Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузубая Герда (НМ УР), Управление по делам архивов администрации МО «Город Сарапул» (УДААС).

По происхождению информации исторические источники можно разделить на шесть групп: законодательные акты, архивные материалы, прежде всего, делопроизводственная документация, опубликованные статистические и справочные издания, материалы периодической печати, источники личного происхождения, а также художественная литература.

Первую группу составляют нормативно-правовые акты, опубликованные в «Своде законов Российской империи» (СЗ РИ) и «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ РИ). Изучение трансформации правового статуса сословия мещан требует анализа и освещения следующих узаконений конца XVIII – первой половины XIX в.: «Манифест о высочайше дарованных разным

сословиям милостях по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою» от 17 марта 1775 г., «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г., «О повсеместном дозволении крестьянам покупать сельские произведения и продавать оные в городах» от 8 декабря 1810 г., а также «Дополнительное постановление об устройстве гильдий и торговле прочих состояний» от 14 ноября 1824 г. Названные правительственные инициативы позволяют проследить поступательное движение от строгой регламентации профессионально-хозяйственной деятельности городского населения в отношении сельского по принципу сословной принадлежности к постепенному созданию сословного городского пространства, открытого предпринимательской активности представителям как городского гражданства, так и крестьянства. Центральным значением в данном смысле обладают либеральные преобразования Александра II и, в частности, Гильдейское положение 1863 г., а также Городовое положение 1870 г., направленные на ликвидацию ряда привилегий городских сословий.

К этой же группе источников принадлежат составленные дореволюционными правоведами сборники узаконений и разъяснений правительственных постановлений за авторством М. И. Мыша⁴⁸ и Я. М. Вилейшиса⁴⁹. Данная группа документов дает возможность выделить одну из важнейших особенностей правового статуса мещан в пореформенное время: наличие законодательных анахронизмов, затруднявших адаптацию мещан к условиям сословного общества.

Вторую группу источников составляют архивные материалы, прежде всего, представленные делопроизводственными документами ведомств городского, уездного и губернского уровня. Незаменимым репрезентативным источником являются первичные материалы Первой всеобщей переписи населения

⁴⁸ Мыш М. И. О мещанских и ремесленных управлениях: сборник узаконений, правительственных и судебных разъяснений. СПб., 1896.

⁴⁹ Вилейшис Я. М. Систематический сборник законов о мещанских управлениях с позднейшими разъяснениями Правительствующего Сената, министерств и других учреждений. Херсон, 1914.

Российской империи 1897 г., представляющие подробную картину состояния семьи мещанина на 1897 г.: данные о возрасте, месте рождения, месте жительства, национальности, роде занятий, грамотности, вероисповедании. Ценным источником, отражающим миграционные, межсословные диффузные процессы, в масштабе отдельных семейств XIX– начала XX в., является «Посемейный список мещан города Сарапула» (1896–1917 гг.) (АОАС.Ф. 76). Статистические данные карточного характера, содержащие сведения о предпринимательской и профессиональной деятельности мещанского сословия, имеются в отчетах Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов и Центрального статистического комитета. Так, наиболее полные данные зафиксированы в ведомостях промышленных заведений за 1878, 1890, 1894–1895 гг. (РГИА. Ф. 20. Департамент торговли и мануфактур) и за 1893 г. (РГИА. Ф. 1290. Центральный статистический комитет МВД).

Делопроизводственная документация отражает процессы и результаты взаимодействия представителей мещанского сословия, мещанских управ, городских дум, а также органов уездного и губернского самоуправления. Данная категория включает в себя примеры деловой переписки означенных ведомств и частных лиц, протоколы заседаний и отчетные ведомости мещанских управ (ГАКО. Ф. 582, 583, 837). Означенные данные позволяют выявить наиболее важные проблемы, из волновавших мещан и не нашедшие, вместе с тем, разрешения на уровне городского самоуправления. Предметом жалоб и разбирательств оказывались главным образом вопросы аренды и пользования городскими выгонными землями. Кроме того, предметом обращений оказывалась передача сведений об участии мещан в ремесленных выставках губернского и общероссийского масштабов, что указывает на высокий качественный уровень производимой в регионе продукции, а также новаторский настрой самих мещан. Журналы заседаний общественных сходов мещан приговоры мещанского общества позволяют восстановить порядок общественного управления на сословном уровне, выявить протекавшие в среде мещан процессы социально-

экономического и культурного характера (ГАКО. Ф. 837). Использование статистических данных позволяет выявить основные тенденции развития социально-демографических процессов в среде мещанского сословия, а также определить роль представителей сословия в качественной трансформации экономической сферы региона в рассматриваемый период.

Третья группа источников представлена опубликованными статистическими и справочными изданиями. Материалы, содержащие сведения поездного и карточного характера о промышленных заведениях региона были опубликованы Центральным статистическим комитетом МВД в сборнике «Статистический временник Российской империи» (данные за 1868 г.) и департаментом Торговли и Мануфактур в «Списке фабрик и заводов российской империи» за 1909 год. Советом съездов и представителей торговли и промышленности был издан в 1914 г. статистический сборник «Фабрично-заводские предприятия Российской империи». Данные Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. имеют важное значение в деле воспроизводства картины социально-демографического развития региона. Использование статистических данных позволяет определить роль представителей сословия в качественной трансформации экономической сферы региона в рассматриваемый период.

Четвертую группу источников представляют материалы периодических изданий: «Памятные книжки и адрес-календари Вятской губернии» (1854–1916 гг.); ежегодно издававшиеся Губернским статистическим комитетом, содержащие не только статистические отчеты, но и научные статьи этнографов, священнослужителей, а также данные полевых исследований и наблюдений, отражающих образ жизни населения Вятской губернии; «Уральский торгово-промышленный адрес-календарь (1900–1906 гг.) как уникальный источник, содержащий единовременный обзор карточного характера торгово-промышленной сферы губернии; выпуски газет: «Вятские губернские ведомости» (1885–1917), «Вятская речь» (1908–1917). Использование данных публикаций печатной прессы способствует восстановлению представления общественности о

самых актуальных проблемах социального развития городов Удмуртии. Периодические издания содержат ценные сведения, имеющие важное значение в реконструкции картины повседневной жизни представителей мещанского сословия.

Пятую группу использованных материалов составили источники личного происхождения. Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузубая Герда (НМ УР) содержит редкие для представителей мещанского сословия сведения о семье Глотова Владимира Савельевича – владельца доходного дома в г. Сарапуле, служащего Сарапульского уездного земства, а впоследствии – служащего советских учреждений. Аналогичная информация наличествует в отношении семьи сарапульского мещанина Костицына Алексея Александровича – делопроизводителя нотариальной конторы. Данные собрания позволяют получить информацию о составе семьи мещанина, его карьерном росте, статусном положении на протяжении всей его жизни. Использование подобных сведений способствует выявлению характерных личностных и профессиональных черт, с опорой на которые мещанин мог добиться финансового благополучия и общественного признания. Предприимчивость на поведенческом уровне и дом, недвижимость как материальная, культурная база являлись важным подспорьем успеха амбициозных мещан. Кроме того, фотографические материалы, отражающие внешний облик представителя мещанского сословия второй половины XIX – начала XX в. имеют особое значение в деле реконструкции собирательного образа мещанина.

Шестую группу источников, составляют художественные произведения классиков отечественной литературы, посвященные образу жизни, моральному облику горожанина XIX – начала XX в. Сочинения А. П. Чехова, А. Н. Островского, М. Горького, Н. Г. Помяловского, М. Е. Салтыкова-Щедрина предоставляют возможность реконструировать феномен «мещанства» в его нравственно-этической форме. Вместе с тем обращение к работам названных авторов создает фундамент для выделения объективных предпосылок к

оформлению негативных коннотаций, сопутствующих образу мещанина, а также ряда не зависевших от воли представителей данного сословия условий и причин.

Таким образом, источниковая база исследования позволяет решить поставленные задачи в рамках заданных территориальных и хронологических границ.

Научная новизна исследования. Впервые история мещанского сословия Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. взята в качестве самостоятельного объекта исследования. Изучению подверглись такие важные аспекты, как правовой статус, профессиональная, хозяйственная и предпринимательская деятельность, участие в органах общественного самоуправления, положение в сословной системе относительно привилегированных и непривилегированных социальных групп, а также задействованные адаптационные механизмы в условиях активизировавшихся модернизационных процессов. Проанализированы источники и способы пополнения мещанского сословия; соотношение направленности демографических процессов в среде мещанского сословия с общегородскими и общерегиональными. Рассмотрены виды профессиональной деятельности мещан. Особое внимание уделено участию мещанских управ в работе всесословных органов общественного городского самоуправления.

Содержание диссертации соответствует пунктам 3. Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития; 7. История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности; 15. Исторический опыт российских реформ; 18. Исторические изменения ментальностей народов и социальных групп российского общества; 19. История развития российского города и деревни; 21. История экономического развития России, ее регионов

Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) ВАК при Министерстве науки и высшего образования России.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории мещанского сословия страны и истории Удмуртии, а также при формировании учебно-методических комплексов по преподаванию истории России, разработке спецкурсов и лекций, при проведении экскурсий, построении музейных экспозиций, разработке отдельных туристических программ.

Методология и методы исследования. Идейной базой построения научной концепции исследования явилась теория модернизации, разработанная применительно к российской действительности уральскими учеными И. В. Побережниковым и В. В. Алексеевым⁵⁰. Согласно ей, социоэкономические процессы и тенденции, в центре которых оказались представители мещанского сословия в пореформенный период, следует рассматривать как ряд сменяющих друг друга этапов на пути к трансформации общества от традиционного – к современному, и, в том числе, к обществу городскому. Модернизация как комплексный феномен, затронувший каждую из подсистем российского общества, может быть осмыслена как путь, в рамках которого исторически сложившиеся институты адаптируются к качественно новым явлениям трансформирующегося окружения. В качестве особо значимого процесса данная теория отмечает также «урбанизационный переход», характеризующийся возрастанием удельного веса городского населения за счет сельского, распространением городского образа жизни, а также изменением места города в обществе. Использование теории модернизации в качестве концептуальной базы исследования позволяет учесть весь спектр аспектов, оказавших влияние на эволюцию социально-правового статуса мещанского сословия.

⁵⁰ Алексеев В. В. Опыт российских модернизаций, XVIII–XX в. М. 2000; Алексеев В. В., Побережников И. В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5–6. С. 8–49; Побережников И. В. Теория модернизации: от классической к современной версии // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут, 2000. № 2. С. 75–80; Его же. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006; Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2016.

При подготовке диссертации использовались такие методологические принципы, как принцип историзма, системности, объективности. Комплексность исследовательского подхода требовала совмещения общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция) и специально-исторических (историко-системный, историко-типологический, историко-сравнительный) методов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Правовой статус мещанского сословия с момента своего первоначального оформления претерпел существенные изменения, связанные с эволюцией, внутренним развитием правительственного взгляда на роль и статус города и городского населения в России. Наблюдался поступательный переход от строго сословной регламентации, продиктованной законодательством Екатерины II, к постепенному снижению межсословных барьеров в течение первой половины XIX в. и их дальнейшему размыванию на базе либеральных преобразований Александра II в течение второй половины XIX – начала XX в.. Городовое положение 1870 г., ознаменовавшее переход к оформлению всесословного городского пространства, привело к значительным изменениям в правовом статусе мещан, повлекшим за собой усиление социальной дифференциации.

2. В своей социально-демографической трансформации мещанское сословие Удмуртии в целом повторяло общероссийские тенденции, главным содержанием которых являлся процесс размывания городского населения пришлым крестьянством. Так, в течение второй половины XIX – начала XX в. удельный вес мещан в составе городского населения региона снижался одновременно с приростом долевого присутствия крестьян. Особенно ярко данная тенденция проявилась в экономически малоразвитых городах (Глазов, Малмыж). Здесь, в силу своей зависимости от отхожих промыслов, к концу XIX в. мещане представляли менее трети наличного населения. Вместе с тем крестьянство служило и основным источником пополнения мещанских обществ. В свою очередь, мещане представляли собой социальную среду, из которой произрастало местное купечество.

3. Пореформенная эпоха стала временем укрепления в среде городского населения ценностей буржуазного общества, а также переосмысления мещанами своего социального статуса, во многом зависевшего от их материального благосостояния. Важная роль в данном смысле отводилась дому, указывавшему на особое социальное положение владельца городской недвижимости, обуславливавшее предоставление права участвовать в работе органов общественного самоуправления.

Укрепление конкурентных отношений в городской среде стимулировало процессы имущественной дифференциации. В зависимости от наличия у мещанина или его готовности к приобретению необходимых для предпринимательства личностных качеств, выделялись категории лиц, как отличавшиеся крайне неблагоприятным материальным положением, так и приближавшиеся по своему положению к купечеству. Последние во многом составили питательную почву для дальнейшего укрепления и реализации деловых инициатив, а также социального слоя предпринимателей в целом. В свою очередь, разорявшиеся и обедневшие мещане пополняли состав наемных рабочих, пролетариата.

4. Либерализация законодательства о предпринимательской деятельности позволила мещанам проводить операции в объеме, сравнимом с купеческим. Предприятия мещан были представлены торговыми и промышленными заведениями различных экономических форм производства. Предпринимательская инициатива преимущественно находила реализацию в пищевой и кожевенно-обувной отраслях, а также стационарной сфере торговли. В отдельных случаях рост производственных показателей позволял мещанину стать основателем собственного торгового дома или перейти в состав купеческого сословия, статус которого не утратил своей престижности даже в пореформенный период.

Важную роль в организации предпринимательской деятельности мещан играл дом. Недвижимость обладала доходным потенциалом как производственная

платформа для размещения торгового или ремесленного заведения, а также жилая площадь для сдачи в наем постояльцам или арендаторам. Так, каждое пятое мещанское домохозяйство г. Сарапула предоставляло квартиры или комнаты нанимателям, переселявшимся в торгово-промышленный центр региона.

5. Развитие городской инфраструктуры стимулировало углубление специализации профессиональных занятий мещан, которые уже традиционно нашли сосредоточение в сфере услуг, торговле и промышленности. Успешное приобретение новых умений и навыков позволяло мещанам активно конкурировать на городском рынке рабочей силы, успешно изыскивать средства к существованию. Вместе с тем возраставший спрос на продукты духовного производства позволял профессиональной активности мещан сосредотачиваться за пределами производства материальных ценностей и сферы соответствующих услуг. Занятия в сфере образования, науки, искусства становятся неотъемлемой частью реализации творческого потенциала мещан.

6. Мещанские управы, образованные по Городовому положению 1870 г., являлись органом сословного самоуправления мещан и отвечали за вопросы, преимущественно связанные с административным надзором сословия. Одновременно деятельность мещанских управ могла быть направлена на защиту материальных интересов сословия, а также социальную опеку своих малоимущих и нуждающихся в финансовой помощи членов.

Взаимодействие мещанских управ с органами общественного управления и, прежде всего, всесословными городскими думами, проходили с преобладанием решений последних. Вопросами, требовавшими совместного рассмотрения, становились разбирательства о продлении права мещан пользования выгонными землями на льготной основе, споры о собственности города на принадлежащую или находившуюся в пользовании представителей сословного общества недвижимость. Преимущественное положение городских дум позволяло одерживать верх над мещанскими управами, нередко стремившимися возродить ряд сословных привилегий дореформенного времени. Успех инициатив,

выдвигаемых мещанскими управами, во многом зависел как от материальной поддержки представителей сословия, так и от правового сопровождения членов городской управы. Активность мещанских управ снижалась по мере укрепления положения всесословных органов общественного управления.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в научных публикациях, в том числе в изданиях, рекомендованных Всероссийской аттестационной комиссией: «Вестник Пермского университета», «Вестник Челябинского университета», «Европейский журнал социальных наук». Кроме того, результаты научной работы были представлены на следующих всероссийских научных с международным участием и научно-практических конференциях: «VI Международные Стахеевские чтения» (г. Елабуга, 2012), «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия» (г. Ижевск, 2014), «Музейные чтения в Арсенале» (г. Ижевск, 2015), «Русские в Прикамье (г. Сарапул, 2018)». Созданный научный задел позволил принять участие в грантовом проекте молодых ученых и аспирантов УрО РАН 2014 г. №14-6-НП-238 «Сообщества крестьян и мещан Камско-Вятского региона: факторы формирования идентичности. XIX – начало XX в.» (руководитель – к.и.н. Н. В. Пислегин). Всего опубликовано 7 научных статей общим объемом 3,55 п. л., в т. ч. 3 статьи – в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией.

Структура диссертации обусловлена решением поставленных в нем задач. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ

§ 1.1. Становление и трансформация правового статуса мещанского сословия

Изучение проблематики, связанной с историей мещанского сословия, осложняется двойственностью природы самого феномена «мещанства». С одной стороны, оно предстает в виде сословной категории, которая наряду с купечеством составляла сословную группу городских обывателей. Права и обязанности мещан были законодательно зафиксированы, а их корпоративные интересы защищались в ходе деятельности мещанских управ. С другой стороны, «мещанству» соответствует социально-психологический тип личности и система ценностей, связанных с образом жизни и сознанием мелкого буржуа. Нередко названные черты принято также отождествлять с психологией, характеризовавшейся недоверчивостью, прозаичностью мышления, ориентацией на среднее, собственническими интересами, стремлением к созданию видимости образа личной добродетели⁵¹. Таким образом, выработка объективной оценки вклада представителей мещанского сословия в процесс исторического развития государства осложнялась субъективизмом во взгляде на «мещанство» в целом. Вместе с тем понимание конкретно-исторических предпосылок оформления подобного взгляда способствует выстраиванию полной картины социально-экономических отношений в пореформенную эпоху.

Переход к централизованному использованию понятия «мещане» на уровне юридической категории связан с законодательством Екатерины II. Само слово «мещанин» заимствовано из польского языка и буквально переводится как «горожанин»⁵². Такое наименование в XIV – XVI вв. являлось характерным для

⁵¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН, Гл. ред. В. С. Степин. М., 2010. Т. 2. С. 562.

⁵² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х тт. М. 1986. Т. 2. С. 616.

горожан южных и западных русских областей, входивших в состав Литвы и Польши, а с XVII в. – для жителей смоленских городов⁵³. Понятие «мещане» в данном случае было синонимично термину «посадские», т. е. горожане, занимавшие низшее место в среде городских жителей: мелкие торговцы, ремесленники, наемные рабочие⁵⁴.

В своем Наказе к Уложенной комиссии Екатерина II изображала представителей городского гражданства: мещан (посадских), купцов и именитых граждан – в качестве «среднего рода людей», социальной группы, удовлетворявшей не только сугубо практическим, профессиональным и имущественным требованиям, но и ряду моральных императивов. Так, умеренность, трудолюбие и добронравие, противопоставленные в тексте Наказа лени, праздности и обману, должны были послужить основой приобретению сословием горожан «отличного [материального – А.У.] состояния»⁵⁵. Свойства характера, на которые были ориентированы мещане, имеют сходство с выделенными впоследствии В. Зомбартом добродетелями «мещанского духа» – «*burgergeist*»⁵⁶. Таким образом, данная социально-правовая категория отделялась от дворянства и крестьянства, олицетворявших людей «высокого» и «низкого» родов соответственно. Дворянству предписывалось представлять интересы государства посредством военной и гражданской службы. Крестьяне, в свою очередь, были обязаны повиноваться жребию земледельца, выпавшего на долю данного сословия⁵⁷. По мнению Т. В. Бессоновой, законодательное оформление статуса мещан преследовало двоякую цель. Во-первых, таким образом происходило учреждение российского аналога западноевропейского бюргерства,

⁵³ Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия / Под ред. Е. М. Жукова, 1966. Т. 9. С. 416.

⁵⁴ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь в 82 тт. и 4 доп. тт. СПб., 1890–1907. Т. 20. С. 340.

⁵⁵ Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении Проекта Нового Уложения: Памятники русского законодательства 1649–1832 гг. / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 109–110.

⁵⁶ Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь / Перевод с нем. М., 2004. С. 111, 113–114.

⁵⁷ Наказ Императрицы... С. 105–106.

во-вторых, это позволяло более точно обозначить действительное социально-правовое поле, в рамках которого функционировало городское население. Вместе с тем первая задача слабо соотносилась с исторической традицией российских городов, первоочередная роль которых обыкновенно заключалась в обслуживании административных нужд государства⁵⁸.

Противопоставление в тексте екатерининского «Наказа» мещанского и дворянского сословий, служивших своим личным и государственным интересам соответственно, явилось почвой для дальнейшего укрепления негативных коннотаций, связанных с этическим наполнением «мещанства» как социокультурного феномена. Заложенное столкновение моральных установок не было исключительным для России явлением. Согласно выводам М. Оссовской, буржуазия с ее тягой к наживе приобретала комплекс отрицательных черт, ярко отделявших их от романтизированного образа рыцаря и дворянина, защищавшего честь государства на военном и гражданском поприще. Более того, проблема мещанства как этической модели происходит из оказываемого влияния на социальные установки со стороны представителей дворянства, являвшихся в большинстве своем хулителями мещан⁵⁹. Служба государству, почетная смерть на посту противопоставлялись мещанскому стремлению к уюту, спокойному и обеспеченному существованию в разряженной, лишенной каких-либо тревог атмосфере. Мещанский дух, по сравнению с духом дворянства, был пропитан «бытовой трусостью», каковая расценивалась последними в качестве величайшего позора⁶⁰.

Именно в силу означенного этического конфликта, российское купечество, стремившееся сократить культурную дистанцию с дворянством, отличалось определенной склонностью к благотворительности и меценатству. Таким

⁵⁸ Бессонова Т. В. Возникновение и развитие понятия «мещане» в России в XVIII–XIX веках // Вестник Евразии. 2006. № 1. С. 154.

⁵⁹ Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали: Пер. с польск. / Общ. ред. А. А. Гусейнова. М., 1987. С. 436–437.

⁶⁰ Щукин В. Г. Апология Молотова. Мещанство и интеллигенция в историко-культурной перспективе // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 65–66.

образом, купечество получало возможность претендовать на роль ключевого элемента не только экономической, но и гражданской инициативы. В свою очередь, взаимоотношениям купечества и мещанства были свойственны как конкурентные, так и симбиотические черты, непосредственно отражавшиеся на социально-правовом статусе мещан.

По мнению С. И. Сметанина, предреформенный период середины XIX в. характеризовался «очищением» и «обновлением» купеческого сословия⁶¹. Одним из результатов названных процессов явилось постепенное вытеснение из рядов купечества III-й гильдии той части экономически активного населения, которая в своем финансовом положении и профессиональной деятельности могла быть отнесена к верхней страте сословия мещан. Последние, в свою очередь, располагая сравнительно высоким материальным достатком, не всегда обладали возможностью ежегодно объявлять капитал в объемах, установленных для купцов III-й гильдии. Подобное положение делало их особенно уязвимыми в периоды кризисных явлений экономического порядка, что непосредственно проявлялось в переходе из состава купеческого сословия – в мещане.

Названные процессы, с одной стороны, стимулировали активное «очищение» купечества от лиц, находившихся в положении, пограничном для III-й гильдии и более низкой категории городских сословий. С другой стороны, происходило существенное усложнение состава мещанского сословия в целом. Относительно однородное за пределами крупных городов сословие, имевшее в своем основании критерий оседлости, оно приобретает новые страты в верхнем и нижнем регистре социального спектра. Выделяется верхушка «капитальных мещан», состоявшая преимущественно из обедневших купцов. Данная категория лиц занимала лидерские позиции, выполняя связующую роль во взаимодействии менее успешных однообщественников с предпринимательской элитой. Параллельно тому происходил рост прослойки, примыкавшей к мещанам «по своему

⁶¹ Сметанин С. И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800–1861 гг. // Исторические записки. 1978. № 102. С. 157–164.

социально-экономическому положению»⁶². Настоящим образом была обозначена внесословная группа горожан, формально не входившая в состав городских сословий, но являвшаяся сходной мещанам, прежде всего, по роду своей деятельности. Ряды таких диссонансных, на первый взгляд, элементов пополнялись мастеровыми и урочными работниками казенных заводов, мелкими приказнослужащими, а также торговцами и занятыми в сфере ремесленного производства крестьянами. Кроме того, по закону от 1832 г. в состав мещан «для счета» начата приписка лиц, не требовавшая согласия сословных обществ. Такими категориями являлись отставные солдаты, дети духовенства, канцеляристов и разночинцев, а также сироты – воспитанники органов общественного призрения.

По словам М. П. Щепкина, современника означенных процессов, «мещанское общество представляло собой постоянно движущуюся, изменяющуюся массу, которая то принимала в себя постоянно новых членов из низшего, бывшего крепостного населения <...>, то выпускала из себя других, всегда более сильных и здоровых членов, искавших себе простора в купечестве, которое, в свою очередь, возвращало ему назад своих несостоятельных членов»⁶³. В данном смысле также интересно сделанное Н. М. Коркуновым замечание об особом значении мещанского сословия в процессе становления в России гражданского равноправия. По его мнению, вмещающая в себя множество изначально маргинальных в отношении города категорий, мещанство как намеренно, так и опосредованно социализировало названные элементы на почве стремительно приобретающей все более явные очертания ментальности. Примечательно, что названная база социализации уже не имела в своей основе строгого соответствия между профессионально-хозяйственной деятельностью и сословно-правовым статусом⁶⁴.

⁶² *Сметанин С. И.* Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800–1861 гг. // Исторические записки. 1978. № 102. С. 173.

⁶³ *Щепкин М. П.* Бюджеты трех московских сословий. М., 1865. С. 44.

⁶⁴ *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. СПб., 1909. В 2-х томах. Т. 1. С. 276.

Указанная тенденция, наряду с пополнением сословия мещан осевшими на территории городов «капиталистами» крестьянами, а также окончательной ликвидацией с 1863 г. наиболее волатильной III-й купеческой гильдии, позволила сформировать питательную базу для выработки особой для городских жителей идентичности. Верхняя страта мещан получила возможность отстаивать интересы второго по численности сословия в государстве, являлась своеобразным связующим звеном между разбогатевшими и менее успешными горожанами. По мнению З. М. Кобозевой, подобная обстановка позволила мещанам к середине XIX в. вступить в так называемый «золотой век», характеризовавшийся наибольшей активностью представителей сословия в деятельности органов городского самоуправления⁶⁵. Важную роль в подготовке означенного этапа эволюции сыграли успехи адаптации мещан к трансформирующемуся взгляду государства на нужды и предназначение городского населения, а равно и к складывавшимся естественным образом социальным процессам, развитию товарно-денежных отношений. Таким образом, постепенно на базе «городского гражданства» складывалась основа для эффективного взаимодействия всех слоев экономически активного городского населения. Показателем последствий имевшей место трансформации может служить характеристика, данная российским городам конца XVIII в. А. А. Кизеветтером: «Столетие... жизненных условий складывалось неблагоприятно для развития городской культуры в России XVIII столетия, и город того времени представлял собой хрупкий, экономически слабый организм, не имевший под собой питательной почвы»⁶⁶.

Так, в новообразованных городах Сарепул и Елабуга долгое время не открывали ратушу, поскольку они не имели необходимого количества мещан. От перехода в состав городских сословий сельских обывателей отпугивали

⁶⁵ Кобозева З. М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара, 2013. С. 68.

⁶⁶ Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII столетия // Исторические очерки: из ист. полит. идей. – Школа и просвещение. – Русский город в XVIII столетии. – Из истории России в XIX столетии. М., 2006. С. 232.

унаследованные мещанами от посадских людей многочисленные денежные и натуральные повинности, среди которых значились дорожно-мостовая, постоянная, работная, ямская, подводная⁶⁷. Подобные обстоятельства, наряду с нежеланием покидать обрабатываемые земельные участки, удерживали крестьян села Трехсвятское – будущего г. Елабуги. Только передача городу выгонных земель, поступивших в пользование новоявленных мещан, способствовала преодолению означенных сложностей⁶⁸. В случае с г. Сарапулом властям пришлось прибегнуть к приписке к городу крестьян прилежавших волостей⁶⁹.

Несмотря на важную роль мещанства в системе социальных отношений российского города, в глазах общественности данное сословие приобрело ряд вышеозначенных негативных характеристик. Более того, по мнению З. М. Кобозевой, такая дискриминация может предстать в трехчастной форме: методологической – принижение внесенного мещанами вклада в рамках макротеорий, гендерной – опора на сложившиеся традиции учитывать лишь гражданскую активность мужчин, а также академической, поглощающей идентичность мещан при выделении сугубо абстрактных, умозрительных категорий в историописании⁷⁰. Однако наиболее стойким стереотипом следует считать сужение взгляда на мещанство как, прежде всего, на этическую категорию.

Произведения художественной литературы следует считать одним из крупнейших источников типизированных образов (типажей), соотносящихся, по мнению творческой интеллигенции, с наиболее характерными социальными элементами и группами той или иной исторической эпохи. Привлечение работ классиков отечественной литературы, затрагивавших остросоциальную тематику (А. Н. Островский, А. П. Чехов, М. Горький, Н. Г. Помяловский) позволяет

⁶⁷ Зорин А. Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань, 2001. С. 64.

⁶⁸ Там же. С. 85.

⁶⁹ Блинов Н. Н. Сарапул. Исторический очерк. Сарапул, 1887. С. 37, 39–40.

⁷⁰ Кобозева З. М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара, 2013. С. 72.

частично реконструировать авторское видение образа жизни сословия мещан в отдельных его эпизодах. Внутренние и внешние конфликты героев произведений способны наиболее ярко проиллюстрировать переходную природу пореформенной эпохи, стимулировавшей процессы маргинализации в среде различных социальных слоев.

Идейным лейтмотивом ряда характерных для произведений критического подхода может служить реплика Кулигина из повести Островского А. Н. «Гроза» (1860): «В мещанстве, сударь, Вы ничего, кроме грубости, да бедности нагольной не увидите!»⁷¹. Более иносказательно один из центральных для феномена мещанства вопрос – проблему «адаптации» – затрагивает рассказ А. П. Чехова «Ионыч» (1898). Впрочем названный процесс в данном случае приобретает пассивно-конформистский характер в отношении обывательской социально-культурной среды города С., где и происходит действие рассказа. Дмитрий Ионович Старцев, земский врач, за сравнительно короткий срок (менее 10 лет) проходит путь от личности, способной к любви к ближнему, не приемлющей невежества, готовой к решительным поступкам – до индивида, отличающегося жадой накопительства, высокомерием и надменностью («на него смотрят с уважением, изумлением и страхом»), а также отказом от каких-либо попыток преобразовать окружавшее его общественное пространство. Один из определяющих признаков обывателя: неспособность и нежелание обсуждать и понимать любые «несъедобные темы, например, политику и науку», закрепляется за самим Ионычем в виде пристрастия к сорту вина «Лафит №17».

Однако прежде, будучи опьяненным любовью к Екатерине, Старцев не замечал, как даже Туркины, самое интеллигентное и культурное семейство в городе, подсознательно прибегает к помощи «доносившегося из кухни запаха жареного лука», позволявшего моделировать усвоение продуктов духовной культуры на уровне заученных фраз и выражений, напоминающих при этом отзывы на недавно принятую пищу («недурственно»). Сами продукты творчества

⁷¹ *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений в 12 томах. М., 1973–1980. Т. 2. С. 209–266.

членов семьи Туркиных также отличались своеобразным этическим посылом: они не мотивировали человека на поступки, но лишь усыпляли почти гротескными рассказами о том, чего «определенно не бывает в жизни», а потому не имеющего смысла и значения в качестве практической цели. Нежелание Старцева вставить с дивана, ощущение сонливости после прослушивания «большинских» романов Веры Иосифовны Туркиной или громких фортепьянных пассажей Екатерины на уровне мировоззрения проявляется позже в отказе от казавшихся прежде единственно верных действий, способствующих общественному прогрессу («человечество, слава Богу, идет вперед»), а физически – в скором старении и полноте. Вместе с тем активность Ионыча определяется желанием воздвигнуть себе прижизненный памятник в виде домов, что он скупает без каких-либо церемоний. Памятник оперной певице Деметти, как замечает еще Дмитрий Старцев, не позволил сохранить ее образ в сознании горожан, и более того: впоследствии воспринимается им лишь как один из предметов декораций злой шутки Екатерины Туркиной.

Огонек в душе Старцева окончательно гаснет в момент, когда он делает сознательный выбор между морально повзрослевшей Екатериной и деньгами («бумажками»), которые он с удовольствием доставал из карманов пиджака во время игры в карты. Завершается рассказ ироничным описанием образа Ионыча, предстающего в качестве мчащегося в колеснице языческого бога – немилостивого к своей пастве, жадного до подношений и неспособного любить кого-либо, кроме самого себя⁷².

Вместе с тем одним из наиболее последовательных представителей критически настроенной категории следует считать М. Горького. В своих художественных произведениях он указывает, прежде всего, на губительные, по мнению автора, и для самих представителей сословия эгоизм, зависть и жестокость. Пьеса М. Горького «Мещане» (1901) построена вокруг повествования о событиях из жизни семьи зажиточного мещанина 58 лет

⁷² Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1960–1964. Т. 8. С. 315–333.

Василия Васильевича Бессеменова, а также проживавших под крышей его дома жильцов. Все без исключения герои пьесы страдают от скуки, пытаются развеять рутину в бесконечных спорах и дискуссиях. В ходе общения персонажи постепенно излагают свое отношение к окружающей их обстановке и людям, поддерживающим ее. Из отдельных реплик складывается собирательный образ мещанина, состоящий, впрочем, исключительно из отрицательных характеристик: труслив и глуп, самоуверен и жесток, бесконечно жаден и скуп. Особенно остро подвергает критике образ жизни мещан один из постояльцев – алкоголик-идеалист Тетерев. По его мнению, по вине мещан жизнь не приспособлена для порядочных людей. Примечательно, что даже в мещанской умеренности, «среднем состоянии» Тетерев видит лишь недостатки: «Ты в меру умен, и в меру глуп, в меру добр – и в меру зол, в меру честен и подл, труслив и храбр. Ты – образцовый мещанин! Ты законченно воплотил в себе пошлость...».

Однако одним из неназванных героев пьесы, бесспорно, является и сам мещанский дом. Многие из постояльцев и членов семьи жалуются на тесноту и дискомфорт, обусловленные не только громоздкой, старой и неудобной мебелью, но и закоренелостью мышления самих Бессеменовых. Отсутствие интересов, посредственность идей оказываются камнем преткновения в конфликте между старшим и младшим поколениями семьи: «старая правда» родителей не позволяет Петру и Татьяне жить и действовать свободно, а потому сын сбегает из дома с невестой, а дочь, не имея возможности выйти замуж, предпринимает попытку самоубийства. Фаталистический настрой Тетерева вновь прорывается во фразе: «Вся жизнь – твой дом, твоё строение. И оттого – мне негде жить, мещанин!». Для самого Бессеменова оседлость, наличие своего дома – одна из важнейших добродетелей, которая непонятна и недоступна «прохвостам, актерам и социалистам».

В финале пьесы сквозняки, на которые в первой сцене жаловалась Акулина, жена Бессеменова, превращаются в вихрь, разбрасывающий мещанское

общежитие на части. После длительной ссоры с Василием Васильевичем многие постояльцы, дети и воспитанники покидают дом. Отец семейства, не имея иного выхода из сложившейся ситуации, призывает оставшихся не действовать, а ждать и терпеть: «Ну... Будем терпеть... Ладно! Будем ждать... Всю жизнь терпели... Еще будем терпеть!»⁷³.

Впрочем, существовал и альтернативный, хотя и не сравнимый в популярности с вышеозначенными взгляд на проблематику мещанства. Примером такого подхода может считаться повесть Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» (1861). Главный герой произведения – Егор Иванович Молотов, выходец из мещан, воспитанный после смерти отца профессором университета. Получив высшее образование, Молотов поступает в услужение помещику Обросимову в качестве писмоводителя. Хорошо принятый и обласканный, он вспоминает свое мещанское детство и «липы, которые нет уже». Липы как символ связи с изначальной средой, сословной принадлежностью исчезают, как кажется Егору Ивановичу, в прошлом до момента, когда он случайно слышит разговор помещика со своей женой об истинном характере их работника. «Человек ловкий, пройдоха, везде возьмет свое, нет гонора дворянского, мещанин черного происхождения» – так его описывает старый помещик.

Автор не дает четкого ответа на вопрос о природе мещанского счастья. Более того, он предлагает читателю отстраниться от подобных ярлыков и дефиниций, не способных описать сложный человеческий характер. Он видит счастье физически здорового человека, счастье любящего человека, однако определение особого «мещанского счастья» он помещает лишь в сознание помещика Обросимова. Вместе с тем счастье Егора Ивановича иронически принимает форму «дворянского долга»: служить в качестве чиновника – не одному человеку, а государству, а через него – всему обществу⁷⁴.

⁷³ Горький М. Собрание сочинений в 18 томах. М., 1960–1963. Т. 16. С. 5–84.

⁷⁴ Помяловский Н. Г. Мещанское счастье. СПб., 1906.

Тем не менее, по мнению В. В. Алексеева, важную роль в конструировании ярко негативного образа мещан сыграла разночинная интеллигенция, неспособная, усвоить и принять экономическую рациональность, буржуазный дух, независимо от того, придерживались ли они социалистических, славянофильских или народнических взглядов. Таким образом, в отличие от западноевропейской буржуазии, российская интеллигенция способствовала взаимному дистанцированию различных элементов модернизации в отношении друг друга⁷⁵.

Таким образом, с одной стороны, этап «очищения и обновления» купечества и сословно-правовые реформы первой половины и середины XIX в., завершившиеся непродолжительным «золотым веком» городских сословий, по содержанию своему были напрямую сопряжены с приспособлением мещанства к переменам в правительственном курсе преобразований. С другой стороны, проведение в жизнь инициированных Александром II «великих реформ» сопровождалось наступлением на сословные права и привилегии, а значит, и необходимостью адаптации к стремительно изменявшимся условиям жизнедеятельности.

Введение в действие реформ Александра II ознаменовало окончательное осознание властью предрержащими малоперспективности строго сословного подхода в русле екатерининского курса. Так, вводная часть текста налоговой реформы 1863 г. включала в себя следующие установки: «Для усиления средств государственного казначейства, по случаю предстоящих оному новых значительных расходов, мы признали необходимым установить на 1863 г. особый налог на недвижимые в городах, посадах и местечках имущества, отменив в то же время, в видах улучшения быта многочисленного и наименее обеспеченного в средствах к существованию городского сословия, вовсе подушную подать с

⁷⁵ Алексеев В. В. Опыт российских модернизаций, XVIII – XIX вв. М., 2000. С. 94–95.

мещан, с тем, чтобы сия была распространена и на некоторые особые местные налоги, платимые взамен подушной подати, лицами, приписанными к городам»⁷⁶.

Примечательным является содержание вводной части уже к Городовому положению 1870 г., где прямо признается не только преемственность в отношении Жалованной грамоты 1785 г., но и устарелость, архаичность правовых норм, устанавливаемых в соответствии с последней: «Действующие ныне узаконения о городском общественном устройстве и хозяйстве, обязанные своим началом Прародительнице Нашей Императрице Екатерине II, в эпоху своего издания, вполне применены как к понятиям времени, так и к тогдашним потребностям городского общежития. Но после изменений, совершившихся на пространстве целого почти столетия в строе нашей гражданской жизни, особенно же после преобразований, произведенных по указаниям Нашим в разных частях государственного управления, узаконения сия, утратив свою современность, потребовали коренного обновления»⁷⁷.

Одной из наиболее значимых в сфере регулирования экономических процессов стала налоговая реформа 1898 г. Отсутствие необходимости выбирать дорогостоящее купеческое свидетельство для ведения оптовой торговли и устройства крупных предприятий позволила расширить круг российских предпринимателей⁷⁸. В связи с этим аргументированным считается мнение о дальнейшем укреплении общегородской социальной среды, в том числе за счет интенсификации диффузных процессов в сословном пространстве купцов и мещан. Вместе с тем следует полагать, что история российского сословия мещан может оказаться в большей, чем иная другая, степени неразрывно связана с модернизационными процессами в социально-экономической, политической и духовной сферах общества.

Таким образом, процесс трансформации правового статуса сословия на протяжении XIX – начала XX в. во многом определялся переменами во взглядах

⁷⁶ ПСЗ–2. Т. 38. № 39119.

⁷⁷ ПСЗ–2. Т. 45. № 48498.

⁷⁸ ПСЗ–3. Т. 18. № 15601.

и оценках власти предрежащих на роль города и городского населения. В основе подхода Екатерины II находилась строгая градация в отношении прав и обязанностей каждого из сословий. Функции по организации социального взаимодействия в данном случае всецело принадлежали государству. Несмотря на реформу органов городского самоуправления (образование шестигласных дум), на протяжении первой половины XIX в. российский город находился под своеобразной опекой со стороны государства, проявлявшейся, прежде всего, в попытках поддержать установленный императрицей статус городов и их населения. Вместе с тем объективные последствия социально-экономического развития способствовали оформлению условий для эффективного внутреннего регулирования городами наиболее актуальных в том или ином контексте процессов. Подобный рост самостоятельности побудил законодателей снизить или совершенно ликвидировать ряд межсословных барьеров, прежде препятствовавших включению в городскую жизнь представителей наиболее активных социальных элементов. Таким образом, пореформенное время в истории мещанского сословия и городского населения в целом предстает в качестве этапа интенсивной трансформации, проявлявшейся в адаптации к качественно новому всесословному пространству общественного взаимодействия.

§ 1.2. Источники формирования и динамика численности сословия

Долевое присутствие мещан в составе городского населения России в течении XIX в. принимало значения от одной трети (1811 г. – 35,1 %) в начале столетия до 44, 3 % по данным на 1897 год.⁷⁹ Динамика демографических процессов в среде, а также уровень миграционной активности, межсословной мобильности может быть воспроизведена на основе сведений, размещенных в изданиях Вятского губернского статистического комитета, а также с опорой на

⁷⁹ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913). М., 1956. С. 119–123.

сведения Первой всероссийской переписи населения (1897 г.). Кроме того, важную роль в реконструкции демографической картины в масштабе отдельного города играют формируемые органами сословного самоуправления посемейные списки мещан. В свою очередь журналы заседаний мещанского общества и записи регистрации его приговоров обладают ценностью в деле выполнения поставленной исследовательской задачи.

Города региона различались по численности своего населения. Согласно классификации, предложенной В. П. Семеновым-Тянь-Шанским, города Российской империи по численности своего населения могли быть разделены на следующие категории: столичные (1000 тыс. чел. и выше), крупные (100–1000 тыс. чел.), большие (40–100 тыс. чел.), средние (10–40 тыс. чел.), малые (5–10 тыс. чел.), городки (1–5 тыс. человек)⁸⁰. На протяжении исследуемого периода г. Глазов и г. Малмыж принадлежали к «городкам». В то же время успехи экономического развития позволили г. Елабуге умножить численность своего населения и к концу XIX в. переместиться в число «малых городов», а, по данным на 1913 г., считаться «средним городом» с населением более 10 тыс. человек. В свою очередь г. Сарапул, являясь торгово-промышленный центром, не только преодолел путь от статуса «малого» города к «среднему», но и располагал самым крупным в масштабе региона населением⁸¹.

Из городов региона в середине XIX в. наибольшую долю мещанства в социальной структуре имел г. Сарапул – 69,77 %, второе место занимала Елабуга – 40,12 %, на третьем месте находился Малмыж – 35,37 %, наименьшая доля мещан была отмечена в Глазове – 30,80 %⁸². К концу XIX – началу XX в., несмотря на количественный рост населения городов, показатели долевого

⁸⁰ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России // Записки Императорского Русского Географического общества по отд. статистики. СПб., 1910. Т. 10. Вып. 2. С. 73.

⁸¹ Памятная книжка Вятской губернии на 1860 г. Вятка, 1860. С. 226–234; Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 гг. Вятка, 1866. С. 111–115; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятская губерния. СПб., 1904. С. 50; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 942. Л. 5–8.

⁸² Памятная книжка Вятской губернии на 1860 г. Вятка, 1860. С. 226–234.

присутствия мещан оставались на примерно том же уровне: в Елабуге они составляли 41,29 % жителей, в Малмыже – 36,80 %, а в Глазове – 29,53 %. Наибольшие изменения коснулись населения Сарапула, где доля мещан доля мещан сократилась почти на треть и составила 41,40 %⁸³. Надо полагать, что к этому времени крестьяне-кустари, деятельность которых разворачивалась на территории уездов, более не имели возможности конкурировать с мастерами городов Поволжья. Подобные обстоятельства побуждали их занятию отходными промыслами, поступлению в работники заведений, принадлежавших прежним конкурентам ⁸⁴. По причине наличия в Сарапульском уезде крупных промышленных заведений, нередко взаимодействовавших с местными кустарями, тенденция размывания городского населения пришлым крестьянством наиболее ярко может прослеживаться именно на примере соответствующего уездного центра (таблица 1).

Таблица 1 – Численность и доля мещан в составе городского населения Удмуртии (города Глазов, Елабуга, Малмыж, Сарапул), в чел.⁸⁵

Город	1858 г.		1897 г.	
	Абс.	%	Абс.	%
Глазов	679	30,80	1022	29,53
Елабуга	2204	40,12	3989	41,29
Малмыж	723	35,37	1135	36,80
Сарапул	5173	69,77	8806	41,40
Всего	8779	51,17	14952	39,90

⁸³ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 942. Л. 5–8.

⁸⁴ *Лигенко Н. П.* Крестьянская промышленность Удмуртии в конце XIX – начале XX в. // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 64.

⁸⁵ Памятная книжка Вятской губернии на 1860 г. Вятка, 1860. С. 226–234; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятская губерния. СПб., 1904. С. 50.

Имеющиеся данные по демографическим процессам отражают общую для Российской империи тенденцию притока в среду горожан крестьянства с территории уездов⁸⁶. В течение второй половины XIX в. (1858–1897 гг.) численное представительство крестьян-горожан в Глазове, Елабуге, Сарапуле и Малмыже выросло в 7,66 раза, мещан – в 1,71. К концу XIX в. приток крестьян в города Удмуртии был более значительным по сравнению с общероссийскими. В рядах горожан мещане оказывались вытесненными крестьянами на второе место по долевого показателю: 49,1 % крестьян и 39,9 % мещан проживало в городах Удмуртии. Для сравнения: общероссийские данные указывают на соотношение в 44,3 % и 38,8 % соответственно (см. Приложение 1).

Мещане могли проживать как в городах, так и на территории уездов. Данные на 1858 г. свидетельствуют о том, что 86 % мещан региона территориально располагалось в городах и лишь 14 % находилось в уездах⁸⁷. К 1864 г. названные показатели не претерпели существенных изменений и составили 89 % и 11 % соответственно⁸⁸. Вместе с тем материалы Всероссийской переписи 1897 г. демонстрируют динамику в пропорции городских и сельских мещан: 57 % мещан были представлены городскими жителями. В свою очередь за пределами городов проживали 43 % членов сословных обществ⁸⁹. Подобное положение могло быть спровоцировано, во-первых, подчинением и вытеснением купеческими капиталами неконкурентоспособных мещанских торговых и промышленных заведений за пределы города. Во-вторых, изменение в соотношении показателей могло быть обусловлено фактом включения занятых на промышленных предприятиях рабочих в сводки по мещанскому сословию⁹⁰. Неточности, допущенные в ходе проведения переписи вкупе с особенностями экономики

⁸⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 257.

⁸⁷ Памятная книжка Вятской губернии на 1860 г. Вятка, 1860. С. 226–234.

⁸⁸ Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 гг. Вятка, 1866. С. 111–115.

⁸⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятская губерния. СПб., 1904. С. 50.

⁹⁰ История Удмуртии: конец XV – начало XX в. / под ред. К. И. Куликова; введ. М. В. Гришкиной, Н. П. Лигенко. Ижевск, 2004. С. 334.

региона, располагавшего крупными промышленными предприятиями за пределами городов в определенной степени могли подготовить оформление выявленной диспропорции. Важно отметить, что данные о составе населения губернии на 1913 г., размещенные в статистической ведомости Вятского статистического комитета, указывают на демографическую картину, схожую по своим показателям с серединой XIX века. Так, лишь 15 % мещан проживали в уездах, но уже 85 % представителей сословия относились к городскому населению⁹¹.

Среди факторов роста численности представителей мещанского сословия необходимо назвать:

- 1) пополнение выходцами из сословия крестьян;
- 2) прием мещан, прибывших из сопредельных и отдаленных регионов России, а также иностранцев;
- 3) перечисление в состав сословного общества «для счета» лиц, нуждавшихся в надзоре и относившихся к льготным категориям (отставные солдаты и их семьи, дети канцелярских служащих, крещенные иноверцы);
- 4) переход в среду мещанского сословия несостоятельных купцов.

Прежде всего следует отметить важную роль законодательных инициатив по либерализации правового статуса населения России, воздействовавших на динамику межсословной мобильности. Важнейшими среди прочих являлись Городовое положение 1870 г., а также Закон о промысловом налоге 1898 г. Реформа 1870 г. подготовила процесс оформления всесословного городского пространства, функционирование которого направлялось деятельностью преобразованных городских дум. Данный орган общественного самоуправления позволял принимать участие в своей работе всем проживающим в городе налогоплательщикам вне зависимости от их сословной принадлежности. В свою очередь, по итогам названного преобразования 1898 г. мещане и крестьяне более не имели необходимости вступать в купеческие гильдии с целью осуществлять

⁹¹ ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 942. Л. 5–8.

заниматься предпринимательством в крупным масштабах. Названные инициативы подготовили тенденцию к снижению показателей межсословных перемещений. Тем не менее, на протяжении рассматриваемого периода крестьянства оставалось первоочередной категорией населения, пополнявшей мещанское сословие (таблица 2).

Таблица 2 – Представители социальных категорий, причисленных к мещанам
Сарапула в 1896–1917 гг., чел.⁹²

Причисленные категории	Периоды			
	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1917
Крестьяне	88	49	38	26
Мещане	5	4	11	2
Купцы	21	5	17	13
Почетные граждане	6	2	0	0
Льготные	20	11	7	8
Чиновники	3	2	0	0
Арестанты	0	0	1	2
Иностранные подданные	5	2	0	4
Другие	2	1	1	1
Нет сведений	0	3	3	3
Всего	150	79	78	59

Впрочем, крестьянское происхождение мещанина все же могло оказаться преградой в приобретении социального статуса равного с коренными членами сословного общества. В том же смысле наряду с общими чертами между купечеством и мещанами существовала неиллюзорная, не всегда обусловленная законодательством граница. В 1883 г. сарапульский мещанин Родион Смолин подал жалобу о происшедшем во время празднования 100-летия Сарапула

⁹² УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–358; Д. 5. Л. 2–395; Д. 6. Л. 2–385; Д. 7. Л. 2–369; Д. 9. Л. 3–224.

оскорблении его словом и действием со стороны купца Ф. Д. Барабанщикова, занимавшего на момент инцидента пост городского головы г. Сарапула. По словам Смолина, городской голова без какой-либо веской причины приказал вывести его из залы, где происходило означенное празднование. Исполнявший обязанности лакея сторож Общественного банка Ижболдин схватив Смолина «за грудки» и вывел столь бесцеремонным образом из залы к лестнице. Сам Родион Смолин объяснил происшедшее следующим образом: «Это сделано со стороны городского головы безосновательно, потому что я был трезвый, да и вовсе не пью никакого вина, я не кричал и не буянил, как это делали прочие посетители разного сословия, выпив разных вин, наставленных в зале. И это я отношу к личной ненависти Городского головы Барабанщикова ко мне»⁹³. Однако, сам Федор Дмитриевич Барабанщиков, купец II-й гильдии, во время допроса заявлял: «... сколько мне помнится, Смолин со своей малолетней дочкой, неприлично одетой, не один раз входил в те апартаменты, где ему не следовало быть, потому что Смолин – человек, перешедший из крестьянского сословия в мещане – одевался неприлично и грязно и входил в комнаты, где находилась высшая аристократия, поэтому просили его оттуда выйти или кто его вывел...»⁹⁴. Жалоба прошла все инстанции вплоть до Правительствующего Сената, который постановил, что Барабанщиков, будучи распорядителем мероприятия, имел право размещать гостей в помещениях, а поскольку «бесцеремонный образ» сказанного размещения показаниями очевидцев не подтвердился, то состава преступления в отношении Барабанщикова не выявлено.

Перемещение представителей купечества в состав мещанских обществ преимущественно обуславливался неудачами на профессиональном поприще, обеднением и, как следствие, невозобновлением купеческого гильдейского свидетельства. документов. Значение в данном случае имели также разделы купеческого капитала между наследниками, происходившие после смерти

⁹³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92в. Д. 25. Л. 1.

⁹⁴ Там же. Л. 17–17 об.

крупных предпринимателей. Согласно сведениям, приведенным Н. П. Лигенко, в течение исследуемого периода переход в среду мещан стал главным фактором сокращения числа купеческих капиталов Сарапула, 76,9 % всех случаев потери купеческого звания⁹⁵. В определенной степени иллюстрировать означенные тенденции способен пример семьи купца II гильдии Постникова. Купеческая семья была причислена к мещанам в 1896 г. и включала в себя помимо главы, Григорий Ивановича, его трех сыновей: Василия (18 лет), Ивана (14 лет) и Бориса (12 лет), а также его жену Марию Евсееву с дочерьми Евгенией (21 год) и Марией (19 лет). Спустя год после утраты купеческого статуса Григорий Иванович со своим старшим сыном Василием погибают при невыясненных обстоятельствах. Младшая дочь, Мария Постникова, вероятно, желая приобрести финансовую самостоятельность, а также облегчить материальное положение матери приобретает звание домашней учительницы. Впоследствии она переселяется Елабужский уезд, где начинает свою профессиональную деятельность и приобретает оседлость. Вместе с тем в 1899 г. вдове купца удается вернуть купеческое звание оставшимся членам семейства. Примечательно, что не все их них смогли или пожелали сохранить вновь приобретенное положение: в 1909 г. к мещанскому обществу г. Сарапула были повторно причислены Иван и Борис Постниковы⁹⁶.

Помимо указанных каналов межсословного взаимодействия состав мещанского общества могли пополнять лица, прием которых происходил на льготной основе без учета согласия самого общества. Данные категории населения были представлены не приписанными ни к какому сословию внебрачными детьми и подкидышами, воспитывавшимися в учреждениях общественного призрения; детьми канцелярских служащих и лекарских учеников в течение года после совершеннолетия, если те не поступят на

⁹⁵ Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX в. Ижевск, 2001. С. 36.

⁹⁶ УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 9. Л. 25.

государственную службу; отставными нижними чинами морского и военного ведомства; иностранцами, вступающими в российское подданство и др.⁹⁷.

По данным на 1901 г., долевое распределение приемных свидетельств без одобрения общества имеет следующий вид: Глазов – 28,57 %, Елабуга – 50,44 %, Малмыж – 27,77 %, Сарапул – 66,4 %⁹⁸. Преобладание в г. Сарапуле свидетельств о приеме без одобрения мещанского общества, вероятно, обусловлено наличием крупных заводов, располагавшихся на территории уездов. Персонал заводов административно относился к военному ведомству, а потому их бывшие служащие имели право быть причисленными в состав мещанства как на льготных основаниях «отставные нижние чины».

Причисление к мещанскому сословию могло способствовать оформлению правового статуса отдельных категорий населения России: освободившихся из мест заключения арестантов, крещеных евреев, а также подданных иностранных государств. Мещане, освободившиеся из мест заключения, могли отдаваться под надзор полиции или прежнего их сословного общества, в случае если оно даст на то согласие. Например, малмыжские однообщественники не пожелали принять в свой состав Степана Батуева, прежде судимого Казанским окружным судом. В качестве довода, подкрепляющего принятый приговор, было указано, что Степан Батуев «в городе с давнего времени не проживает и не имеет даже никакого определенного занятия к существованию в своей жизни». В силу означенных причин мещане Малмыжа ходатайствовали перед казной о передаче в губернский бюджет расходов, связанных с возможной высылкой Батуева на поселение в Сибирь⁹⁹. Впрочем, данный пример, вероятно, представляется для Малмыжа и других малых городов исключительным: однообщественники, понесшие справедливое наказание по закону, но не утратившие связь с городом

⁹⁷ СЗРИ 1899 г. Т. IX. Зак. о сост. Ст. 564.

⁹⁸ *Апкаримова Е. Ю.* Сословные корпорации в городах Урала (конец XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2004. С. 12–13.

⁹⁹ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 7 об.–8.

посредством наличия в его черте недвижимости и семьи могли приниматься обратно.

В 1897 г. мещанское общество Сарапула одобрило вступление Ярхов Василий Карлов, происходившего «из бывших датских подданных»¹⁰⁰. Годом позже, в 1898 г., мещанином Сарапула стал Черняев Михаил Михайлов – крещеный еврей, прежде числившийся как «Моисей Ицков Черняк»¹⁰¹. В «первобытное состояние» возвращались уволенные со службы в государственных ведомствах мещане. Кроме того, вступление в состав мещанского общества могло способствовать укреплению положения мастеровых и «непременных работников», освободившихся от крепостной зависимости и искавших новые возможности применения своих профессиональных навыков¹⁰². Вместе с тем согласно выявленным Т. А. Васиной сведениям, брачные связи между жителями заводских поселков и мещанами с приобретением впоследствии оседлости на территории завода оказались крайне редкими. Так, в период 1780–1820 гг. браки между мещанами и мастеровыми насчитывали лишь 0,7 % новоявленных пар Ижевского завода. Аналогичные показатели продемонстрировали и данные за 1825–1895 гг.: 1,3 % зарегистрированных браков¹⁰³. С другой стороны, в посемейных списках мещан Сарапула зарегистрировано причисление к обществу представителей «бывших мастеровых»¹⁰⁴. К сожалению, отсутствие отметки о дате таких переходов усложняет изучение означенного аспекта проблемы.

В качестве факторов, воздействующих на сокращение численности мещанского сословия, можно выделить:

- 1) исключение при переходе в сельские общества и крестьянское сословие;

¹⁰⁰ УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 9. Л. 50 об.–51.

¹⁰¹ Там же. Л. 70 об.–71.

¹⁰² Родионов Н. А. История оружейного производства в Удмуртии (XIX – XXI вв.). Ижевск, 2009. С. 85.

¹⁰³ Васина Т. А. Демографические процессы в горнозаводских округах Камско-Вятского региона (конец XVIII – XIX в.). Ижевск, 2014. С. 83.

¹⁰⁴ УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 6. Л. 358, 366–368.

- 2) переезд в города за пределами Камско-Вятского региона и Вятской губернии;
- 3) приобретение купеческого свидетельства;
- 4) получение звания личного почетного гражданина;
- 5) поступление на службу в государственные ведомства;
- 6) успешное окончание высшего образовательного заведения;
- 7) переход в сословие духовенства (таблица 3).

Таблица 3 – Изменения сословного статуса мещан Сарапула в 1870–1917 гг., чел.¹⁰⁵

Приобретенный сословный статус	Периоды				
	1870–1895	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1911–1917
Крестьяне	57	38	23	43	32
Мещане	25	21	13	9	2
Купцы	40	18	4	3	1
Почетные граждане	3	4	3	4	2
Чиновники	11	11	10	1	0
Разночинцы	3	10	11	3	1
Духовенство	2	0	3	0	2
Итого	141	102	67	63	40

В рамках традиционной культуры и сопутствующего ей законодательства сословный статус семьи во многом определялся действиями мужчины как ее главы. Изменения в сословной принадлежности мужа приводила к аналогичным переменам в положении его жены и детей, еще не имевших собственных семей. В свою очередь на социальный и сословный статус женщины оказывал воздействие факт ее с замужества. Супружеская неверность являлась основанием для исключения жены «из семейства мужа ея»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–358; Д. 5. Л. 2–395; Д. 6. Л. 2–385; Д. 7. Л. 2–369.

¹⁰⁶ УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 5. Л. 317 об.–318.

Мещанские общества имели возможность использовать рекрутский набор в качестве дисциплинарной меры по отношению к лицам, нахождение которых в составе сословия считалось нежелательным. Так, в апреле 1874 г. елабужская мещанская вдова Олимпиада Стахеева жаловалась на незаконную, по ее мнению, продажу мещанским обществом рекрутской квитанции, полученной за сданного в набор 1856 г. «за дурное поведение» ее сына Афанасия Стахеева. Она заявляла, что по ст. 523 Рекрутского устава квитанция, полученная за сданного в набор «за дурное поведение» рекрута не может быть передана кому-либо, кроме члена семьи мобилизованного. Однако в ходе изучения вопроса Вятской губернской казенной палатой были обнаружены истинные обстоятельства передачи Афанасия Петрова Стахеева в рекруты: находясь на первом по очередности месте в рекрутской очереди он не был сдан в рекруты в срок, в 1855 г., «за состоянию под судом, по делу о краже из дома купца Саутина вещей и из амбара мещанина Малахова товара». Мещанское общество Елабуги оставило его в своей среде «в надежде на исправление им своего поведения». В свою очередь Афанасий Стахеев был призван по очередному набору 1856 г., соответствующая квитанция поступила в мещанское общество Елабуги и была впоследствии продана за 600 рублей серебром в счет рекрута Григория Некрасова¹⁰⁷.

Мещанка Стахеева, решив, что продажа была произведена городской управой, подала на нее жалобу в городскую думу с просьбой вернуть полагающиеся ей деньги в размере 600 рублей. После привлечения к делу Вятского по городским делам присутствия, последним было сделано постановление: «в ходатайстве Стахеевой в отмене сего постановления отказать, присовокупив, что если она находит неправильным самый приговор мещанского общества о продаже сказанной квитанции, то может возбудить иск о том к сказанному обществу, равно как и необъявлении ей должным образом Городской Управою означенных постановлений Городской Думы...»¹⁰⁸.

¹⁰⁷ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92. Д. 122. Л. 10–13.

¹⁰⁸ Там же. Л. 23 об.–24.

Схожие предпосылки легли в основу обращения в январе 1874 г. елабужской мещанки Бибофатимы Халиловой, жаловавшейся на неправомерный призыв ее сына Мухамеда Садыка Второго на военную службу. Истица просила вернуть его из мест отбывания воинской службы по праву послуги, приобретенному в результате отдачи одного из членов ее семьи в рекруты по набору в 1863 году. По словам елабужского городского головы, семейство просительницы Халиловой, состоявшей в обществе мещан г. Елабуги, не имело в городе ни общей, ни отдельной оседлости или хозяйства, и проживало на территории Елабужского уезда, в деревне Варзи-Омга Асановской волости. Более того, члены семейства третий год не отправляли повинностей ни общегородского, ни сословного порядка. Подобные обстоятельства лишали мещан Халиловых всякого права на изъятие от призыва к жребию. Сам Мухамед Садык как имевший двух братьев-работников не может быть освобожден от рекрутства¹⁰⁹.

Успехи реформ Александра II и развитие системы земских образовательных учреждений расширили возможности выходцев из податных сословий по повышению своего сословного статуса¹¹⁰. В своем отчете за 1897 г. елабужское земское собрание указывало, что 41 из 103 (39,8 %) местных учителей происходили из сословия мещан¹¹¹. Стремление однообщественников получить высшее образование поддерживалось мещанскими управами, охотно удовлетворявшими просьбы своих членов о выдаче соответствующего увольнительного свидетельства¹¹². Приобретение «специальных практических знаний» являлось поводом для исключения лиц, прежде находившихся в составе податных категорий, из сословных обществ. Подобная практика, в свою очередь, к началу XX в. позволяла исключенным приобретать бессрочные виды на жительство, не испытывая ограничений в свободе перемещения, связанных с

¹⁰⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92. Д. 201. Л. 3–19 об.

¹¹⁰ Кошман Л. В. Мещанство в России в XIX в. // Вопросы истории. М., 2008. С. 253.

¹¹¹ 31-е очередное Елабужское уездное земское собрание. 25 сентября – 4 октября 1897 г. // Журналы собраний, доклады управы и комиссий, представления, ходатайства и прочее. Вятка, 1898. С. 112–115.

¹¹² ГАКО. Ф. 837. Д. 15. Л. 20–20 об.

необходимостью покупки срочного свидетельства – паспорта. Реестр предоставлявших означенные права профессий постоянно обновлялся, о чем сообщалось в местной прессе. Так, газета «Вятские губернские ведомости» в особой заметке доводила до сведения читателей разъяснение Сената о том, что зубные врачи и дантисты имеют право на получение бессрочных паспортов¹¹³.

Среди профессий, осваиваемых мещанами г. Сарапула значились занятия в сфере здравоохранения (врач, фельдшер), а также специальности, обслуживающие аграрный сектор экономики (лесовод, ветеринар, агроном). Примечательны примеры сарапульских мещан Кабалкин Николай Прокопьев (урожденного Гемеля Залманова) и Стрельцова Федора Васильева. Первый в 1898 г. с отличием окончил Харьковский университет, в результате чего ему было присвоено звание «лекаря»¹¹⁴. В свою очередь в 1905 г. Федор Стрельцов стал выпускником Императорского Московского Университета¹¹⁵.

Популярностью пользовались и военные специальности. Так, 24 июня 1908 г. по окончании Алексеевского военного училища Лепихину Александру Константиновичу было присвоено звание подпоручика¹¹⁶. Необходимо отметить, что наличие, по меньшей мере, базовых навыков грамотности предоставляло возможность получить место канцелярского служащего как в частных учреждениях, так и казенных ведомствах: полицейском департаменте, органах земского и городского самоуправления, почтово-телеграфных конторах. В свою очередь, работа в государственных структурах, являлась основанием для выхода из податного состояния.

В названном смысле примечателен карьерный путь Судакова Андрея Егоровича. Свое первое назначение сарапульский мещанин получил в 17 лет, поступив на работу канцеляристом в Томскую почтово-телеграфную контору.

¹¹³ По вопросу об исключении из сословных обществ дантистов // Вятские губернские ведомости. Вятка, 1903. № 64. С. 2.

¹¹⁴ УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 7. Л. 344 об.–345.

¹¹⁵ Там же. Л. 296 об.–297.

¹¹⁶ УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

Полученный за время трехлетней службы опыт он использовал для дальнейшего трудоустройства в штат Пермского отделения государственного банка в 1898 году. Таким образом ему удалось оказаться служащим в отдаленных от места его изначальной приписки областях. Вместе с тем в силу неуставленных обстоятельств Андрей Судаков вновь был причислен к мещанам Сарапула в 1905 г.¹¹⁷.

Основными направлениями передвижения мещан Сарапула в 1895–1917 гг. являлись Пермская, Уфимская и Томская губернии, где мещане обычно записывались в сельские общества, реже – в местное мещанство. В. В. Белослудцева отмечает, что 49 выходцев из Вятской губернии составляли вторую по величине после коренных жителей (74 человека) категорию пополнивших мещанство Пермской губернии в 1891–1896 гг. В состав местного мещанства вошли 4 жителя Нижегородской, 4 – Уфимской, 2 – Владимирской и других губерний¹¹⁸. Потеря прав льготного пользования городскими землями, согласно Городовому положению 1870 г., побуждала мещан переходить в сельские общества. Знакомство с Пермской губернией как местом потенциального переселения могло состояться еще в середине XIX в. через общение с активно осваивавшими северную часть Сарапульского уезда пермяками¹¹⁹. В то же время отходничество малмыжских мещан, по их замечаниям, даже в конце XIX – начале XX в. было обусловлено отсутствием в городе «фабричной, заводской и другой промышленности, а равно и ремесел»¹²⁰.

Происходившее в течение XIX в. снижение межсословных барьеров имело в отношении межрегиональной миграции двоякий эффект. С одной стороны, утраченные привилегии снижали уровень жизни мещан, отнимали дополнительную мотивацию к участию в делах города, к которому они были

¹¹⁷ УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 5. Л. 235 об.–236.

¹¹⁸ Белослудцева В. В. Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. С. 45.

¹¹⁹ История Удмуртии: конец XV – начало XX в. / под ред. К.И. Куликова; введ. М. В. Гришкиной, Н. П. Лигенко. Ижевск, 2004. С. 145.

¹²⁰ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 103–105.

приписаны. С другой стороны, мещане уже не были столь зависимы от прежних привилегий, а значит, оказывались более открытыми к различным предложениям на рынке рабочей силы даже за пределами губернии оседлого проживания. Согласно выявленным Е. Ю. Анкаримовой данным на 1901 г., до пятой части всех членов мещанских обществ Удмуртии проживали вне места приписки (19,79 %). Наибольшей долей таких мещан обладали г. Сарапул (27,26 %) и Глазов (24,16 %). В свою очередь среди мещан городов Малмыжа и Елабуги удельный вес данной категории составил 15,22 % и 12,19 % соответственно. Подобные различия могут быть обусловлены особенностями возможностей мещан к поиску дополнительных источников дохода. Жители городов южной части региона, расположенных по соседству с плодородными земледельческими районами, имели возможность заниматься посреднической торговлей. Поставляя на городской рынок крестьянскую сельскохозяйственную продукцию, они не покидали места своей приписки. В свою очередь, мещане Сарапула и Глазова не могли воспользоваться данной возможностью в том же объеме, а потому были вынуждены изыскивать отходные промыслы вдали от дома¹²¹.

Либеральные тенденции в законодательстве подготовили благоприятные условия для миграции не только крестьян, но и мещан. Приобретая недвижимость в новом городе, они получали избирательные права, что, в свою очередь, побуждало их к активной хозяйственной и общественной деятельности, преобразовывавшей облик среды обитания как коренного, так и пришлого населения. В данном случае мещане г. Сарапула, обладавшие названным статусом де-юре (в силу приписки), все меньше отличались от мещан, де-факто: проживавших в городе, уплачивавших налог с недвижимого имущества и имевших право выбирать и быть избранными в состав местной городской думы.

Подтверждением тому может стать пример Прасковьи Дмитриевой, жены слободского мещанина Бородин, обратившейся в 1874 г. к городской управе г.

¹²¹ Анкаримова Е. Ю. Сословные корпорации в городах Урала (конец XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2004. С. 12–13.

Глазова для решения вопроса о собственности на одворичный земельный участок. В результате утверждения нового генерального плана Глазова в 1874 г., в отношении вошедшей в состав городских земель Солдатской слободы были введены правила межевания. Так, участок должен был быть не менее 15 сажен «по улице» и не менее 20 сажен «внутрь». Владельцы меньших участков должны были докупить недостающую площадь у своего соседа или просить нового отвода места. Участок Бородиных по своей площади не соответствовал означенным требованиям. Несмотря на изъявленное домохозяевами желание остаться на занимаемом месте, сделав взнос за недостающее земельное пространство, их одворичное место оказалось отдано соседу-крестьянину. Интересным представляется данная Прасковьей Дмитриевной характеристика текущего состояния семейства Бородиных: «Муж мой намеревался даже переписаться в глазовские мещане, тем более, что он живет здесь постоянно уже около 30 лет». Среди понесенных убытков значились земля, дом, а также удобренный огород¹²². Впрочем, примечательнее всего в данном примере является факт длительного проживания слободского мещанина в г. Глазове, не имея при этом сколько-нибудь значимых стимулов для перехода в местное мещанского общество.

Вместе с тем сам Сарапул как один из региональных центров ремесла и торговли имел особую привлекательность для пришлых в поисках работы мещан, имевших приписку других городов, в том числе за пределами Вятской губернии. Изучение первичных материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. позволяет получить данные о месте приписки пришлых мещан, по половой принадлежности, грамотности, а также отдельных чертах социального статуса, определяемых их профессионально-хозяйственной деятельностью. Исключаящим критерием в процессе учета являлось отсутствие источника дохода, обусловленного собственным трудом: сбор подаяния и милостыни, получение пенсии, нахождение при членах семьи.

¹²² ГАКО. Ф. 582. Оп. 92. Д. 347. Л. 1–6.

Особый интерес представляет статус мещанина в рамках домохозяйства, в котором он проживал на момент переписи. Так, мещане, уже приобретшие оседлость на территории Сарапула, могут быть отнесены к группе домохозяев (Д) и членов их семей (С). Положение нахлебника или жильца (Ж) зачастую определяет опосредованность отношений между семьей хозяина и пришлым мещанином необходимостью поиска учебы или работы за пределами места непосредственного проживания. Работники (Р) проживали вместе со своим нанимателем в стенах его же дома, где зачастую располагались как ремесленные мастерские, так и заведения лавочного типа. Общность быта способствовала обмену знаниями и производственным опытом, оптимизации выполняемых работниками хозяйственных функций. Наконец, пребывание в чужом доме в качестве прислуги (П) определялось свойствами возложенных на нее обязанностей. В свою очередь, обозначенные категории могут быть обобщены по критерию приобретенной оседлости: домохозяева и члены их семей проживали в собственном доме, в то время как, жильцы, работники и прислуга находили приют в жилище нанимателей или рантье (таблица 4).

Таблица 4 – Присутствие мещан регионов Российской империи
в г. Сарапуле (1897 г.), чел.¹²³

Место приписки	Пол		Всего		Статус					Образование		
	М	Ж	Кол-во	%	Д	С	Ж	Р	П	Грам	Неграм	% Гр
Западноевропейские	37	12	49	13,9	26	13	3	1	6	43	6	87,7
Москва и СПб	7	3	10	2,8	5	2	0	3	0	1	9	1
Центральнороссийские	24	10	34	9,6	14	7	10	2	1	23	11	67,6
Поволжские	156	47	203	57,5	88	31	25	32	27	141	62	69,4
Западносибирские	40	16	56	15,9	25	11	8	6	6	37	19	66
Восточносибирские	0	1	1	0,3	0	1	0	0	0	0	1	0
Итого	264	89	353	100	158	65	46	44	40	245	108	69,4

¹²³ ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

Примеры горизонтальной мобильности включают в себя множество губерний, которые могут быть условно подразделены на ряд категорий согласно территориальному признаку. Так, центрально-русские губернии представлены Владимирской, Вологодской, Костромской, Курской, Орловской, Тамбовской, Тверской и Ярославской. Прибывавшие из западноевропейских регионов мещане имели приписку городов Архангельской, Варшавской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Петроковской, Таврической и Эстляндской губерний. В свою очередь, группа поволжских губерний состоит из Казанской, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Уфимской. Западносибирский регион в составе находившихся в Сарапуле по письменным видам мещан представлен Оренбургской, Пермской, Тобольской и Томской губерниями. Лишь одна, Енисейская, губерния может быть отнесена к восточносибирской категории. Москва и Санкт-Петербург как экономические и культурные центры составляют особую группу (см. Приложение 2).

Наибольшей долей в составе приписанных за пределами Сарапула и Вятской губернии мещан обладали Поволжские губернии (57,5 %). Территориальная близость, экономические связи, налаженные и выверенные в течение длительного времени, делали город на судоходной реке Каме традиционным сообщаемым сосудом для означенной группы регионов. Кроме того, более половины (58,6 %) финансово самостоятельных мещан Поволжской категории приобрели в Сарапуле оседлость на момент проведения переписи населения: проживание в собственном доме в качестве домохозяина или члена семьи является аргументом в пользу данной тенденции. Существенная доля наемных работников-специалистов в составе мигрантов служит очередным подтверждением оформившихся и действовавших хозяйственных связей между Удмуртией и Поволжскими губерниями. В свою очередь, диспропорция количества домовладельцев и членов семей (88 домохозяев против 31 самостоятельных членов семьи) свидетельствует о том, что подавляющая часть мигрантов являлась де-факто сарапульскими

мещанами в первом поколении: в стенах их жилищ вместе с ними еще не проживали ни дальние родственники, ни совершеннолетние дети. Жены, находившиеся «при мужьях», по данным переписчиков, обыкновенно не имели индивидуального источника дохода.

Примерно равнозначным образом обозначилось распределение притока мещан с территории групп Западноевропейских, Центральнороссийских и Западносибирских губерний: 13,9 %, 9,6 % и 15,9 % соответственно. В случае Западноевропейских регионов доля оседлости достигает наивысшего среди прочих показателя – 79,5 %. Подобные обстоятельства, главным образом обусловлены этнической и религиозной принадлежностью переселенцев: страдая от дискриминации, иудеи обыкновенно переезжали крупными семьями, образуя при этом общину, поддерживавшую своих членов в различных сложных жизненных ситуациях. Традиционные для данной этнической группы взгляды на ценность образования проявлялись и в наивысших среди всех мигрантов показателей грамотности – 87,7 %. Немногочисленная категория переселенцев из Москвы и Санкт-Петербурга представлена рантье почтенного возраста. Родственные связи, а также неприхотливость в притязаниях к образу и уровню жизни могли сподвигнуть мещан пожилого возраста к переезду в Сарапул.

В целом показатели грамотности мещан-мигрантов указывают на предъявляемые нанимателями и конкурентной средой требования к желающим обосноваться в Сарапуле, пополнив де-факто состав местного мещанского сословия. Для найма на должности, требовавшие специальной подготовки, соискатели должны были предъявить свидетельства высокого профессионального уровня либо указать на свою способность к усвоению качественно новых знаний, умений и навыков. В данном смысле грамотность являлась важным подспорьем, позволяя, при условии наличия необходимого объема производственного опыта, повысить социальный статус даже простого ремесленника до купеческого приказчика. Следует полагать, что переселявшиеся мещане не стремились соперничать с крестьянами в борьбе за вакансии, связанные с

неквалифицированным трудом в связи с низкими требованиями к зарплате, предъявляемыми представителями сословия сельских обывателей. Таким образом, в среднем более двух третей (69,4 %) мещан, прибывавших в Сарапул из-за пределов Вятской губернии, являлись грамотными.

Аналогичным образом Сарапул мог предоставить возможность трудоустройства или стать новым домом мещанам из городов Вятской губернии (таблица 5). Наибольшую активность в данном смысле проявили мещане г. Елабуги, составлявшие более трети всех мигрантов – 36,6 %. Сходство торгово-промышленных центров, а также активность купечества, создававшего новые рабочие места являлись важными факторами, мотивировавшими мещан к смене места жительства. Дополнительными источниками механического роста сословия мещан следует считать города Вятку, Нолинск и Слободской, мигранты которых составляли 13,3 %, 10,7 % и 11,1 % соответственно.

Таблица 5 – Присутствие мещан городов Вятской губернии в г. Сарапуле (1897 г.), чел.¹²⁴

Место приписки	Пол		Всего		Статус					Образование		
	М	Ж	Кол-во	%	Д	С	Ж	Р	П	Грам	Неграм	% Гр
Вятка	24	6	30	13,3	14	11	4	1	0	21	9	70
Глазов	5	2	7	3,2	3	1	2	1	0	6	1	85,7
Елабуга	55	27	82	36,6	26	9	18	14	15	61	21	74,3
Котельнич	6	4	10	4,5	5	3	0	2	0	7	3	70
Малмыж	7	8	15	6,7	5	3	3	2	2	10	5	66,6
Нолинск	17	7	24	10,7	5	4	7	5	3	15	9	62,5
Орлов	5	2	7	3,2	4	0	2	0	1	5	2	71,4
Слободской	23	2	25	11,1	14	9	2	0	0	22	3	88
Уржум	12	7	19	8,5	9	5	4	1	0	13	6	68,4
Царевосанчурск	1	1	2	0,8	1	1	0	0	0	2	0	100
Яранск	3	0	3	1,4	1	0	2	0	0	3	0	100
Итого / в среднем	158	66	224	100	87	46	44	26	5	165	59	73,6

¹²⁴ ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

Необходимо отметить, что преимущественно грамотные переселенцы из Вятки (70 %) и Слободского (88 %) приобретали оседлость в Сарапуле на базе собственных домохозяйств. Мещане Нолинска, обладавшие более низкими в сравнении в целом по губернии показателями грамотности (62,5 %), обыкновенно оказывались жильцами, прислугой или наемными рабочими, проживая в домах коренных жителей Сарапула. В целом средний уровень грамотности мещан-переселенцев из городов Вятской губернии несущественно, но превышает межрегиональные: 73,6 % против 69,4 %. Вместе с тем по численным показателям активность переселенцев из европейской России и Сибири превышает аналогичные тенденции, проявляемые выходцами из Вятской губернии более чем в полтора раза: на 57,5 %.

Необходимо отметить, что мещане менее экономически развитых городов региона (Глазов, Малмыж) представлены в миграционной картине несущественно: 3,2 % и 6,7 % соответственно. Вероятно, более притягательными для трудовой деятельности оказывался губернский город Вятка, находившийся в примерно равном в сравнении с Сарапулом удалении от Глазова. В относительной близости Малмыжа располагался крупный торгово-промышленный центр – г. Казань. В той же мере справедливым будет считать, что глазовские и малмыжские мещане могли считать себя недостаточно конкурентоспособными на рынке рабочей силы такого города, как Сарапул.

Проанализировав имеющиеся материалы, можно сделать вывод о проявлении в Удмуртии второй половины XIX – начале XX в. общероссийской тенденции к увеличению абсолютной численности представителей мещанского сословия при одновременном уменьшении их долевого веса в составе городского населения. Этому способствовала активизация миграционных процессов в среде сельских обывателей, к концу XIX в. доля их в составе горожан достигала более 49 %. Мещане, будучи значительной составляющей городского населения, соприкасались как с представителями элиты, так и с маргинализованными элементами. Особенным для региона фактором явился интенсивный обмен членами между сословиями мещан и купцов. В то же время отмена крепостного

права позволила бывшим мастеровым и непременно работникам переселяться из заводских селений и приписываться к сословным обществам по новому месту жительства. В целом же обеспеченное Великими реформами и поздними узаконениями выравнивание правового статуса сословий привело к снижению интенсивности процессов вертикальной мобильности межсословного характера.

ГЛАВА 2. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ИНИЦИАТИВА КАК ОСНОВА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МещАНСКОГО СОСЛОВИЯ

§ 2.1. Мещанское домохозяйство в системе городского землепользования

Важным стимулом к существенным изменениям правового регулирования профессионально-хозяйственной деятельности представителей мещанского сословия следует считать либеральные преобразования 1860–70-х гг. Предшествующие десятилетия также были отмечены рядом мероприятий по формированию всесословного экономического городского пространства. Особо стоит отметить указ 1827 г., когда после неудачи гильдейской реформы Канкрин 1824 г.¹²⁵, крестьянам было дозволено приобретать землю в городской черте и фактически приобретать оседлость по месту занятости¹²⁶.

По замыслу правительства, недвижимое имущество должно было стать центральным фактором общественной и хозяйственной инициативы населения в пореформенном городе. Законом от 1 января 1863 г. отменялась подушная подать с мещан с одновременной заменой ее налогом «со всех недвижимых имуществ, составляющих частную собственность». К таковым Министерство внутренних дел относило: жилые дома с пристройками и огородами, фабрики, заводы, пустопорожные земли¹²⁷. С целью уточнения суммы сборов производилась оценка упомянутой собственности особой Раскладочной комиссией, члены которой избирались местными домовладельцами¹²⁸. Оценочная ведомость включала в себя стоимость недвижимого имущества, имя и звание собственника. Недоимки взыскивались с наложением пени по 1 % в месяц¹²⁹. Городские управы и ратуши имели право освободить от уплаты налога горожан, не использовавших свое

¹²⁵ ПСЗ–1. Т. 39. № 30115.

¹²⁶ ПСЗ–2. Т. 2. № 1559.

¹²⁷ ПСЗ–2. Т. 38. № 39119. П. 1, 2.

¹²⁸ Там же. П. 6.

¹²⁹ Там же. П. 21.

имущество для получения прибыли, не имевших средств к существованию. Вместе с тем подобные льготы не служили основанием для снижения общей суммы налогов, определенной в результате работы раскладочной комиссии¹³⁰. Погорельцы получали налоговые льготы, в том числе по погашению недоимок. Суммарный объем сборов от каждой губернии рассчитывался Министерством внутренних дел в зависимости от уровня развития товарно-денежных отношений. Так, во второй половине 1863 г. с городской недвижимости Вятской губернии планировалось собрать 7070 рублей, а в соседних Вологодской и Казанской губерниях – по 5290 и 18 870 рублей соответственно¹³¹.

По Городовому положению 1870 г. избирательные права для участия в баллотировании гласных в думы предоставлялись населению, главным образом, исходя из имущественного ценза. Так, «к какому бы состоянию он ни принадлежал», горожанин старше 25 лет получал право голоса при наличии у него облагаемой налогом недвижимой собственности в городской черте: не только торговое или промышленное заведение, но и личный дом¹³².

Деление избирателей на три категории в зависимости от их материального положения закрепляло неравный характер учета голосов: олигархическое I «собрание» выбирало столько же гласных, сколько и более демократическая по своему составу III-я курия¹³³. Впрочем, для небогатых и мелких городов дозволялось учреждать две курии вместо трех «по малочисленности избирателей или однородности их состава»¹³⁴. Подобная практика создавала дополнительную мотивацию для мещан расценивать дом не только как статусный символ или признак «оседлости», но и как платформу извлечения дохода в форме предпринимательской деятельности.

¹³⁰ ПСЗ–2. Т. 38. № 39119. П. 30.

¹³¹ ПСЗ–2. Т. 38. Штаты и табели. № 39119.

¹³² ПСЗ–2. Т. 45. № 48498. П. 17.

¹³³ Там же. П. 24.

¹³⁴ Там же. П. 25

В данном смысле выделенный в рамках теории модернизации феномен «урбанизационного перехода» может быть соотнесен с концептуальными изысканиями одного из классиков российской исторической науки – В. О. Ключевского. Отечественная история была представлена им как череда ступеней на пути перемещения народонаселения с Русской равнины на Восток. Такой процесс был обозначен им как «внутренняя колонизация», хозяйственное освоение, основные черты которого следует искать, прежде всего, в фактах политической и экономической жизни как наиболее объективных примерах распространения и реализации отдельных идей в социуме. Важным элементом «колонизации», ее стадийной структуры являлись «привалы» или «стоянки», в рамках которых ярче всего можно было проследить результаты общественного прогресса¹³⁵. Город как форпост колонизации, крепость, обороняющая ее достижения, вполне может быть соотнесен с такого рода «стоянкой». В российской исторической традиции город объединял как экономические, так и административные функции, часто с преобладанием последних. Однако в производственном отношении такие «города-привалы» редко отличались от крупных сел, обладавших более существенными запасами земли, имевшей первостепенное значение в аграрно-промышленной экономике. Подобные обстоятельства, по мнению Л. В. Милова, стимулировали товарный спрос на продукцию сельского хозяйства в городах. Огородничество развивалось не только как подспорье для обеспечения продовольствием остававшихся по квартирной повинности войск, но и для удовлетворения нужд внутреннего рынка¹³⁶. Вместе с тем наряду с деревней, город посредством постоянного тягла, прежде всего, обеспечивал «привал» будущей волне «колонизаторов».

Финальный этап отечественной истории, по мнению В. О. Ключевского, приходится на начало XVII – первую половину XIX в. Это время было ознаменовано не только расселением российской нации за Уральский хребет, на

¹³⁵ Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций. В трех томах. М., 2002. Т. 1. С. 27

¹³⁶ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 299.

Кавказ и прикаспийские регионы, но и началом перехода к стадии мануфактурного, а позже – и фабрично-заводского производства¹³⁷. Означенный хронологический период сопряжен также и с качественным переосмыслением роли города и городского населения в структуре общественного производства. Однако попытки видоизменить означенное социальное пространство по пути строгой специализации противоречили многоукладному характеру общероссийской и городской экономики. Губительность возведения межсословных барьеров становилась все более очевидной с течением времени, появлением задач общенародного масштаба, требовавшего объединения усилий всех социальных категорий. Сделанное Г. Ф. Шершеневичем в конце XIX в. замечание оказалось вполне верным и для начала XX столетия: «На логику законодателя оказала давление логика событий»¹³⁸. Развитие рыночных отношений, процессов урбанизации, повышение конкурентоспособности сельского населения вынудило правительство постепенно уменьшать, а затем и ликвидировать ряд сословных барьеров между крестьянством и мещанами.

Завершая свое повествование анализом крестьянской реформы 1861 г., В. О. Ключевский очевидно отводит второстепенное место Городовому положению 1870 г. Однако содержание и последствия этого узаконения позволяют дополнить изложенный выше взгляд на российскую историю. Снижение межсословных барьеров положило начало новому этапу «внутренней колонизации» – хозяйственному освоению ныне открытого сословного городского пространства. Ликвидация сословных привилегий мещан, привлечение к предпринимательской деятельности широких слоев населения позволило задействовать важный внутренний ресурс развития, объединяя в данном случае как экстенсивный, так и интенсивный подходы. Роль «стоянки», места для «привала» здесь играет уже не город вообще, но дома мещан, где

¹³⁷ Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций. В трех томах. М., 2002. Т. 1. С. 28–29.

¹³⁸ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. М., 1899. С. 47.

приобретает оседлость поток «колонизаторов» из состава крестьян, отставных военных, разночинцев и иных пришлых категорий.

Всесловное пространство города, открытого для взаимодействия различных социальных слоев, стимулировало конкурентные отношения. Для целенаправленного участия в означенных процессах мещанину необходимо было найти основу для стабилизации финансового положения. Подобной основой вновь стало жилище мещанина, его дом – некогда важнейшая составляющая часть его принадлежности к «городскому гражданству». Таким образом привлечение информации о стоимости, структуре и прочих чертах мещанской недвижимости является необходимым для анализа особенности социальных отношений в пореформенном городе. В качестве примера провинциального российского города может быть использован г. Глазов.

Информационные обзоры о состоянии городской недвижимости в уездах (ее виды, стоимость) регулярно публиковалась в «Памятных книжках Вятской губернии» и других трудах Губернского статистического комитета. Однако детальные данные по этому вопросу могут быть предоставлены, прежде всего, материалами отчетов раскладочных комиссий Городских управ региона.

Обыкновенной для городских дум проблемой были накапливающиеся недоимки по разного рода сборам. С целью уточнения ожидаемого объема налоговых поступлений, доходных и расходных частей местного бюджета управы регулярно производили соответствующие ревизии, переоценку стоимости городской недвижимости. Означенный осмотр был в частности произведен по прошению городского головы в г. Глазове в 1883 г., который являлся одним из малых городов региона, несущественно превосходившим по численности населения лишь такой же уездный г. Малмыж: 3460 против 3084 по показателям Первой всеобщей переписи населения 1897 г.¹³⁹. Печальную известность городу принесли слова, написанные сосланным сюда в 1879–1880 гг. по подозрению в

¹³⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятка: ЦС КМВД, 1904. Т. 10: Вятская губерния. С. 50.

революционной деятельности В. Г. Короленко: «Типичный городок северо-востока. Два-три каменных здания, остальное все деревянное. В центре – полукруглая площадь, лавки, навесы, старенькая церковка, очевидно пришедшая в негодность, и рядом – огромное недостроенное здание нового храма, окруженное деревянными лесами... Подальше от центра домишки окраины подходят к ельничку, сосняку, который, вырастая вверх по реке, становится спокойным дремучим бором...»¹⁴⁰.

Несмотря на уже ставшие очевидными для исследователей (М. И. Буня¹⁴¹, А. Г. Татаринцев¹⁴², Н. Н. Закирова¹⁴³) неточности описания, произраставшие из стремления В. Г. Короленко придать Глазову стереотипные черты провинциального захолустья, образ небольшого деревянного города был перенесен публицистом в своей целостности. Изучение городов московской губернии позволило А. В. Долгопятову выявить схожие явления. Кроме того, социально-экономическая поляризация сословия затрудняет выделение собирательного образа «мещанского дома», что в достаточной мере включал бы в себя элементы как купеческого, так и сельского жилища¹⁴⁴. Вместе с тем данные о некоторых деталях частных хозяйств глазовчан находят отражение в ревизии раскладочной комиссии на 1883 г.

Структура городских доходов в целом по Вятской губернии в пятилетие 1880–1884 гг. имела следующий вид: 57,1 % – с городских имуществ и оброчных статей; 10,7 % – оценочного сбора с недвижимости частных лиц; 24,1 % – с документов и сборов на право производства торговли; 2,7 % – с засвидетельствованных протестов и предъявлений ко взысканию разных актов.

¹⁴⁰ Короленко В. Г. Ненастоящий город – Пёрмынтэ кар: Избранные страницы. Глазов, 2005. С. 32–33.

¹⁴¹ Буня М. И. В. Г. Короленко в Удмуртии. Ижевск, 1982. 272 с.

¹⁴² Глазов в жизни и творчестве В. Г. Короленко / под ред. А. Г. Татаринцева. Ижевск, 1988. 128 с.

¹⁴³ Закирова Н. Н. Глазовский период в жизни В. Короленко: опыт биографической реконструкции // Иднакар: методы культурной реконструкции. 2012. № 1(14). С. 37–54.

¹⁴⁴ Долгопятов А. В. Домовладение мещан городов Московской губернии в пореформенный период // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 329. С. 91.

Очевидна третьестепенная роль оценочного сбора, продиктованная низкой стоимостью имений в городах губернии. Сдача выгонных земель, напротив, являлась важнейшей статьей дохода местных бюджетов¹⁴⁵. Надо полагать, потеря контроля над прилегавшими к городам лугами, в свою очередь, существенно осложняла материальное положение мещан.

По оценочной стоимости городские хозяйства можно условно разделить на ряд категорий с интервалом в 100 рублей:

- 1) дешевле 100 рублей;
- 2) от 100 до 200;
- 3) от 200 до 300;
- 4) от 300 до 400;
- 5) от 400 до 500;
- 6) от 500 до 600;
- 7) от 600 до 700;
- 8) от 700 до 800 рублей;
- 9) от 800 до 900;
- 10) от 900 до 1000 и, наконец,

11) дороже 1000 рублей. Следуя данной градации, оказывается возможным определить в границах г. Глазова с учетом стоимости имения картину имущественного расслоения по сословиям (таблица 6).

¹⁴⁵ Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. 22. СПб., 1887. С. 303. Таблица 17.

Таблица 6 – Оценочная стоимость недвижимости домохозяев г. Глазов
(1882 г.)¹⁴⁶

Цена (руб.) сословие	До 100	100- 200	200- 300	300- 400	400- 500	500- 600	600- 700	700- 800	800- 900	900- 1000	Более 1000	Всего
От. военные	16	10	0	1	0	0	0	0	0	0	0	27
Духовенство	0	1	3	0	2	0	0	1	0	0	0	7
Крестьяне	8	4	3	1	0	1	2	0	1	0	1	21
Купечество	2	2	0	3	2	5	1	2	1	2	7	27
Мещане	24	29	14	9	7	4	1	0	0	0	2	90
Почет. гр-не	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	3
Служащие	3	6	2	4	0	1	1	0	0	0	0	17
Без ук. сосл.	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	3
Всего	54	53	22	18	11	12	5	4	2	2	12	195

Составленный членами комиссии в 1883 г. по состоянию на предыдущий год список включает в себя 244 строения и пустопорожних мест, располагавшихся в городской черте г. Глазова. Из них 7 принадлежали глазовскому Преображенскому собору, уездному училищу, уездному земству, духовному училищу или самому городу. Сословный статус еще пяти собственников в записях комиссии не уточнен, а потому использование подобных данных сопряжено с определенными сложностями. Распределение сословной принадлежности владельцев оставшихся 232 объектов недвижимости дал следующие результаты: 108 – мещанских, 36 – отставных военных, 32 – купеческих, 28 – крестьянских, 18 – чиновничьих, 7 – духовенства, 3 – потомственных почетных граждан. Уверенное численное превосходство мещанских хозяйств подтверждается и долевым соотношением их в демографической структуре г. Глазова.

Анализируя данные источников, отражающие доленое соотношение недвижимости мещан в городской черте, необходимо отметить широкий характер такого присутствия в низшем и среднем регистре выборки и снижение лишь по мере приближения к хозяйствам стоимостью более 500 рублей. Находит подтверждение

¹⁴⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92 в. Д. 23. Л. 34–47 об.

точка зрения о том, что купеческий статус даже в пореформенное время сохранял за собой определенную притягательность¹⁴⁷. Впрочем, наблюдая невысокий уровень конкуренции среди крестьянства, надо полагать, что г. Глазов в силу малоразвитости ремесла и промышленности, не представлял для притока сельских жителей особого интереса как центр отхожих промыслов или поиска постоянной работы.

Процесс приобретения городскими крестьянами сословного статуса мещанина был существенно ускорен налоговой реформой 1863 г., а потому 20 лет спустя подавляющая часть оседлых домохозяев была представлена мещанами. С другой стороны, Глазов являлся одним из пересыльных пунктов на Сибирском тракте и потому требовал постоянного проживания здесь военных на действительной службе, а в конечном итоге мог оказаться домом и для уволенных в запас.

Владения обывателей инспектировались не только по вопросу о стоимости строений: сведения собирались и о составных частях, формате хозяйства. Рядом с домом горожанина на одворичной земле могли находиться огород, некрупные производственные и жилые пристройки: «службы», «флигель», «кузница» (таблица 7).

Таблица 7 – Структура городского домохозяйства жителей г. Глазова (1882 г.)¹⁴⁸

Пристройка	Кузница	Лавка	Огород	Службы	Флигель	Нет сведений
От. военные	0	0	36	36	3	0
Духовенство	0	0	7	7	1	0
Крестьяне	0	2	25	25	3	0
Купечество	1	3	29	26	10	3
Мещане	2	2	104	97	27	3
Почет. гр-не	0	0	9	8	2	0
Служащие	0	0	18	17	2	0
Без ук. сосл.	0	0	9	9	4	0
Всего	3	7	237	225	52	6

¹⁴⁷ Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск, 2001. С. 37.

¹⁴⁸ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92в. Д. 23. Л. 34–47 об.

Особый интерес представляет внутреннее устройство имения горожан и мещан в частности. Так, в целом по Глазову из 244 объектов недвижимости 237 включали в себя огородный участок, присутствие которого обыкновенно сопровождалось наличием «служб». Под «службами» в данном случае понимались хозяйственные пристройки, амбары, сараи для хранения инвентаря и выполнения мелких повседневных производственных функций. Вновь проявляется определенная склонность горожан вообще и мещан в частности к занятию земледелием в виде огородничества. Причиной того нужно считать недостаточное развитие промышленности в уезде, что не позволяло местным жителям прилагать свои усилия за пределами обработки земли. Сравнительная немногочисленность лавок при домах объясняется небольшими размерами города, а также особенностью его застроечной планировки: радиально-кольцевая структура, сходявшаяся непосредственно в центральной торговой площади, облегчала доступ к объектам стационарной и периодической сферы рыночной торговли. Содержание «кузниц» предполагало не столько производство новых орудий труда и бытового обихода, сколько поддержание их функциональности: выправление, починка, заточка. Кустарное производство названного профиля, обслуживавшее нужды крестьянского населения было широко развито на территории региона вплоть до 1917 г.

Отдельное внимание необходимо уделить такому важному элементу мещанского имения, как «флигель». Термин этот толковыми словарями определяется как «вспомогательная пристройка к жилому дому или отдельно стоящая второстепенная постройка, входящая в комплекс усадьбы, связанная с главным домом, функционально и композиционно ему подчиненная», или же как «жилая пристройка к главному зданию; небольшой дом во дворе большого здания»¹⁴⁹. Вот как по собственным воспоминаниям описывал упомянутую пристройку В. Г. Короленко: «Во дворе флигелек, во флигельке – комната с полатью, окно флигелька – сеновал; полати или сеновал служат нам [*ссылным*

¹⁴⁹ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998. С. 1426.

В.Г. Короленко и Карлу Стольбергу – А. У.] попеременно постелью»¹⁵⁰. Именно «флигелек» и жилище мещанина в целом стали питательной почвой, на которой разворачивались модернизационные процессы в России второй половины XIX – начала XX в. Рассматривая особенности означенного феномена в рамках отечественной истории, В. В. Алексеев обращал внимание на саму природу адаптации к стремительно изменяющейся социально-экономической среде: взаимное погружение действующих элементов в традиционную культуру отдельных сословий¹⁵¹.

Факт осуществления лавочной торговли в стенах собственного дома также регистрировался членами ревизионной комиссии. Оценочная стоимость недвижимости главным образом зависела от этажности строений, материала фундамента и наружных стен дома: каменных или деревянных. Данные отчетов содержали указания на имя и сословную принадлежность владельца, что, в свою очередь, позволяет составить общее представление о структуре среднестатистического хозяйства горожанина.

Дома мещан г. Глазова были преимущественно представлены одноэтажными деревянными строениями (68,5 %). В меньшей степени были характерны требовавшие крупных затрат двухэтажные здания (22,2 %), в т.ч. выполненные на каменном фундаменте (4,6 %). Вместе с тем, надо полагать, что двухэтажные дома мещан положительно выделялись на фоне преимущественно одноэтажной недвижимости, принадлежавшей крестьянам и отставным военным. Более того, наличие дополнительных помещений создавало возможность размещать торговые или ремесленные заведения, а также сдавать жилую площадь в аренду (таблица 8).

¹⁵⁰ Цит. по Закирова Н. Н. Ук. соч. С. 41.

¹⁵¹ Алексеев В. В. Опыт российских модернизаций, XVIII–XX в. М. 2000. С. 94.

Таблица 8 – Недвижимость домохозяев г. Глазов по материалу и этажности построек (1882 г.)¹⁵²

	1эт-дер	2 эт-дер	2 эт-кфд	1 эт-кам	2 эт-кам	3 эт-кам	Пуст.	Сумма
От. военные	35	1	0	0	0	0	0	36
Духовенство	1	6	0	0	0	0	0	7
Крестьяне	23	3	1	0	0	0	1	28
Купечество	12	10	1	0	6	0	3	32
Мещане	74	24	5	0	0	1	4	108
Почет. гр-не	1	1	0	1	0	0	0	3
Служащие	12	4	1	0	0	0	1	18
Без ук. сосл.	4	1	0	0	4	0	3	12
Всего	162	50	8	1	10	1	11	244

Купеческие особняки традиционно являлись украшением городов, были самыми дорогими и находились в центральных районах, на площадях. Такими были двухэтажные каменные дома купеческих II-й гильдии семейств Платуновых, Васильевых, Смышляевых, Поповых, Колотовых, Чирковых. Наличие собственности купцов в нижней части стоимостной градации главным образом обусловлено владением пустопорожними местами с огородом или без строений вообще. Однако самый дорогой, трехэтажный с флигелем, службами и огородом каменный дом, располагавшийся непосредственно на торговой площади, принадлежал наследникам мещанина Николая Павловича Смагина. Вероятно, отсутствие гильдейского статуса не слишком ограничивало масштаб их предпринимательской активности, а наличие незаурядного во всех отношениях дома позволяло выделиться на фоне обыкновенно всемогущего купечества. Особое внимание привлекал также дом крестьянина Слободского уезда Матвея Ивановича Столбова в 9 квартале на Вятской улице. Оцененное комиссией в 1500 рублей двухэтажное полукаменное имение занимало 2 одворичных места. На одном из них находился сам дом с лавкой и службами, на втором – выполнявший роль флигеля одноэтажный деревянный дом со службами. Разросшееся таким

¹⁵² ГАКО. Ф. 582. Оп. 92в. Д. 23. Л. 34–47 об.

образом хозяйство не было единичным случаем: похожий, но более скромный по стоимости (500 рублей) дом имел в 8 квартале на улице Набережной глазовский мещанин Петр Иванович Серкин. Ведомость городской управы содержит сведения о наличии здесь, во-первых, деревянной лавки со службами и огородом, во-вторых, одноэтажного деревянного дома с флигелем, службами и огородом¹⁵³. Подобные свидетельства позволяют заявлять о дальнейшем укреплении бессословных начал в городской экономике пореформенного времени.

Вместе с тем важно указать на естественное стремление хозяев из мещан улучшить качество своей жизни, в том числе за счет ремонта и усовершенствования жилых и подсобных помещений. Так, оцененный в 150 рублей деревянный двухэтажный дом в 24 квартале по Кругло-Чепецкой улице, вокруг которого, согласно материалам ведомости за 1882 г., располагались службы и огород, фигурирует в завещании от 1914 г.¹⁵⁴ В духовной записи глазовский мещанин Анатолий Васильевич Корепанов оставлял половину дома, принадлежавшего ему совместно с братом Василием, двум своим детям Нине и Валерию. Примечательно, что хозяйство, «закрывающееся в деревянном двухэтажном доме с надворными постройками, баней и однодворичном месте земли» стоило уже не менее 400 рублей. Это следует из просьбы завещателя выплатить 200 рублей из его половины в случае продажи братом имущества с пристройками в Глазовский Городской общественный банк. Таким образом частично погашалась ссуда в размере 750 рублей, ранее предоставленная кредитным учреждением с целью ремонта дома. Кроме того, денег от продажи должно было в случае необходимости хватить для уплаты личных долгов завещателя¹⁵⁵.

Первые попытки системной унификации городской планировки и фасадов зданий относятся к XVIII в. Так, в январе 1790 г. на запрос главы Вятского

¹⁵³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92в. Д. 23. Л. 36.

¹⁵⁴ ЦГА УР, Ф. 116. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–3.

¹⁵⁵ Там же. Л. 4 об.

наместничества о состоянии обывательской недвижимости г. Глазова городничий Петр Федорович Чайковский рапортовал о наличии 96 домов: 4 чиновнических, 10 купеческих, 14 мещанских, 10 – приказных служителей, 8 солдатских, 11 – священнослужителей, 37 крестьянских, а также 1 казенный дом для присутственных мест и 1 здание градского общества. Упомянув, в том числе 14 домов, выстроенных недавно, городничий сообщал, что те не соответствовали своими фасадами заявленным планам. Кроме того, «приличными», по мнению П. Ф. Чайковского, можно было назвать лишь 25 домов из 96¹⁵⁶.

Нужно отметить, что Николай I не только способствовал облегчению постоянной повинности путем строительства казарм, но также проявлял заботу о внешнем облике российского города. В 1840–50-х гг. начинается выработка схем стандартного фасада казенных зданий в уездных и губернских городах. Здания эти должны были служить своеобразным ориентиром для архитектурных подходов в уже частновладельческой застройке не только по части отделочных изысков, но материала и этажности. Вместе с тем особое внимание уделялось сохранению уцелевших старинных строений, придававших городам определенную индивидуальность¹⁵⁷. Однако малые города, зачастую не обладавшие подобным наследием, оказывались преимущественно деревянными. Контраст между среднестатистическим домом горожанина и строением, где размещались административный аппарат, наблюдался вплоть до начала XX в. Выстроенные по типовым планам здания таких учреждений служили своеобразным напоминанием имевшегося разрыва между желаемым и действительным в облике городов.

В верхнем ярусе двухэтажного каменного дома на центральной, Кругловознесенской, улице располагалось Уездное училище, а уровнем ниже – квартира его штатного смотрителя. Двухэтажный каменный дом в 11 квартале по Никольской улице принадлежал Глазовскому земству. Наконец, двухэтажный

¹⁵⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 2е. Д. 59. Л. 57–58.

¹⁵⁷ Кошман Л. В. Город и городская жизнь России XIX столетия. М., 2008. С. 65–66.

каменный дом в 15 квартале по Преображенской улице вмещал в себя духовное училище, а два деревянных флигеля поблизости – должностных лиц названного учреждения. Следует отметить, что присутствие флигеля, служб и огорода было характерно для каждого из упомянутых учреждений: скудное бюджетное финансирование толкало общественных служащих к повышению материальной самостоятельности. При этом, надо полагать, что некоторые из частных имений также не были обложены раскладочным сбором как не приносящие их хозяевам дохода по своей «малоценности»¹⁵⁸. Всего без указания цены в реестре присутствуют 49 строений, в том числе 7 крестьянских, 18 мещанских, 9 отставных военных. Вероятно, многие из них не нуждались в оценке по причине освобождения их от обложения налогами как вмещающих органы духовных или казенных ведомств. Среди подсобных, нежилых помещений такого рода можно выделить принадлежавший городу двухэтажный каменный пожарный сарай на улице Никольской, а также пара пустопорожних мест с огородами, числившихся за глазовским Преображенским собором на Ляпуновской и Набережной улицах.

Объектами, подлежащими учету, являлись пустопорожние места, земельные участки, отданные в аренду под сенокос, хлебопашество, устройство торговых и промышленных заведений¹⁵⁹. На момент инспекции 1883 г. ряд участков за пределами городской черты был отдан частным лицам для содержания ими сараев, где хранились бы кирпичи, произведенные в близлежащих обжигательных овинах. Среди нанимателей значились наследники купца Николая Федоровича Шутова, купец Василий Степанович Бородин и наследники мещанина Семена Корепанова, вносявшие соответственно по 8,20 и 6,5 рублей в год. Каждый из таких сараев вместе с печами был оценен в 100 рублей, что, свою очередь, повышало арендную плату еще на 1 рубль. Здесь же находилось строящееся рукавичное заведение мещанина Стяжкина, за которое последний выплачивал в

¹⁵⁸ ПСЗ–2. Т. 45. № 48498. П. 129.

¹⁵⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92в. Д. 23. Л. 23–25.

городскую казну 10 рублей в год¹⁶⁰. Две кузницы, крестьянская и купеческая, ежегодно приносили городской управе по 6 и 8 рублей. Наконец, земля под постройку питейного заведения, арендованная мещанином Михаилом Колотовым за 15 рублей в год. Впрочем, даже суммарно приведенные сборы, 73,5 рубля, не могли бы сравниться с доходом, извлекаемым городом от сдачи в аренду земель под сенокос – 1254 рубля 11 копеек в год. От земледельцев, коими числились мещанин Григорий Стяжкин и преподаватель местного духовного училища Селивановский, город получал дополнительно 30 и 15,5 рублей¹⁶¹. Следует отметить, что аренда земли под сенокос в данном случае имеет безличный характер – «без указания хозяев», что позволяет предположить существование коллективного землепользования в рамках мещанских обществ даже в пореформенный период. В целом же центральная роль, принадлежавшая в Вятской губернии сельскому хозяйству, все еще отмечалась статистическим комитетом уже на основе материалов Первой Всероссийской переписи населения¹⁶². Более того, к концу XIX в. для Глазова процент занятых в земледелии жителей (6,8 %) оказался выше, чем в других уездных городах: Малмыж – 5,6 %, Сарапул – 2,4 %, Елабуга – 6 %¹⁶³. Впрочем, по замечанию Л. В. Кошман, пользование выгонными землями играло особую роль для материального благосостояния не только провинциальных городов, но и мещан такого торгово-промышленного центра, как Москва¹⁶⁴.

В структуре домохозяйства мещан отражены такие традиционные занятия, как огородничество, животноводство. Как показывают данные об отдельных уездных городах, огородничество и животноводство являлись распространенными побочными источниками дохода мещан. В определенной мере они могли стать подспорьем в ведении домашнего хозяйства, однако в

¹⁶⁰ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92в. Д. 23. Л. 23–24 об.

¹⁶¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92в. Д. 23. Л. 23–24 об.

¹⁶² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятка: ЦС КМВД, 1904. Т. 10: Вятская губерния. С. 4.

¹⁶³ Там же. С. 165–168.

¹⁶⁴ Кошман Л. В. Город и городская жизнь России XIX столетия. М., 2008. С. 217.

первом случае мещане испытывали усиливающуюся на внутригородском рынке конкуренцию со стороны крестьянства. По сведениям глазовской городской думы от 14 октября 1897 г., в результате устройства организованного выпаса скота от представителей городских сословий было принято 270 голов скота, а также «неизвестное количество» скота негородских сословий. Сборы за обслуживание стада составили 325 руб. 75 коп. с городских сословий, и 182 руб. 50 коп. – с прочих¹⁶⁵. При этом ранее, в мае того же 1897 г., городская дума распорядилась запретить проживавшим в Глазове крестьянам пользоваться городским выгоном для выпаса скота по причине острой нехватки земли. Причиной тому стало происходившее в 1895–1897 гг. строительство Пермь-Котласской железной дороги, пролегавшей через выгонные земли¹⁶⁶.

Рельсовые пути пролегали через выгонные земли города, что выводило из хозяйственного оборота значительную их часть. Непосредственными последствиями, к которым привели означенные обстоятельства, стали удорожание земли и сокращение площадей для выпаса скота, принадлежавшего местному населению. Последнее нередко приводило к нанесению ущерба строительному инвентарю и инструментам, использовавшимся для устройства железной дороги. Так, в своем обращении от 2 июля 1897 г. глазовская городская управа доводила до сведения жителей претензии «железнодорожного начальства», касавшиеся выпаса скота в непосредственной близости строящихся путей. По словам железнодорожников, скот растапывал бровки насыпей и загрязнял строительные материалы. Городская управа удовлетворила данное прошение и распорядилась огородить названный участок земли¹⁶⁷.

По мере роста и качественной трансформации городов прибыльность возделывания небольших земельных участков неуклонно снижалась, а деятельность как таковая приобретала более подсобный, натуральный характер. Продажа права на рыбную ловлю по-прежнему оставалась одним из источников

¹⁶⁵ ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 4. Л. 230–230 об.

¹⁶⁶ ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 4. Л. 114–114 об.

¹⁶⁷ ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 4. Л. 163–165.

дохода городского бюджета. Так, по договору от марта 1897 г. глазовский мещанин Евгений Пацианский обязался ежегодно выплачивать городской управе Глазова по 24 рубля в ближайшее трехлетие¹⁶⁸. Статистические данные сборника «Памятная книжка Вятской губернии 1873 г.» содержат сведения о том, что помимо занятия столярным, сапожным, портняжным, шапочным, шорным и красильным ремеслами мещане Елабуги «в значительном количестве» развозят лук, в том числе для продажи в других городах губернии. Одновременно отмечалась непопулярность «сельских промыслов и хлебопашества», которыми занимались лишь крестьяне Трехсвятской слободы¹⁶⁹.

Опыт изучения западноевропейской модернизации указывает на иницирующую роль бюргерства, а равно и его культуры, преобразующей и направляющей действия иных общественных страт. Пореформенная эпоха стала для российского мещанства временем, когда, напротив, оно оказывается погруженным в культуру устремившегося в города крестьянства, а также разночинной интеллигенции, симпатизировавшей нуждам сельских обывателей¹⁷⁰. Дом мещанина становился своеобразным фильтром, обуславливавшим процесс «огораживания» крестьянства в духе добродетелей городского гражданства. Таким образом обеспечивался двойственный характер российской модернизации второй половины XIX – начала XX в., выраженный в сочетании географически-территориального и культурного аспектов.

§ 2.2. Профессиональная и предпринимательская деятельность мещан

Освещение профессиональной и хозяйственно-предпринимательской деятельности мещан требует предварительного обращения к понятийному аппарату данных явлений. Так, Большой энциклопедический словарь определяет «профессию» как «род трудовой деятельности, занятий, требующий определенной

¹⁶⁸ ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 4. Л. 74–74 об.

¹⁶⁹ Памятная книжка Вятской губернии за 1873 г. Вятка, 1873. С. 134.

¹⁷⁰ Алексеев В. В. Опыт российских модернизаций, XVIII–XX в. М., 2000. С. 94–95.

подготовки и являющийся обычно источником существования»¹⁷¹. Предпринимательство трактуется как «инициативная, самостоятельная деятельность граждан без образования юридического лица, направленная на получение прибыли или личного дохода, осуществляемая от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность или от имени чьего-то и под чью-то имущественную ответственность»¹⁷².

В качестве одной из наиболее содержательных документальных баз в вопросе о показателях профессиональной и предпринимательской деятельности мещан могут служить данные Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., отражавшие информацию по таким критериям, как сословная принадлежность, пол, возраст, вероисповедание и национальность, грамотность и место приписки опрошенного лица. Выделенные категории занятий городского населения представляли различные отрасли как производственной, так и непроизводственной сферы. Долевой состав вовлеченности горожан в означенных отраслях оценивался в 74,2 % и 25,8 % соответственно¹⁷³. Численно преобладающее материальное производство включало в себя хлебобулочные, винокуренные, полиграфические, химические заведения, ювелирное дело и живопись, а также мастерские по изготовлению одежды, специального инструментария, осуществлению строительных работ, постройку судов и экипажей. Анализ означенных данных позволяет сделать вывод о важном месте сферы услуг и легкой промышленности в структуре занятости горожан Удмуртии¹⁷⁴.

Следует особо отметить, что опубликованные статистические данные, представленные земскими специалистами, как правило, сообщают обобщенные сведения без выделения профессиональных занятий, с одной стороны, и

¹⁷¹ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000. С. 1035.

¹⁷² Там же. С. 960.

¹⁷³ История Удмуртии: конец XV – начало XX века / Под ред. К.И. Куликова. Ижевск, 2004. С. 335.

¹⁷⁴ Там же. С. 336.

предпринимательской деятельности, с другой. В связи с этим обе формы деятельности представлены в настоящей главе с попыткой их максимального разделения. Отдавая должное колоссальному масштабу работы, проделанной служащими статистического ведомства, необходимо отметить и слабые места подхода к учету и анализу опубликованных впоследствии данных. По причине патриархального взгляда на взаимоотношение полов и роли женщины в процессе общественного производства, значение последней зачастую существенно обеднялось и сужалось до нахождения «при муже». В своей обращенной к городу дореформенного периода работе Б. Н. Миронов, характеризуя уровень жизни социальных низов, отмечал важный вклад женщины не только в выполнение сугубо бытовых обязанностей и уход за детьми, но также и помощь мужу в его профессиональной деятельности¹⁷⁵. Следует полагать, что и пореформенное время, ознаменованное интенсификацией конкуренции на рынке рабочей силы, стало одновременно и периодом дальнейшего вовлечения женщин в производственные отношения в качестве самостоятельного труженика.

Особое внимание положению женщин-мещанок в пореформенный период на примере города Сарапула уделила Д. М. Пюрияйнен. Проанализировав данные, иллюстрирующие образ жизни городских семей, автор делает вывод о цементирующем значении вклада женщины в ведение домашнего хозяйства. Особо ярко подобные явления прослеживались в менее экономически развитых городах Глазове и Малмыже, где мужчины проводили длительное время в отрыве от своих семей, изыскивая средства в отхожих промыслах. «В течение полугодового отсутствия мужчины содержание дома ложилось на плечи жен и матерей, которые не только вели домашнее хозяйство, воспитывали немалое количество детей, но и находили себе временный приработок», – заключает исследователь¹⁷⁶. Так, по данным очевидцев, в Сарапуле шитьем кожаных

¹⁷⁵ *Миронов Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 73.

¹⁷⁶ *Пюрияйнен Д. М.* Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурный аспект. Ижевск, 2013. С. 237.

рукавиц занимались чаще всего женщины, среди них: хозяйки-мастерицы В. М. Фотина, А. В. Балашова, Е. М. Корчемкина и т.д.¹⁷⁷.

Неточность при сборе и обработке данных была допущена также и в вопросах, касающихся конкретной производственной роли отдельного трудящегося. Внимание на подобный просчет уже в 1905 г. обратил А. Е. Лосицкий в статье «Этюды о населении России по переписи 1897 г.»¹⁷⁸. По его мнению, необходимо было, во-первых, выделить «самодеятельных» лиц, активно занятых в каком-либо промысле (владельцы предприятий, предприниматели) и лиц, имевших доход от «несамодеятельного» населения (наемные работники и подмастерья). Во-вторых, важно было отметить положение человека в производственном процессе (хозяин, служащий, рабочий). Анализируя материалы переписи, Н. А. Рубакин также замечал, что при распределении населения по роду занятий, хозяева и рабочие оказались отнесены к одной и той же категории¹⁷⁹. Наконец, при выделении профессиональных категорий опрошенных сословный аспект проблемы был освещен непоследовательно. Вероятно, по мнению статистического комитета, к началу XX в. сословный статус человека в силу как объективных (преобразовательный импульс либеральных реформ Александра II), так и субъективных обстоятельств (сближение материального и духовного образа жизни на базе городов) не играл уже сколько-нибудь значимой роли.

Недостатки источника, скрытая информация в опубликованных обобщенных данных переписи 1897 г. восполняется ее первичными документами, переписными листами домохозяйств, хранящимся в фонде 236 ЦГА УР, а также сведениям карточного характера Центрального статистического комитета, отделов и органов Министерства торговли и промышленности. Мы попытались

¹⁷⁷ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 33. Л. 26.

¹⁷⁸ Лосицкий А. Е. Этюды о населении России по переписи 1897 г. // Мир Божий. СПб., 1905, № 8, С. 224–244.

¹⁷⁹ Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912. С. 175.

воссоздать картину профессиональной и предпринимательской деятельности мещан, выделяя такие отрасли, как:

- 1) промышленное производство;
- 2) торговля и сфера материальных услуг;
- 3) образование, медицина и нематериальное производство;
- 4) служба в органах государственной власти и общественного управления.

Вместе с тем были произведены коррективы с целью дифференциации разных уровней вовлеченности мещан в процесс общественного производства. Особым образом выделялись категории мещан-предпринимателей (хозяева предприятий и торговых заведений) и мещан, являвшихся наемными рабочими. Учету подлежали лица, имевшие возможность самостоятельно обеспечить себя материально. Категории лиц, не имевшие личного заработка (проживавшие «при главе семьи», получавшие пенсию, собиравшие подаяние) исключались из вышеприведенных групп. Кроме того, учтено деление занятий на два типа: основные – «доставлявшие главные средства к существованию», и побочные – «дававшие заработок независимо от главного занятия»¹⁸⁰. Отдельные категории лиц составляли мещане:

- 1) проживавшие и «приписанные» в г. Сарапуле;
- 2) приписанные к одному из городов Вятской губернии;
- 3) прибывшие из-за пределов Вятской губернии и административно относившиеся к другим регионам (таблица 9).

¹⁸⁰ ЦГА УР. Ф. 236. Оп. Д. 107. Л. 61.

Таблица 9 – Отрасли профессиональной и предпринимательской деятельности в основных занятиях мещан г. Сарапула (1897 г.)¹⁸¹

Отрасли занятий	Пол (чел.)			Грамотность (чел.)		Приписка (чел.)		
	М	Ж	Всего	Грам.	Неграм.	Сарапул	Вятская губ.	Другие
Промышленное производство	1879	466	2345	1337	1008	2043	109	193
Торговля и сфера услуг	613	419	1032	596	436	805	89	138
Образование и медицина	43	39	82	59	23	57	15	10
Общественное управление	56	0	56	53	3	39	10	7
Итого	2591	924	3515	2045	1470	2944	223	348

Наиболее ярко все вышеуказанные процессы представлены в жизнедеятельности г. Сарапула, который являлся крупнейшим населенным пунктом и торгово-промышленным центром Удмуртии. На 1897 г. в городе проживало 8806 мещан, представляя почти 40 % всех горожан¹⁸². Источником информации являлись сами опрашиваемые, указывавшие тот или иной вид занятий в качестве основного или побочного источника своего дохода. Характеризуя экономический потенциал города, этнограф и общественный деятель Н. Н. Блинов в конце XX в. писал о более равномерном по сравнению с г. Елабугой распределении капитала среди населения. По его мнению, подобные условия подпитывали деловую конкуренцию, что положительно влияло на финансовую атмосферу города¹⁸³. Мы останавливаемся на детальном анализе первичных материалов (переписные листы домохозяйств), что позволяет произвести дальнейшее уточнение данного вывода.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что на 1897 г. в г. Сарапуле профессиональной и предпринимательской деятельностью было занято 3515

¹⁸¹ ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

¹⁸² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятка, 1904. Т. 10. С. 50.

¹⁸³ Блинов Н. Н. К столетнему юбилею г. Сарапула. О необходимости образования новой Прикамской губернии. Сарапул, 1880. С. 23.

человек, что составляет 40 % от числа мещан города. Самую большую группу (66,7 %) составляли мещане, занятые в промышленном производстве. На втором месте стояли мещане, охваченные сферой услуг и торговлей – 16,9 %.

Ценными являются данные по количественному и долевому присутствию в хозяйственной жизни г. Сарапула мещан, с одной стороны, переселившихся из других городов Вятской губернии, с другой – из отдаленных регионов Российской империи. В целом по отраслям к концу XIX в. данный показатель оказывается равен 16,2 % (571 человек из 3515 суммарно учтенных). Однако при детальном рассмотрении выявляется ряд особенных черт. Так, в материальном производстве и сфере услуг мигранты из-за пределов Вятской губернии в количественном отношении занимают преобладающее положение по сравнению с местными жителями. В сфере материального производства на 193 пришлых из-за пределов губернии мещан приходилось 109, приписанных к городам губернии, в сфере услуг – 138 к 89 соответственно. Подобные диспропорции обусловлены, прежде всего, различными масштабами учетных категорий, объединявших, с одной стороны, 10 городов Вятской губернии (исключая г. Сарапул) и более 40 городов, относившихся к ряду регионов Российской империи. Присутствие мигрантов в отраслях «Промышленное производство» и «Торговля и материальные услуги» составляет 12,9 % и 22 %, что позволяет сделать вывод о наличии в г. Сарапуле как торгово-промышленном центре собственной прочной базы к воспроизводству кадров, необходимых для функционирования названных сфер экономики, с одной стороны, и влиянии мещан-мигрантов на хозяйственную и культурную составляющую в пределах городского социума, с другой стороны.

Занятия в рамках отраслей, связанных с образованием, медициной и общественным управлением, нередко требовали длительной специальной подготовки, успешное завершение которой предполагало повышение социального статуса и выход из мещанского сословного общества. В силу названных обстоятельств численные показатели в рамках категории «Образование и медицина» как приписных, так и пришлых мещан г. Сарапула, окажутся весьма

невысокими. Вместе с тем особым значением также обладало и знание местными мещанами специфики социального контингента, с которым им приходилось работать, а также понимание содержания наиболее общественно важных, требовавших немедленного решения задач. Таким образом, в означенном смысле мещане, приписанные к городам Вятской губернии, оказывались в более преимущественном положении относительно мигрантов из прочих регионов.

В составе органов общественного управления мещане оказывались представленными, прежде всего, канцелярскими работниками и письмоводителями. На этом поприще они могли испытывать конкуренцию со стороны образованных кадров, не имевших приписки к г. Сарапулу: 30,5 % – в отрасли «Образование и медицина», 30,4 % – в отрасли «Общественное управление».

Важное место в системе побочных занятий мещан г. Сарапула занимала **сфера услуг**. Подобное положение главным образом обусловлено существенной ролью сдачи в наем жилплощади постояльцам, прибывавшим в город в поисках работы, но не имевшим собственного жилья. На втором по популярности месте находились занятия, связанные с материальным производством. Сапожное ремесло следует по праву считать одной из отличительных черт местного промышленного ареала, а потому поиск дополнительных источников дохода в выполнении несложных производственных функций оказывался для мещан очевидным решением. Занятия в сфере образования и медицины, общественного управления требовали специальной подготовки и не были доступны широким кругам городского населения (таблица 10).

Таблица 10 – Отрасли профессиональной и предпринимательской деятельности в побочных занятиях мещан г. Сарапула (1897 г.)¹⁸⁴

Отрасли занятий	Пол (чел.)			Грамотность (чел.)		Приписка (чел.)		
	М	Ж	Всего	Грам.	Неграм.	Сарапул	Вятская губ.	Другие
Промышленное производство	31	47	78	41	37	63	6	9
Торговля и сфера услуг	237	46	283	137	146	264	11	8
Образование и медицина	14	7	21	15	6	14	3	4
Общественное управление	4	0	4	3	1	4	0	0
Другое	0	9	9	4	5	5	1	3
Итого	286	109	395	200	195	350	21	24

Обращаясь к численным показателям представителей мещанского сословия в целом по отраслям, среди прочих необходимо отметить **промышленное производство** Сарапула (таблица 11). Многочисленные сапожники, портные, слесари и плотники приносили городу известность центра ремесла и промышленности. Признание успехов местных мастеров проявлялось в победах на специализированных смотрах и выставках. Так, на Казанской промышленной выставке 1890 г. сарапульские мещане Батаргин Павел Николаевич и Сорокин Степан Федорович получили похвальный лист и бронзовую медаль за «удовлетворительную работу кожаной обуви»¹⁸⁵. Необходимо отметить важную организаторскую роль купеческого капитала, способствовавшего преодолению технологической консервации, привносимой в среду мещан крестьянами.

¹⁸⁴ ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

¹⁸⁵ ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 949. Л. 128 об., 130.

Таблица 11 – Промышленное производство и земледельческие промыслы мещан г. Сарапула (1897 г.)¹⁸⁶

Отрасли занятий	Пол (чел.)			Грамотность (чел.)		Приписка (чел.)		
	М	Ж	Всего	Грам.	Неграм.	С	ВГ	Др.
Хозяева промыслов и заведений	91	8	99	63	36	88	4	7
Приказчики и управляющие	18	3	21	18	3	11	3	7
Мастера и ремесленники	1415	327	1742	987	755	1532	78	132
Огородничество и рыболовство	8	5	13	4	9	12	1	0
Рабочие фабрик и др. заведений	102	4	106	75	31	77	10	19
Подмастерья и ученики	245	119	264	190	174	323	13	28
Итого	1879	466	2345	1337	1008	2043	109	193

Вариации в наименовании профессий позволяют сделать вывод о развитии инфраструктуры города, его торгово-промышленной сферы (см. Приложения 3–4). Необходимость оптимизации производственного цикла, расширения товарного ассортимента и перехода к более совершенным формам производства требовала более глубокого разделения труда, а потому в среде мастеров выделяются более узкие категории специалистов. Так, обрабатывающая промышленность представлена следующими отраслями и профессиями: выплавка металлов (мастер чугунно-литейного завода), обработка волокнистых веществ (ткач, прядильщик, канатный мастер, красильщик), обработка животных продуктов (мыловар, шегренщик, щеточный мастер, вытягивальщик кож, кожевенник, посадчик на кожевенной мастерской, скорняк, шорный мастер), обработка дерева (столяр, плотник, паркетчик, резчик по дереву, пробойщик, коробочник, корзинщик, бондарь, гробовщик, экипажный мастер, пильщик, обойщик), обработка металлов (кузнец, слесарь, жестянщик, паяльщик), обработка минеральных веществ (кирпичник), винокурение, пиво- и медоварение (винокур, аппаратчик на спирторектификационном заводе, очистной мастер винокуренного завода),

¹⁸⁶ ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

обработка растительных и животных питательных продуктов (ускусница, булочник, пряничный мастер, крендельщик, пирожник, просвирня, рабочий мельницы, мастер-кондитер, мастер в лимонадно-фруктовом заведении), полиграфическое производство (литовщик, гравер в типографии, переплетчик), изготовление часов, игрушек, физических, оптических, хирургических инструментов инструментов (ситовщик, часовых дел мастер), ювелирное дело и живопись, изготовление предметов культа и роскоши (позолотчик по иконописной части, позолотчик, золотых и серебряных дел мастер, медных дел мастер, гармонщик), изготовление одежды и обуви (валенщик, сапожный мастер, сапожник-вытягивальщик, колодочный мастер, ботиночный мастер, туфельный мастер, башмачный мастер, заготовщик одежды и обуви, закройщик, дамский портной, портной мастер, швея, модистка, мастер-чулочник, шляпник, перчаточник, шапочник, овчинник), устройство, ремонт, содержание жилищ и строительные работы (каменщик, кровельщик, маляр, стекольщик, печник, штукатур, ремонтник).

Такие крупные торгово-промышленные центры, как Сарапул и Елабуга предоставляли крестьянам и мещанам возможность для взаимодействия на деловой основе. В свою очередь, менее развитые в экономическом смысле города – Глазов и Малмыж – становились настоящей ареной для столкновений названных сословий. Например, малмыжские мещане испытывали некоторую зависть по отношению к крестьянам деревни Калининой, поскольку те имели возможность «без исключения стар и млад зарабатывать довольно порядочные суммы при винокуренном заводе, паровой мельнице, маслобойном заводе и обширном хозяйстве купцов Александровых». Местным же мещанам приходилось «покидать свои семьи и искать на стороне какого-нибудь заработка»¹⁸⁷. В свою очередь жители г. Глазова были серьезно озабочены недостатком квалифицированных ремесленников. В журнале заседаний городской думы от 11 сентября 1895 г. содержится заключение о

¹⁸⁷ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 103–104.

необходимости открытия ремесленной школы или ремесленных курсов. По мнению членов собрания, местные потребители испытывали дефицит продукции не только ремесленников-мастеров, но даже кустарей-одиночек «упрощенного типа», работавших на рынок. Население вынуждено пользоваться изделиями из г. Вятки и других местностей, «отстоящих от Глазова далее 200 верст». Особое внимание гласные уделяли потенциальному моральному росту и повышению производственной дисциплины среди ремесленников, поскольку местные мастера, по-видимому, не были склонны воспитывать в своих подопечных ни того, ни другого¹⁸⁸. Трагическую окраску созвучные призывы приобрели вскоре после начала Первой мировой войны. В своем обращении от 19 июня 1916 г. в адрес глазовского земского съезда уездный воинский начальник предлагал открыть ремесленную школу для больных и раненных нижних чинов, уволенных по состоянию здоровья со службы. Образовательное учреждение, именуемой «школой инвалидов», должно было предоставить возможность получать навыки по сапожному и портняжному ремеслам. Следует отметить, что инициатива учреждения подобных школ исходила, по словам уездного воинского начальника, от самих нижних чинов, потерявших возможность продолжать профессиональную деятельность по прежнему месту работы¹⁸⁹.

Данные таблицы 12 свидетельствуют о том, что владельцы промышленных заведений, приказчики и управляющие были полностью поглощены своей работой, которая обеспечивала им необходимые средства к существованию. Источником дополнительного заработка для мещан служили огородничество, рыболовство, надомные работы и ремесленные занятия.

¹⁸⁸ ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 4. Л. 112.

¹⁸⁹ ЦГА УР. Ф. 93. Оп. 1. Д. 237. Л. 58–58 об.

Таблица 12 – Промышленное производство и земледельческие промыслы в побочных занятиях мещан г. Сарапула (1897 г.)¹⁹⁰

Отрасли занятий	Пол (чел.)			Грамотность (чел.)		Приписка (чел.)		
	М	Ж	Всего	Грам.	Неграм.	С	ВГ	Др.
Хозяева промыслов и заведений	0	0	0	0	0	0	0	0
Приказчики и управляющие	0	0	0	0	0	0	0	0
Мастера и ремесленники	27	37	64	34	30	52	4	8
Огородничество и рыболовство	3	3	6	4	2	5	1	0
Рабочие фабрик и др. заведений	1	2	3	1	1	2	1	0
Подмастерья и ученики	0	5	5	2	4	4	0	1
Итого	31	47	78	41	37	63	6	9

Следует отметить, как и по всей стране в условиях многоукладного характера экономики промышленность в регионе представляла сложную картину сочетания различных экономических форм: фабрика, капиталистическая мануфактура, мелкотоварное заведение, ремесленная мастерская. Среди выявленных по материалам переписи мещанских предприятий г. Сарапула в сфере обрабатывающей промышленности значились следующие производственные отрасли и заведения: обработка волокнистых веществ (канатное заведение), обработка животных продуктов (мыловаренное, шорное заведения, кожевенный завод), обработка дерева (паркетные, плотницкие мастерские, бондарское производство), обработка металлов (кузнечное заведение), обработка минеральных веществ (кирпичное заведение), химическое производство (клееваренные, красильные заведения), винокурение, пиво- и медоварение (пивное заведение, производство браги), прочие напитки и бродильные вещества (солодовенный завод), обработка растительных и животных питательных продуктов (колбасные, крендельные, булочные, хлебопекарные, кондитерские заведения; производство фруктовых вод, содержание мукомольной мельницы), изготовление одежды (сапожное заведение; портняжная, швейная, вязальная, шляпочная мастерская), устройство, ремонт, содержание жилищ и

¹⁹⁰ ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

строительные работы (организация исполнения подрядов по асфальтовым и ремонтным работам; производство экипажей и постройка деревянных судов).

Подавляющее большинство мещан г. Сарапула к концу XIX – началу XX в. было вовлечено в процесс мануфактурного производства рассеянного типа в качестве кустарей-надомников. Однако являвшиеся плодами предпринимательской активности мещан производственные заведения в основной массе представляли собой мелкотоварное производство на базе собственного дома с количеством работников от 1 до 4 человек, в число которых входил сам хозяин. График работы таких заведений не был четко обозначен и зависел от наличия подрядов. Подобным образом характеризовались мастерские, основанные в 1870–1890-х гг., отличавшиеся, в свою очередь, от начавших работу в 50–60-е гг. XIX в. – благоприятный в финансовом смысле период¹⁹¹. Владельцы мелкотоварных заведений чаще всего получали их в наследство от отцов. Производство было подчинено четкому графику, что указывало на включенность в существующие цепи товарной дистрибуции, а следовательно, на более устойчивое финансовое положение. Работа начиналась в 5 или 6 часов утра и продолжалась до 7–9 часов вечера. Штат мастерских насчитывал от 5 до 25 человек, что сближало их с купеческими промышленными предприятиями идентичного профиля. Вместе с тем оценка исключительно количественных показателей производимой продукции не позволяет по достоинству оценить действительный вклад мещан в индустриальное развитие региона.

В 1870-е гг. основная масса мелкотоварных заведений в уездных городах принадлежала купцам и только незначительной частью заведовали мещане, чаще мыловаренными и кожевенными. К примеру, по ведомостям за 1878 г. мыловаренное и свечное заведение в г. Сарапуле принадлежало сарапульскому мещанину Осипу Петрову Бородину. В год было «сработано 500 пудов сальной

¹⁹¹ Блинов Н. Н. Сарапул и Среднее Прикамье. Былое и современность. Очерки. – Сарапул, 1908. С. 88.

свечи на 2900 руб. и 1 тыс. пудов на 3600 руб. мыла простого, желтого»¹⁹². Годовой оборот составляла 6500 руб. Мастерская располагалась в «совершенно отдельном здании», была оснащена 2 котлами и 2 чанами, обслуживалась мастером – хозяином заведения и одним наемным рабочим. Владелец заведения поясняет, что «для литья свеч употребляется одно скотское сало, а для мыла скотское и свиное. Сало приобретается через покупку в Сарапуле, а сода и канифоль в Нижегородской ярмарке». Продукция «шла на личное потребление», сбывалась местным и «окольным жителям»¹⁹³.

В соответствии с особенностями технологического процесса несколько большим масштабом отличались кожевенные заведения. К учреждению подобного предприятия были готовы мещане, имевшие значительные денежные резервы. К примеру, в г. Сарапуле кожевенное заведение сарапульского мещанина Никифора Мощевитина располагалось в отдельном деревянном здании, имело 4 чана, 1 колоду. Производство обслуживалось одним мастером, коим являлся сам хозяин, и 4 наемными рабочими, в год выделывались кожи разных сортов: «конинных» – 200 штук на 1200 руб., коровьих – 200 штук на 1200 руб., бараньих – 400 штук на 400 руб., козлиных – 500 штук на 850 руб., опойки черной и белой – 500 штук на 850 руб. Таким образом, сумма производств составляла 3300 руб. – почти в 2 раза меньше по сравнению с мыловаренным заведением¹⁹⁴.

В 1890-е годы отдельные показатели, действовавших на территории г. Сарапула и г. Малмыжа ремесленных мастерских с годовым оборотом менее 1000 рублей, собранные на 1893 г. Министерством внутренних дел, претерпели значительные изменения. По полученным сведениям, уже более 90 % всех заведений принадлежало мещанам уездного центра. К примеру, 12 самостоятельных кожевенно-сапожных заведений с числом рабочих от 4 до 6 человек принадлежали мещанам города Сарапула. Годовой оборот каждого из них составлял не более 7 тыс. руб. Продукция данных мелкотоварных заведений

¹⁹² РГИА. Ф. 20. Оп.12. Д. 43. Л. 274.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же. Л. 174.

производилась как по отдельным заказам, так и для реализации на местном рынке. К примеру, мещанин Андрей Данилович Пустобаев, 69 лет, сапожник, проживал по Нагорной улице во 2-й части г. Сарапула, в собственном доме. Православный, русский, неграмотный, «работает на вольную продажу», рабочий день длился 13 часов, с 6 часов утра до 9 вечера. Самостоятельно сбывали продукцию также сапожники (сарапульские мещане) А. Е. Комаров, С. Я. Ленков, М. Ф. Дубовиков, чеботарь, запасной рядовой П. И. Воронцов и т. д. Типичным для города являлось кожевенное и чеботарное заведение мелкотоварного характера сарапульского мещанина Ивана Васильевича Колчина (1837 г.р.), русского, старообрядца, малограмотного. В его мастерской работало 6 мастеров. Все русские, православные, грамотные. Владельцы отмечали, что при приеме на работу отдавали предпочтение – грамотным работникам¹⁹⁵. Следует заметить, что это новый штрих ментальности, характерный уже для 90-х гг. XIX в., формировавшийся в условиях активизирующихся модернизационных процессов в регионе. На протяжении XIX в. сложились целые династии рабочих-сапожников и кожевников. Вместе с тем нужно отметить, что основная масса мастеров оставалась на уровне владельцев домануфактурных форм промышленности.

Хозяевами ремесленных и мелкотоварных заведений могли быть мещане других городов Вятской губернии. Примечательно, что среди прочих самостоятельные заведения, связанные с производством обуви, были представлены лишь одной мастерской мещанина из г. Чистополь – Стрижевского Зиновия Петровича. Хозяин являлся единственным работником в заведении, открывшемся лишь за год до начала ревизии – в 1892 году¹⁹⁶. В том же году была основана мастерская серебряных и золотых дел казанского мещанина Иванцова Тихона Федорова¹⁹⁷. Вместе с тем часовая мастерская казанского мещанина Морозова Александра Алексеевича действовала в г. Сарапуле уже 20 лет – с 1872

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 20. Оп.12. Д. 43. Л. 174.

¹⁹⁶ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 33. Л. 86.

¹⁹⁷ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 33. Л. 155.

года¹⁹⁸. нолинская мещанка Смирнова Ирина Лаврентьевна в г. Сарапуле владела шапочным производством, основанным в 1889 году¹⁹⁹. В собственности вятского мещанина Перминова Андрея Васильевича находилась скорняжная мастерская (основана в 1882 г.), в работе которой был задействован он сам и два его сына²⁰⁰. Нолинский мещанин Городилов Александр Алексеевич имел заведение комбинированного профиля: «печное, подбивочное, малярное, обойное» (основано в 1892 г.)²⁰¹. Котельнический мещанин Дмитрий Васильевич Кропачев владел мастерской серебряных дел, действовавшей с 1880 года²⁰².

Среди хозяев ремесленных заведений Малмыжа стоит отметить лишь цехового г. Казани Цветкова Федора Степановича, владевшего портняжной мастерской. По предоставленным им данным, мастерская была основана в 1850 г., и помимо владельца в ней также был занят один ученик из крестьян Малмыжского уезда – Куликов Александр Яковлевич. Работа заведения происходила с 7 часов утра до 10 часов вечера, однако ученик имел возможность использовать до 4 часов в день для отдыха. Вместе с тем хозяин мастерской отмечал, что при необходимости пятнадцатилетний подросток работал наравне со взрослыми, в том числе по ночам²⁰³. По своей численности пришлые мещане были более значимо представлены среди владельцев мастерских г. Сарапула, но в долевым соотношении показатели имели схожий с г. Малмыжем уровень.

Различные масштабы промышленного производства в рамках единого товарного профиля позволяет продемонстрировать пример кожевенных предприятий, располагавшихся в г. Елабуга и принадлежавших местным мещанам Каменевым. На 1878 г. кожевенный завод, владельцем и управляющим которого являлся Иван Алексеевич Каменев, имел годовой доход в 2775 рублей. Производимая продукция включала в себя черную кожу (300 штук на 1650

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 33. Л. 150.

¹⁹⁹ Там же. Л. 71.

²⁰⁰ Там же. Л. 80.

²⁰¹ Там же. Л. 183.

²⁰² Там же. Л. 158.

²⁰³ Там же. Л. 36.

рублей), подошвенную кожу (100 штук на 750 рублей), черные и белые опойки (15 штук на 375 рублей). В заведении работало 4 человека, включая самого владельца в качестве мастера. Машинный труд не использовался, производство обслуживалось с помощью 1 котла и 4 чанов. Сырье приобреталось в елабужском уезде, а готовая продукция сбывалась местным сапожникам²⁰⁴. Производство в кожевенном заведении Александры Дмитриевны Каменевой отличалось меньшими масштабами: годовой доход составлял лишь 637 рублей и опирался на идентичный вышеозначенному ассортимент продукции. Персонал мастерской включал в себя 2 человека: 1 мастера и 1 чернорабочего. Закупка сырья и реализация готовой продукции также происходили на территории уезда и г. Елабуги²⁰⁵. Несмотря на разницу в годовом доходе представленных мастерских, оба заведения принадлежали к устойчивому мелкотоварному формату.

Новаторство, внедрение технологических новинок также не являлось для мещан самоцелью, но вызывалось необходимостью повысить собственную конкурентоспособность. В иных случаях нередко использовались испытанные временем, традиционные методы и подходы. В декабре 1898 г. в Губернское земское собрание поступило прошение сарапульского мещанина Николая Петровича Стригина. В своем послании он обращал внимание земства на принадлежавший ему с братом родовой клееваренный завод, действовавший в Сарапуле почти столетие. По заверению мещанина, мездровый клей вырабатывался традиционным, кустарным способом и по своим потребительским качествам ценился выше знаменитого «Катунского» клея из Нижегородской губернии. Стригин просил земское собрание посодействовать ему в отправке клея на Всемирную выставку в Париже в 1900 г., тем более что ранее продукция уже выставлялась в Берлине и была признана «удовлетворяющим требованиям». В ответном обращении губернская управа предложила обратиться в соответствующее ведомство, расположенное в Санкт-Петербурге, приветствуя,

²⁰⁴ РГИА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 43. Л. 214.

²⁰⁵ Там же. Л. 227.

однако, потенциальное участие изделий предприятия в земском отделе выставки кустарных изделий²⁰⁶.

В условиях развивающегося товарно-денежных отношений предприниматели из крестьян и мещан начали объединять усилия, создавая товарищество для организации предприятия на современном уровне. В январе 1910 г. в сарапульскую городскую управу поступило прошение мещанина Семена Павловича Зяблицына и крестьянина Василия Алексеевича Щипицына. В своем обращении они просили разрешения на устройство деревянного лесопильного завода на берегу реки Камы, планируя при этом использовать в производстве электрические двигатели. Управа одобрила подобную инициативу, отдав в аренду на 12 лет требуемые участки, а также установила плату за использование энергии городской электростанции с 5 часов утра до 5 часов вечера в 6 копеек за киловатт²⁰⁷. Кроме того, Щипицын и Зяблицын обязаны были укрепить берег реки Камы неподалеку от места расположения завода. Впрочем, очень скоро выяснилось, что объявленная стоимость электроэнергии 6 копеек за киловатт убыточна для города и должна быть повышена до 8–10 копеек. Щипицын и Зяблицын отказались исполнять измененные управой в одностороннем порядке условия договора и продолжили вносить условленные прежде 6 копеек за киловатт. К апрелю 1913 г. сметная комиссия управы насчитала за предпринимателями долг в размере 980 рублей 81 копейки. После длительных нареканий арендаторы согласились на повышение платы за электроэнергию до 7 копеек за киловатт, а также обязались выплатить 300 рублей из имевшегося за ними, по мнению управы, долга. Однако незамедлительно после продления договора аренды Щипицын и Зяблицын вернулись к испытанной тактике давления, отказываясь от выплаты 300 рублей, пока не будет окончательно аннулирована оставшаяся часть объявленного долга. Кроме того, они отказались от достигнутой ранее договоренности об укреплении берега реки Камы.

²⁰⁶ ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 1276. Л. 16–17.

²⁰⁷ УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 17. Л. 2–4 об.

Примечательно, что предприниматели вновь успешно отстаивали свою позицию: укрепление берега было заменено на выравнивание площади завода и засыпку имевшихся на ней котлованов. Однако очередная редакция договора от 1915 г., как и прежде, в первую очередь учитывала интересы Щипицына и Зяблицына: упоминаний о засыпке котлованов в ней уже не имелось²⁰⁸. Подобный случай ярко демонстрирует результат, вполне достижимый для человека, опиравшегося, прежде всего на свои силы, предприимчивость и инициативу. Отсутствие апелляции к отжившим сословным привилегиям, сопутствовавшие друг другу твердость и гибкость позиции в ведении переговоров по развитию предпринимательской деятельности – важные личностные качества, необходимые для успеха в пореформенном городском пространстве.

Одним из показателей успешности адаптационных процессов сословия являлся переход мещанина в своей профессиональной деятельности от уровня наемного работника до владельца собственного промышленного предприятия, также обыкновенно сопровождавшегося получением купеческого звания, укрупнением объемов ранее производимых операций. Сведения о заводах и фабриках с годовым оборотом более 1000 рублей на 1885 г., опубликованные в «Памятной книжке Вятской губернии», вкупе с «Посемейными списками купцов г. Сарапула» позволяют проследить данную динамику и остановиться на некоторых из примечательных примеров. Так, мещанин Федор Дмитриевич Мельников по данным статистики за 1885 г. являлся владельцем полученного по наследству от отца шорного кожевенного предприятия, действовавшего уже более 60 лет: с 1823 года. На производстве было занято 5 человек. Сбываемый в г. Сарапуле товар был преимущественно представлен яловой кожей, доход от реализации которой составлял 2500 рублей в год²⁰⁹.

Непосредственную помощь в данном занятии отцу оказывали старшие сыновья Николай и Михаил, а также жена Евдокия Даниловна. По данным за

²⁰⁸ УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 17. Л. 40–41.

²⁰⁹ Памятная книжка Вятской губернии на 1887 г. Вятка, 1886. С. 75.

1893 г., на предприятии Федора Дмитриевича было занято уже 10 человек, включая самого хозяина. Среди наемных рабочих значились выходцы Нижегородской губернии Чистяков Дмитрий и Носков Митрий, функции мастера выполнял уроженец Нолинского уезда Вятской губернии Заварюхин Филипп. В целом персонал оказался представлен лицами, имевшими приписку г. Сарапула или сарапульского уезда²¹⁰. Несмотря на ликвидацию сословных ограничений по ведению предпринимательской деятельности, в 1898 г., будучи в возрасте 77 лет, Федор Дмитриевич вместе с семейством пожелали быть перечисленными в сарапульские купцы II-й гильдии²¹¹.

Согласно сведениям, опубликованным в Уральском торгово-промышленном адрес-календаре, на 1900 г. помимо вышеозначенного шорного производства Федор Дмитриевич владел также собственным торговым заведением по реализации кожевенного товара²¹². Вместе с тем на 1902 г. персонал промышленного предприятия насчитывал уже 50 человек, а его годовой оборот оценивался в 20 тыс. рублей²¹³.

После смерти отца предпринимательская инициатива перешло к старшим сыновьям Михаилу и Николаю. Надо полагать, что предприятие оказалось разделенным между наследниками, поскольку на 1912 г. в каждом из принадлежавших им заведений работало по 27 и 25 человек соответственно. Оптимизация производства позволила удвоить годовой оборот капитала, составивший около 23 тыс. рублей для каждого из заведений²¹⁴. Впоследствии Николай стал основателем собственного товарищества «Мельников Ник. Фед.

²¹⁰ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 33. Л. 79–80.

²¹¹ УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 3. Л. 176.

²¹² Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1900 год. Пермь, 1900. С. 26, 30; Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1902 год. Пермь, 1902. С. 21, 25, 26; Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1904 год. Пермь, 1904. С. 26, 30; Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1906 год. Пермь, 1906. С. 109, 115.

²¹³ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 5250. Л. 21.

²¹⁴ Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1912. Группа X. С. 10.

Тов-во кожев. зав. и произв. обуви и шорных изделий» в г. Сарапуле с оборотом предприятия в 25 тыс. рублей²¹⁵.

Примечательно, что сыновья Федора Дмитриевича преумножали его наследие, оставаясь в составе мещанского сословия. Вероятно, значимость купеческого титула несколько по-разному расценивалась людьми, чья социализация протекала в дореформенный и пореформенный периоды. Следует также отметить, что торгово-промышленные центры Сарапул и Елабуга предоставляли куда более широкий простор и потенциал для предпринимательского и профессионального роста по сравнению с находившимися вдали от финансовых артерий Глазовом и Малмыжем.

Статистические данные за каждое последующее десятилетие, указывают на увеличение числа промышленных заведений в уездных городах, принадлежавших мещанам. Однако их экономические формы в гг. Малмыже и Глазове оставались на уровне мелкотоварного производства, то есть на прежнем уровне. По сведениям центрального статистического комитета на 1900 г. по Глазовскому уезду, «изделия ремесленников и промышленников ограничиваются потребностью местного городского населения, за исключением небольшого сбыта в уезде сапожно-башмачного на сумму до 2000 руб. и ношеного мужского и женского платья до 3000 руб.»²¹⁶. В городах Елабуге и Сарапуле в условиях активизировавшихся товарно-денежных отношений, чему способствовало удачное расположение на судоходной части реки Камы, наблюдалась тенденция эволюции мелкотоварного производства в капиталистическую мануфактуру и в начале XX в. – в фабрику. Одновременно происходил переход состоятельных мещан в купеческое сословие.

По данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г. по г. Сарапулу, категории занятий, связанных с **торговлей и сферой материальных услуг** включают в себя следующие отрасли и профессии: водные сообщения

²¹⁵ Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Ижевск, 2001. С. 327.

²¹⁶ ГАКО. Ф.574. Оп. 2. Д. 364. Л. 130.

(пристанщик, баржевый извозчик, лоцман), железные дороги (машинист, кондуктор), извозный промысел (кучер, ломовой и легкой извозчик, ямщик), почта, телеграф и телефон (служащий почтового ведомства), торговое посредничество (получение коммерческих долгов, купеческий поверенный, коммивояжер по продаже товаров, приказчик торгового дома), торговля вообще, без точного определения (приказчик, мальчик при магазине или лавке, кассир магазина) (таблица 13).

Таблица 13 – Занятость мещан г. Сарапула в сфере торговли и материальных услуг (1897 г.), чел.²¹⁷

Отрасли занятий	Пол			Грамотность		Приписка		
	М	Ж	Всего	Грам	Неграм.	С	ВГ	Др.
Хозяева заведений сферы услуг	9	2	11	6	5	10	1	0
Хозяева торгов и лавок	184	47	231	161	70	207	11	13
Домовладельцы и рантье	62	89	151	64	87	140	2	9
Приказчики торгов и заведений	158	46	204	169	35	143	25	36
Канцеляристы при частных лицах	44	0	44	44	0	31	7	6
Самозанятые специалисты	35	17	52	38	14	28	7	17
Домашняя прислуга и поденщики	120	219	339	114	225	246	36	57
Итого	612	420	1032	596	436	805	89	138

Охват мещанского населения был наиболее значительным в сфере услуг. Так, мещане, по-видимому женщины, в качестве основного заработка прибегали к работе домашней прислугой, а мужчины – к поденной работе (32,8 %) и в тоже время данной категории свойственен относительно большой процент грамотных людей (19,1 %). На втором месте стоит участие мещан в торговой сфере (22,3 %), сюда относятся владельцы лавок, торговых заведений разного типа. Грамотность среди представленной категории составляла 27 % всего грамотного мещанского населения. Это относительно высокий процент грамотности для данной категории занятий мещан. Значительную долю составляли приказчики торгов и заведений (19,7 %), и домовладельцы и рантье (14,6 %).

²¹⁷ ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

Наиболее комфортабельной для мещан нишей профессионально-хозяйственной деятельности оставалась торговля, осуществляемая обыкновенно в стенах собственного жилища (см. Приложения 3–4). Традиционными оставались и механизмы взаимодействия розничного торговца и поставщика. Мещане-перекупщики приобретали у крестьян сельскохозяйственное сырье, сбывая его затем владельцам предприятий. Мещане-лавочники брали у крестьян съестные товары на реализацию в свои лавки. Объектами торгового оборота становились съестные припасы (хлеб, рыба, масло, сало, уксус, мясо, картофель, молоко, квас), расходные материалы производства (лес, смола, деготь), а также готовая продукция легкой промышленности (обувь, одежда, галантерея, мануфактурные товары, деревянные и железные изделия).

Среди предприятий в сфере **торговли и материальных услуг**, выявленных по данным «Первой всероссийской переписи населения 1897 г.», значились следующие отрасли и заведения: водные сообщения (содержание барж и пароходов), извозный промысел (извозчик-хозяин, содержание частных прогонов), мелочная торговля (торговля фруктами, рыбой, бакалейным товаром, салом, мясом, маслом, восковыми свечами; мануфактурная торговля), торговля живым скотом (торговля скотом без уточнения его типа, торговля лошадьми), торговля зерновыми продуктами (хлеботорговля, продажа печеного хлеба, содержание булочной, торговля мукой и крупчаткой), торговля остальными товарами сельского хозяйства (торговля картофелем, сеном, молоком), торговля строительными материалами и топливом (торговля лесом и дровами, смолой и дегтем), торговля предметами домашнего обихода (торговля деревянными изделиями, галантерейная торговля, торговля горшками), торговля тканями и предметами одежды (торговля старым платьем, готовым платьем, крестьянскими рубашками, куделью, пряжей, рукавицами, шапочным товаром, валяной и кожаной обувью), торговля кожами и мехами (торговля шорным товаром, щетиной, кожевенными изделиями, овчинными полушубками), разносная и развозная

торговля (мелочная торговля с воза, развозная торговля лесом), питейная торговля (торговля квасом, брагой, пивом, винным товаром) (таблица 14).

Таблица 14 – Побочные занятия мещан г. Сарапула в сфере торговли и материальных услуг (1897 г.)²¹⁸

Отрасли занятий	Пол (чел)			Грамотность (чел)		Приписка (чел)		
	М	Ж	Всего	Грам.	Неграм.	С	ВГ	Др.
Хозяева заведений сферы услуг	4	0	4	2	2	4	0	0
Хозяева торгов и лавок	41	6	47	35	12	44	0	3
Домовладельцы и рантье	161	31	192	78	114	185	5	2
Приказчики торгов и заведений	2	0	2	2	0	1	0	1
Канцеляристы при частных лицах	4	0	4	4	0	2	2	0
Самозанятые специалисты	8	0	8	6	2	6	2	0
Домашняя прислуга и поденщики	17	9	26	10	16	22	2	2
Итого	237	46	283	137	146	264	11	8

В условиях активизации модернизационных процессов в среде мещанского сословия наблюдалось освоение различных адаптационных механизмов в торговой сфере. По данным «Генеральной поверки торговых и промышленных заведений в г. Глазове в 1887 г.», из 188 различных торговых заведений мещанам принадлежало – 7. Так, на Базарной площади были поставлены «деревянные балаганы с мясом» глазовскими мещанами: один – Алексеем Козьминым Щепочкиным, другой – Алексеем Ивановичем Пацианским, третий – Егором Ивановичем Щепоткиным. Предметом торговли было мясо по билету мелочного торгова, приобретенного в Глазовской городской управе²¹⁹. На этой же Базарной площади функционировали два «балагана с закусками», принадлежавшими глазовской мещанке Прасковье Петровне Заякиной и слободской мещанке Августе Константиновне Князевой. «Балаганом с игольным товаром» владела также слободская мещанка Анисья Ивановна Князева²²⁰. Лавкой по свидетельству мелочного торгова, имевшей ассортимент товаров: съестные припасы, чай, сахар –

²¹⁸ ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

²¹⁹ ЦГА УР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 118. Л. 1–35.

²²⁰ ЦГА УР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 118. Л. 1–35.

владела слободская мещанка Александра Васильевна Александрова. Идентичной лавкой владел глазовский мещанин Федор Александрович Пестов²²¹. На первом этаже дома Ляпунова находилась булочная, принадлежавшая казанскому мещанину Дмитрию Христофоровичу Христофорову, с пометкой «булки продаются в розницу». Глазовский мещанин Иннокентий Петров Ворожцов устроил в своем доме булочную при одном наемном работнике по свидетельству III разряда. При доме Поповой слободским мещанином Михаилом Алексеевичем Александровым была устроена «лавка с чаем, сахаром, бакалейным и ножевым товаром». «Под домом Лихачева со съестными припасами» находилась лавка вятского мещанина Петра Семеновича Кроворытова²²². Таким образом, ассортимент товаров мещан состоял из предметов первой необходимости и «съестных припасов» собственного приготовления.

Дополнительные средства мещане преимущественно получали от сдачи жилых площадей в наем (67,8 %). Домовладельцами являлись, в основном, коренные жители г. Сарапула. Работа приказчика, требовавшая особых временных затрат, не использовалась в качестве «побочных занятий».

В условиях товарно-денежных отношений на протяжении десятилетия формы стационарной торговли приобретали качественно новый вид. Так, на главной торговой площади Глазова размещалось уже два корпуса деревянных лавок. Среди владельцев их значились 10 мещан, 6 купцов и 1 отставной солдат (таблица 15). Однако, несмотря на численное превосходство, лавки мещан обыкновенно оценивались вдвое дешевле купеческих: по 50 и 100 рублей соответственно. Купчиха II-й гильдии Александра Попова владела двумя лавками по 120 рублей каждая. В данном случае, несмотря на естественную конкуренцию, проявился симбиоз представителей бывшего «градского гражданства».

²²¹ ЦГА УР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 118. Л. 1–35.

²²² Там же.

Таблица 15 – Владельцы и оценочная стоимость лавок
на Главной торговой площади г. Глазов (1893 г.)²²³

Сословие	Владелец	Стоимость
Купечество	Александра Попова	2х120
Купечество	Наследники Николая Платунова	100
Купечество	Наследники Осипа Салтыкова	100
Купечество	Василий Бородин	100
Мещанство	Наследников Александра Пестова	100
Мещанство	Лука Пестов	100
Купечество	Глазовского купца Ивана Шешукова	70
Мещанство	Александра Евдокимова	80
Мещанство	Иван Шулятиков	50
Мещанство	Илья Бородин	50
Купечество	Наследников Николая Шутова	50
Мещанство	Александра Евдокимова	50
Мещанство	Наследников Василия Тетерина	50
Мещанство	Владимира Молчанова	50
От. военные	Петр Русских	50
Мещанство	Федор Мазунин	50
Мещанство	Иван Крестьянинов	50

Мещане как торговые агенты, приказчики купцов или самостоятельные дельцы заполняли важную нишу в сфере стационарной мелочной торговли, позволяя купечеству сосредотачиваться на более масштабных задачах²²⁴. В условиях активизации рыночных отношений расширялся круг деятельности приказчиков. Глазовские мещане Александр Трофимович Крушин и Евгений Иванович Пацианский служили приказчиками 1-го класса по приказничьему свидетельству 1-го класса, оформленному в Глазовской городской управе, в трактирных заведениях известного слободского купца 1-й гильдии Ивана Васильевича Александрова. Производилась «продажа напитков распивочно и на вынос» В источнике уточняется, что в зависимости от размера дохода заведения «акциз в пользу города» в одном случае платился 130 руб., в другом – менее

²²³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92в. Д. 23. Л. 34 – 47 об.

²²⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92в. Д. 23. Л. 34–47 об.

200 руб.²²⁵ Мещанин г. Липовецка Киевской губ. Осип Васильевич Каралькин числился приказчиком по свидетельству 2-го класса и мелочного торгова, полученному из Глазовской уездной управы, «в лавке при доме Яговкина».

Большой довольно ответственный объем работы ложился на приказчиков, служивших при закупочных оптовых складах иногородних купцов. Архангельский мещанин Александр Федорович Кочергин по приказчиьему билету 1-го класса и засвидетельствованному договору о найме служил приказчиком при 5 амбарах (1 – с куделью, 2 – с льняным семенем и 2 – с солью), арендованных у глазовчанки Шмелевой архангельским купцом Эдуардом Абрамовичем Дес-Фонтейнес. Отмечается, что продукты «закупаются помелочно и партийно и отправляются партийно на Кайгородскую пристань» для дальнейшей реализации. По-видимому, кудель и льняное семя скупались у местных крестьян. В свое время амбар, «загруженный солью», служил распределительным центром оптовой продукции, реализовавший товар через местные торговые точки²²⁶.

Основными факторами престижа лавки являлись: материал, из которого было изготовлено здание, этажность строения и его эстетическая привлекательность. Так, булочная Агафона Петровича Созыкина в г. Сарапуле располагалась в крытом тесом каменном доме по улице Нагорной²²⁷, а бакалейная лавка хозяина хлебной торговли Мощевитина Вавила Петровича на Вознесенской улице – в кирпичном здании с железной крышей²²⁸.

По журналу поверки торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий в г. Сарапуле на 1901 г.», из 119 зафиксированных лавок 52 принадлежали мещанам, что составляло 43,6 %²²⁹. Остальные заведения принадлежали купцам, сельским обывателям, крестьянам. Данная статистика

²²⁵ ЦГА УР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 118. Л. 34.

²²⁶ Там же.

²²⁷ ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 159. Л. 25 об.–26.

²²⁸ ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 186. Л. 261 об.–264.

²²⁹ ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 3415. Л. 16.

указывает на активный процесс включения мещан в рыночные отношения. Так «мелочные бакалейные лавки» по свидетельству на торговое предприятие 3-го разряда, устроенные в своем доме, имели сарапульские мещанки Ольга Григорьевна Баторгина (сумма оборота – 1400 руб.), Яковлевна Лямина (500 руб.), мещане – Петр Андреевич Лямин (600 руб.) и Агафон Родионович Шаклин (1300 руб.)²³⁰.

В апреле 1872 г. Вятская казенная палата рассматривала содержание прошения, поданного проживавшим в Малмыже отставным рядовым Александром Якубовским. По предоставленным им сведениям, крестьянин Мериновской волости Малмыжского уезда Дмитрий Павлов Алгазин проживает в городе без письменного вида в доме секретаря Сатрапинского, а также занимается сапожным ремеслом без какого-либо на то промыслового свидетельства. Более того, в мастерской Алгазина работает вятский мещанин Новошихин, а над дверьми своей квартиры он установил вывеску соответствующую избранной профессии. В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что крестьянин проживал в Малмыже без приписки и паспорта последние 20 лет, не выбирая при этом никаких разрешительных документов для занятия ремеслами. Своеобразием отличался вердикт ревизирующих структур: поскольку нарушения не были выявлены специалистами, а получили освещение усилиями Якубовского, и, кроме того, с момента означенных нарушений прошло уже более полугода, то согласно ст. 21 Устава о наказаниях, виновный освобождался от наказания²³¹. В данном случае прослеживается важная контролирующая роль городского сообщества в деле защиты законных и равных для всех возможностей занятия ремеслом в уже пореформенном городе. Надо полагать, что разбирательство это стало прологом к обращению Вятской казенной палаты от февраля 1873 года. В своем обращении к городским головам губернии ведомство требовало усилить надзор над производимой в городах мелочной торговлей и мещанскими промыслами, а также

²³⁰ ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 186. Л. 261 об.–264.

²³¹ ГАКО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 22. Л. 101–103.

проследить за тем, чтобы разрешительные документы выбирались своевременно, а не перед приездом губернского ревизора²³².

Впрочем, личностные качества, необходимые для результативной предпринимательской деятельности нередко приобретали исключительно негативные коннотации. Беспринципность, скупость, стремление к получению прибыли любыми способами – одни из многих отрицательных черт, приписываемых собирательному образу мещанина-дельца. Довольно ярко, несмотря на свою лаконичность, означенный типаж встречается в одном из рассказов М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть» (1869, с незначительными изменениями – 1878). Совесть, предстающая в форме «грязной, замасленной бумажки» (очевидная аллюзия на банкноту, за которую люди могут ее принять) внезапно исчезает в пределах «мира-города», появившись затем столь же внезапно для того, чтобы помочь людям критически подойти к оценке собственных поступков. Город-мир включал в себя ряд персонажей, представлявших распространенные в пореформенное время социальные типажи: нищий пьяница, безвозвратно потерявший свое место в жизни; преуспевающий кабатчик Прохорыч, наживающийся на разорении народных масс; полицейский-взяточник Фофан Фофаныч Ловец, незаконно конфискующий товар у торгующих в базарный день; ростовщик Самуил Давыдыч Бржоцкий, интересующийся лишь накоплением личных материальных благ. Внезапное обретение совести коренным образом нарушает ход повседневной жизни каждого из означенных персонажей. Люди, ранее ощущавшие, что «подставлять ближнему ногу, льстить, пресмыкаться и обманывать» стало намного проще, начинают задаваться вопросами морали, рассуждать о сотворенном ими добре и зле. Каждый из таких персонажей стремится как можно скорее избавиться от новоприобретенного душевного качества. Боль, причиняемая совестью, (или «болесть», как называет ее сам М. Е. Салтыков-Щедрин) не тяготит лишь олицетворение последнего из типажей города-мира, в руках которого она оказывается. Им становится «какой-то

²³² ГАКО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 11. Л. 13–14 об.

мещанинишка, торговавший в проходном ряду пылью и не сумевший от этой торговли разжиться». Бедность, обуславливающая, как и в случае с «жалким пропойцей», отсутствие даже собственного имени позволила «мещанинишке» не просто вопрошать о некогда содеянном, но собственноручно преобразить окружающее пространство к лучшему. Именно его руками совесть обретает нового и финального своего владельца: русское дитя, в открытое сердце которого «мещанинишка» вложил совесть. Особенно примечательна заключительная фраза произведения, характеризующая постепенно нарастающий в ребенке потенциал совести: «И исчезнут тогда все неправды, коварства и насилия, потому что совесть будет не робкая и захочет распоряжаться всем сама»²³³. Нужно полагать, что совесть найденная смогла укрепить еще остававшиеся в отличие от других персонажей произведения в «мещанинишке», похожие чувства. Именно они позволили услышать мольбу совести, заговорить с ней, а впоследствии подтолкнули его не к подбрасыванию ее новому владельцу, но к дальнейшему ее возвышению.

Вместе с тем за нарушением правил торговли оказывались замечены и более состоятельные предприниматели из числа гильдейского купечества. В ноябре 1873 г. в Городскую управу г. Малмыжа поступила жалоба мещанина Григория Кузьмина Навалихина. В своем обращении он утверждал, что гуртовые, оптовые скупщики овса с помощью своих приказчиков перехватывают розничных поставщиков на въезде в город в районе моста через реку Прорву. Приобретенные таким образом товары поступают на городской рынок для реализации по существенно завышенной цене. «Пойдешь на базар в 9 часов утра [*время наибольшего притока торговцев, наивысшего предложения и низких цен* – А. У.], то и нечего бедному сословию купить», – сообщал Навалихин²³⁴. Аналогичным образом происходила закупка и съестных припасов, переправляемых затем в г. Малмыж. В результате проверки, произведенной членом Городской управы

²³³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в 20 томах. М., 1974. Т. 16. С. 13–22.

²³⁴ ГАКО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 41. Л. 112–112 об.

Петром Павловым Судовиковым, выяснилось, что ситуация, обозначенная мещанином, вполне соответствовала действительности. Для преодоления подобных осложнений в снабжении города продовольствием Управа постановила обязать с подпиской хлебных торговцев г. Малмыжа, чтобы «они не осмеливались производить покупку хлеба от продавцов на дороге и уничтожили бы свои заставы в городе»²³⁵.

Глазовская городская управа также оказывалась в положении арбитра, разрешающего споры конкурирующих предпринимателей. Слободской купец Василий Яковлевич Беляничев в своем обращении к управе от 11 декабря 1896 г. жаловался на одного из ее членов – мещанина Николая Петровича Серкина. По мнению Беляничева, Серкин злоупотребил служебным положением, чтобы за дополнительное вознаграждение передать в аренду принадлежавшее ему лавочное место слободской купчихе Распоповой Таисии Михайловне. Истец утверждал, что производя меховую торговлю в г. Глазове на Никольской ярмарке более 10 лет, прежде он всегда занимал первое место в меховом ряду, куда и привыкли обращаться все его покупатели. В свою очередь он обвинял купчиху Таисию Распопову в попытке приобрести чужих постоянных покупателей, которые по привычке будут заходить к ней в лавку на первом месте в ряду и покупать ее товар. Прошение Беляничева было оставлено без внимания, поскольку в действиях Серкина не нашлось доказательства злого умысла²³⁶.

Реализация таких важных для предпринимателя качеств, как инициативность, твердость, находчивость во многом зависело и от образованности человека. Вместе с тем уровень грамотности ремесленников в целом был достаточно невысоким – лишь 57 %, но все же превышавшим аналогичный показатель сарапульских крестьян – 32 %²³⁷. Несмотря на оседлость и приписку в Сарапуле более 85 % ремесленников, получение образования во

²³⁵ ГАКО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 41. Л. 113.

²³⁶ ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 4. Л. 23–25.

²³⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятка: ЦС КМВД, 1904. Т. 10: Вятская губерния. С. 72.

многим оставалось для них недостижимым по причине невысокой финансовой состоятельности. Отсутствие финансовых возможностей для обучения в земских, городских или приходских училищах одновременно с пониманием практической и теоретической ценности образования проявлялось в количественных показателях мещан, обучавшихся родителями, и мещан-самоучек. Категории «Мастера и ремесленники», «Рабочие фабрик», а также «Подмастерья и ученики» суммарно включают в себя более 60 % самоучек (88 из 130) и получивших домашнее образование лиц (185 из 351). В данном смысле грамотность являлась притягательной личностной чертой главным образом в силу открывавшихся по мере приобретения профессионального опыта возможностей службы приказчиком в купеческом заведении. Нередко статус купеческого приказчика представлялся более престижным, чем статус мещанина – хозяина собственных промыслов или заведений. Мещане привлекались к работе на находившихся в Сарепуле купеческих крупнообдирочных, кожевенных, щетинных промышленных предприятиях, однако подавляющее большинство (90–100 %) не требовавших высокой квалификации и особой подготовки ролей выполняли крестьяне-отходники, готовые работать за более скромную плату.

Работы ремесленников также могли удостоиваться чести назваться произведением искусства. Сарепульская мещанка Александра Елизаровна Лепихина получила на Казанской выставке 1890 г. похвальный лист за «очень хорошо сделанный искусственный букет». Однако в официальных сводках о лауреатах была допущена неточность: Лепихина оказалась отнесена к вятским мещанам. Для того чтобы получить заслуженную награду, Александра была вынуждена обратиться к уездному земству с просьбой произвести проверку по данному недоразумению. Особое внимание она уделяла своему намерению уже на следующий год, осенью 1891 г., отправиться для дальнейшего обучения и «усовершенствования своего искусства» в г. Москву или Санкт-Петербург²³⁸.

²³⁸ ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 949. Л. 210–211.

Более того, для обеспечения работой елабужанок из семей, пострадавших от неурожая 1891 и 1892 гг., супругой председателя уездного земского съезда О. В. Страховой была организована работа особого благотворительного общества. Кроме того, ею была создана мастерская по обучению елабужских мещанок ремеслу плетения кружев в среде. Лучшие образцы ремесленной продукции были отправлены к 1893 г. на международную выставку в г. Чикаго, где произведения мастериц, помимо прочих наград, оказались удостоены бронзовой медали²³⁹.

Выполнение небольших частных заказов в плотницком, столярном, сапожном и других видах ремесел могло обеспечить мещанам дополнительный источник заработка. Примечательно низкое распространение огородничества в качестве побочного занятия мещан, что свидетельствует о наличии огородов, продукция которых обыкновенно использовалась для личных нужд, а не направлялась на рынок для получения прибыли.

Доля мещанских предприятий в индустриальной картине региона, согласно выявленным Н. П. Лигенко данным, составляла в конце XIX – начале XX в. 22–25 %²⁴⁰. Такая специализация совпадала отчасти с занятиями подавляющего большинства городского населения Удмуртии, сосредоточивавшихся как в области легкой промышленности, так и сфере услуг²⁴¹. Последняя сохраняла подчиненное положение по причине устойчиво низкого спроса на заведений такого типа в условиях высокого уровня предложения от самозанятых кухарок, прачек, нянь и других видов домашней прислуги.

Устройство постоянных дворов также было осложнено наличием широкого пласта частных домовладельцев. Наиболее широко были

²³⁹ Журнал очередного собрания Елабужского общества для предоставления работ нуждающемуся женскому населению // Вятские губернские ведомости. 1895. № 65 С. 4; № 67. С. 5.

²⁴⁰ Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX в. Ижевск, 2001. С. 79–80.

²⁴¹ Лигенко Н. П. Развитие промышленности Удмуртии в период капитализма (1861–1917 гг.) // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии. Ижевск, 1986.

распространены заведения по оказанию транспортных услуг, однако и здесь мещанам необходимо было преодолевать конкуренцию, создаваемую извозчиками-крестьянами.

Процессы модернизации способствовали дальнейшему имущественному расслоению социума, повышая значимость и спрос на продукцию **нематериального производства и сферы услуг**. В данном смысле все больше начинает проявляться корреляция таких критериев, как возраст, грамотность и пол с типами избираемых мещанами занятий. Категория домовладельцев и рантье обычно включала в себя лиц старше 50 лет, утративших физическую возможность исполнять прежние производственные функции. Необходимо отметить, что в отдельных случаях мещане не обращали внимания работников статистического ведомства на факт наличия в доме постояльцев, не заявляли о себе как о рантье. Причиной тому могло являться намеренное желание хозяев скрыть действительную доходность своей недвижимости и снизить размер уплачиваемых налогов. Вместе с тем наличие в доме жильцов могло не рассматриваться самими мещанами как нечто неспецифическое и необычное, о чем следовало бы доложить переписчикам. Помимо совместного проживания на коммерческой основе необходимо учитывать и факт присутствия в доме прислуги и работников. Деловые отношения также служили основой проживания не имевших собственного жилья людей под крышей чужого дома: желающие приобрести оседлость в Сарапуле поступали в услужение или становились наемными работниками. Так, в каждом пятом (382 из 1746, 21,8 %) из мещанских хозяйств помимо членов семьи проживала прислуга или работники. Однако особую значимость представляют данные о действительном количестве домохозяйств, извлекавших доход из предоставления пришлым лицам места для проживания и ночлега (таблица 16).

Таблица 16 – Домовладение и использование прислуги в мещанских домохозяйствах г. Сарапула (1897 г.), чел.²⁴²

Объявленные домовладельцы			Действительные домовладельцы		
Количество	Наличие жильцов, кол-во упоминаний	Наличие прислуги, кол-во упоминаний	Количество	Наличие жильцов, кол-во упоминаний	Наличие прислуги, кол-во упоминаний
343	68	13	203	203	27

Выделение означенной категории лиц в ходе Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. происходило на основе отчетов, предоставляемых самими опрашиваемыми. Так, по г. Сарапулу сдачу помещений в наем в качестве основного или побочного занятия обозначили 343 мещанина. Вместе с тем лишь 68 из них (около 20 %) имели арендаторов и лишь 13 использовали помощь домашней прислуги. Для сравнения, 203 мещанина размещали в стенах своих домов постояльцев, не выделяя при этом особой роли подобного занятия в структуре своего дохода. Диспропорция объявленных рантье к фактическим (1:3), помимо уже упоминавшегося желания скрыть реальную доходность недвижимости, может быть вызвана более высокой стоимостью аренды жилья мещан, не имевших иных источников существования. Спрос со стороны пополнявшего городское население крестьянства удовлетворялся предложением рядовых мещан, готовых за куда более скромную плату разместить у себя дома и за столом всех желающих. Следует полагать, что обслуживание бытовых нужд обыкновенно производилось самими постояльцами с участием также хозяев жилища. Факт последнего подтверждается несущественным использованием наемной прислуги со стороны действительных рантье: лишь 27 фактов найма на 203 факта наличия постояльцев. Необходимо также отметить, что для категории объявленных домовладельцев прислуга имела важное значение еще и в силу обыкновенно преклонного возраста лиц, относящихся к означенной группе.

²⁴² ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

Сословный состав работников и жильцов отличался преобладанием переселявшегося в города крестьянства. Особенно часто крестьяне в мещанских домах оказывались в роли прислуги. При необходимости в услужение поступали и представители привилегированных состояний. Так, 42-летняя вдова личного почетного гражданина с двумя сыновьями оказалась кухаркой в доме рантье на Большепокровской улице в г. Сарапуле. Пришлые мещане, имевшие приписку других городов, обыкновенно становились подмастерьями, оказывали помощь хозяину в его профессиональной деятельности.

Материалы переписи свидетельствуют о том, что представители непривилегированных сословий одинаково часто арендовали жилье у местных мещан. Однако между собой они уживались достаточно проблематично, на что указывают низкие показатели смешанного проживания. Препятствием тому могла служить дифференциация бытовых условий в масштабах нескольких уездов: мещане и крестьяне Сарапульского уезда могли несущественно отличаться друг от друга в сравнении с жителями центрально-российских, восточносибирских или ряда поволжских уездов. Стремление удовлетворить спрос на услуги по аренде жилья прослеживалось и в малых городах. Газета «Вятские губернские ведомости» публиковала соответствующие коммерческие объявления: «Номера Голубева в Глазове для приезжающих. Размещение в доме Чежеговой на Вятской улице»²⁴³. Более того, существующий спрос на аренду номеров при постоянных дворах и комнат в домах местного населения нередко удовлетворялся вне рамок закона с целью избежать уплаты специального налога – трактирного сбора. Так, в декабре 1896 г. городская дума г. Глазова рассматривала заявление глазовского мещанина Ивана Акимова Злыгостева, в котором он мотивировал отказ уплаты трактирного сбора наличием в городе множества нелегальных «заезжих дворов» и отдельных домохозяев (всего – 19), которые не вносят в местный бюджет средств, необходимых для получения права занятия такого рода деятельностью.

²⁴³ Вятские губернские ведомости. 1895. № 73. С. 4

Злыгостев прилагал к своему обращению список названных лиц и отказывался выплачивать сбор, пока названный налог не будет справедливо взыскан со всех²⁴⁴.

Рассматривая социокультурный аспект жизни Сарапула, Д. М. Пюрияйнен приходит к выводу о наличии определенного противостояния мещан и крестьян-горожан в первом поколении. Однако целенаправленное сопротивление мещан окрестьяниванию наблюдалось лишь в предреформенный период истории сословия. Центральным обуславливающим критерием в определении статусности личности становится уже не его сословно-правовое состояние, а уровень материальной обеспеченности человека²⁴⁵. В целом суммарный подсчет всех обозначенных выше статистических данных позволяет сделать вывод о том, что каждое третье (611 из 1746, 35 %) из мещанских домохозяйств г. Сарапула предоставляло возможность желающим переселиться в город в качестве наемного работника, прислуги или постояльца (таблица 17).

Таблица 17 – Сословный состав наемной рабочей силы и постояльцев мещан г. Сарапула (1897 г.), чел.²⁴⁶

Сословный состав прислуги и работников, количество упоминаний				Сословный состав жильцов, количество упоминаний			
Только мещане	Только крестьяне	Мещане и крестьяне	Другие	Только мещане	Только крестьяне	Крестьяне и мещане	Другие
52	278	51	1	113	133	10	15
382				271			

Известный просветитель Н. Н. Блинов отмечал, что жители слобод, и, в частности слободы Песчанки, имели небольшие дома в 2 этажа и на летнее время

²⁴⁴ ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 4. Л. 191–192 об.

²⁴⁵ Пюрияйнен Д. М. Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурный аспект. Ижевск, 2013. С. 203–204.

²⁴⁶ ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

сдавали желающим за умеренную плату верхний этаж ²⁴⁷. Впрочем, домовладельцы не обязательно ориентировались исключительно лишь на маргинальные или малоимущие социальные элементы. Так, в декабре 1908 г. в сарапульскую городскую управу поступило прошение мещанина Василия Федоровича Дедюхина об одобрении договора аренды. Названный мещанин передавал купеческой жене Елизавете Александровне Пересторониной во временное владение свой дачный участок в квартале №130 на углу Нагорной и Лесной улиц²⁴⁸.

Занятия, связанные с бытовым услужением в домах нанимателей, представлены преимущественно женщинами и включали в себя профессии кухарки, няни, прачки, экономки, горничной. Примечательно упоминание прислуживания нянькой в доме сапожника 11-летней девочки ²⁴⁹. Вполне возможно в ее обязанности входил не только весьма трудоемкий в таком возрасте уход за ребенком, но и оказание помощи старшим женщинам в ведении хозяйства. Несмотря на некоторую гротескность, рассказ А. П. Чехова «Спать хочется» иллюстрирует образ жизни прислуги. Героем произведения является девочка Варя, поступившая в прислугу нянькой и кухаркой в дом, пропитанный запахом «щей и сапожного товара». Непосильный объем выполняемой работы не предоставлял ей ни минуты отдыха: днем нужно затопить печь, поставить самовар, почистить хозяину калоши, помыть крыльцо дома («А то от заказчиков совестно!»), купить спиртного в лавке и приготовить закуску. Ночью сон Варьки отнимает ребенок, представляющий собой силу, что «сковывает по рукам и ногам, давит и мешает жить». В финале рассказа потерявшая рассудок девочка душит ребенка, чтобы спасти себя, а затем умиротворенно засыпает²⁵⁰.

²⁴⁷ Блинов Н. Н. Сарапул и Среднее Прикамье. Былое и современность. Очерки. Сарапул, 1908. С. 100.

²⁴⁸ УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 2. Л. 88.

²⁴⁹ ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 163. Л. 195 об.–196.

²⁵⁰ Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 томах. М. 1960–1964. Т. 6. С. 10–15.

Типичным являлся образ жизни призреваемых сарапульского Вдовьего дома – благотворительного учреждения, предоставлявшего отопляемое жилье нуждающимся овдовевшим женщинам. Призреваемые, в свою очередь, были обязаны самостоятельно изыскать себе средства к существованию²⁵¹. На момент переписи в доме проживало 37 женщин с детьми: 2 дворянки, 1 вдова личного почетного гражданина, 3 вдовы чиновников, 12 крестьянок и 19 мещанок. Большая часть из них – 26 человек – занимались стиркой и шитьем белья. Примечательна разносторонность деятельности мещанок: 10 из 19 сосредоточили свои усилия в сапожном ремесле, плетении кружев, торговле и, в последнюю очередь, службе в людях. Подобная картина подтверждает тезис о все большем включении женщин в производственный процесс, приобретении ими навыков, простирающихся за пределы домоводства. Мужчины в услужении встречались реже и обыкновенно работали сторожами, дворниками, извозчиками и лакеями. Возраставшая активность мещан в сфере услуг могла приобретать и качественно новые, свойственные пореформенному времени формы, заключавшиеся в накоплении необходимых средств и открытии собственного предприятия. Так, одно из действовавших в г. Сарапуле на 1893 г. «парикмахерских заведений» принадлежало елабужскому мещанину Александру Иванову Фельдману²⁵².

Категория **канцеляристов и писмоводителей** при частных лицах отличалась абсолютной грамотностью своих членов (см. Приложения 3–4). Такая служба могла создать своеобразную базу для дальнейшего профессионального роста уже на чиновничьем поприще. В качестве примера карьерного пути канцелярского служащего уместно рассмотреть случай Алексея Александровича Костицына, который родился в семье сарапульского мещанина, в 1910–1914 гг. обучался в местном городском четырехклассном училище²⁵³. Согласно аттестационной ведомости, «отличные результаты» Алексей Александрович

²⁵¹ Блинов Н. Н. Сарапул и Среднее Прикамье. Былое и современность. Очерки. Сарапул, 1908. С. 67.

²⁵² РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 33. Л. 151.

²⁵³ НМ УР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2.

проявил в изучении французского языка, что, впрочем, не помешало ему быть направленным на письменную переэкзаменовку по немецкому языку. Больше остальных наше внимание привлекла его неудовлетворительная успеваемость по дисциплине «чистописание»²⁵⁴. Факт этот знаменателен главным образом потому, что по окончании учебного заведения Костицын работал делопроизводителем в нотариальной конторе Гавриила Тукмачева на Вознесенской улице. Успеха на данном поприще ему удалось добиться путем использования в своей профессиональной деятельности одного из набиравших популярность технических средств того времени – пишущей машинки. Вероятно, не последнюю роль сыграли также «примерное трудолюбие и честность», которыми, по словам работодателя, обладал мещанин²⁵⁵. В данном случае важно отметить способность человека приспособиться к условиям пореформенного времени: осознать ценность образования, работать над своими недостатками, самосовершенствоваться.

Особый интерес в рамках отрасли материальных услуг представляют самозанятые специалисты – люди, самостоятельно изыскивающие заказы и подряды и исполняющие их без привлечения наемной рабочей силы. Приобретая как организаторский, так и производственный опыт, подобные лица создавали потенциал для занятия предпринимательством в будущем.

Важным фактором в организации побочных занятий сферы услуг следует считать дом мещанина. Устройство мелочного торгового заведения в стенах собственного жилища могло стать важным подспорьем семейного бюджета. Однако наибольшее к концу XIX – началу XX в. распространение приобретает сдача жилья в наем прибывающим крестьянам и мещанам других городов. Альтернативой к означенным занятиям являлось «поступление в услужение»: работа в качестве прачки, извозчика, няни, дворника или сторожа.

²⁵⁴ Там же. Л. 1 об.

²⁵⁵ НМ УР. Ф. 7. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

Успешные деятели искусства – художники, музыканты – как правило, получали статус личного почетного гражданина и нечасто оставались в сословии мещан (см. Приложения 3–4). Среди выявленных по материалам переписи немногочисленных деятелей искусства из мещан следует отметить местных художников братьев Александра и Афанасия Куршаковых²⁵⁶, а также музыкантов братьев Васильевых Константина и Дмитрия²⁵⁷. Примечательно, что и те, и другие проживали по Нагорной улице.

Среди привычных для Сарапула кожевенных, обувных, шорных и прочих ремесленных предприятий в собственности мещан могли находиться и заведения иного профиля. Так по данным на 1893 г. Степан Тимофеевич Мотов являлся владельцем иконописной мастерской, располагавшейся в его доме по Сарапульской улице. Согласно предоставленным хозяином сведениям, заведение функционировало с 1854 г., на момент опроса в нем работало 2 человека: сам Мотов и его ученик в возрасте 10 лет, сельский обыватель Ижевского завода Никодим Петрович Окутин. Правила взаимодействия с подмастерьями были регламентированы: срок обучения составлял 6 лет, подопечные в обязательном порядке ходили в церковь на праздники, но в свободное от работы время имели возможность прогуляться по городу. Ученики проживали вместе с хозяином, что входило во вносимую родителями ежегодно плату – 70 рублей. Примечательно, что на вопрос, имеет ли значение грамотность принимаемых в ученики лиц, Степан Тимофеевич ответил: «по искусству живописи безграмотных не принимают»²⁵⁸. Живописью в свободное от сапожного ремесла время занимался и проживавший в Сарапуле нолинский мещанин Павел Иванович Вахрушев²⁵⁹ (таблицы 18–19).

²⁵⁶ ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 166. Л. 169 об.–172.

²⁵⁷ Там же. Л. 149 об.–150.

²⁵⁸ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 33. Л. 141.

²⁵⁹ ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 193. Л. 181 об.–182.

Таблица 18 – Нематериальные услуги в основных занятиях
мещан г. Сарапула (1897 г.), чел.²⁶⁰

Отрасли занятий	Пол			Грамотность		Приписка		
	М	Ж	Всего	Грам.	Неграм.	С	ВГ	Др.
Деятели искусства	7	0	7	7	0	3	2	2
Воспитатели и учителя	4	15	19	19	0	14	2	3
Медицинские работники	8	18	26	16	10	20	4	2
Служители религии	9	0	9	8	1	6	3	0
Обслуживающий персонал	15	6	21	11	10	14	4	3
Итого	43	39	82	61	21	57	15	10

Таблица 19 – Нематериальные услуги в побочных занятиях
мещан г. Сарапула (1897 г.), чел.²⁶¹

Отрасли занятий	Пол			Грамотность		Приписка		
	М	Ж	Всего	Грам.	Неграм.	С	ВГ	Др.
Деятели искусства	3	0	3	2	1	1	1	1
Воспитатели и учителя	4	2	6	4	2	4	1	1
Медицинские работники	0	5	5	2	3	5	0	0
Служители религии	7	0	7	7	0	4	1	2
Обслуживающий персонал	0	0	0	0	0	0	0	0
Итого	14	7	21	15	6	14	3	4

Вместе с тем один из наиболее выдающихся представителей изобразительного искусства Удмуртии, Африкан Павлович Беркутов, родился в 1857 г. в семье мещан. Обучение в Петербургской академии художеств в 1872–1881 гг. позволило ему отточить свои навыки, а также получить общероссийское признание таланта. По возвращении в г. Сарапул он принимал непосредственное участие в оформлении Мазунинской церкви²⁶². Особую ценность представляют работы художника, посвященные изображению картин из повседневной жизни удмуртского народа. Так, одним из характерных примеров названного направления может считаться полотно «Удмурт и удмуртка с гусями в своей

²⁶⁰ ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

²⁶¹ ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

²⁶² Шитова М. Новая выставка «Семейный портрет Беркутовых» // Красное Прикамье. 1998. 10 февраля.

избе на досуге»²⁶³. Получение образования, несомненно, способствовало расширению кругозора и стимулировало вовлеченность человека в дело, находящееся далеко за пределами узкословных интересов. Младший брат Африкана, Порфирий, также получил возможность совершенствовать свои навыки живописца в Петербургской академии.

Прививать вкус к высокому искусству, а также интерес к наукам предстояло работникам **образовательной сферы** (см. Приложения 3–4). Учителя земских и народных училищ, библиотекари, руководители хора позволяли как детям, так и взрослым приобщаться к прекрасному. Так, Павел Иванович Овсянников являлся руководителем (регентом) хора, а в качестве приработка давал частные уроки пения²⁶⁴.

Этническая принадлежность учащихся могла обусловить определенную специализацию преподавателей и образовательных учреждений в целом. Проживавший в г. Сарапуле уроженец Гродненской губернии Лангборг Гирш Янклович особо указал в графе о побочном занятии – «учитель еврейских детей»²⁶⁵. Служители религии представлены певчими, церковными старостами и его помощниками. Категория медицинских работников представлена как лицами, прошедшими курс подготовки в специализированных образовательных учреждениях, так и целителями, использующими средства народной медицины (таблицы 20–21). Надо полагать, что недостаточная обеспеченность земских учреждений квалифицированными кадрами, а также низкий уровень образования жителей городов обуславливали устойчивый спрос на услуги лиц, вовлеченных в использования традиционных оздоровительных практик.

²⁶³ Шумилов Е. Ф. История искусства Удмуртии: Справочник. Устинов, 1986. С. 24.

²⁶⁴ ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 158. Л.193 об.–194.

²⁶⁵ ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 167. Л. 64 об.– 65.

Таблица 20 – Занятость мещан в учреждениях общественного управления
г. Сарапула (1897 г.), чел.²⁶⁶

Отрасли занятий	Пол			Грамотность		Приписка		
	М	Ж	Всего	Грам.	Неграм.	С	ВГ	Др.
Общественное управление	11	0	11	11	0	6	1	4
Служащие органов правопорядка	6	0	6	6	0	4	1	1
Канцелярские служащие	36	0	36	36	0	27	7	2
Обслуживающий персонал	3	0	3	1	2	2	1	0
Итого	56	0	56	54	2	39	10	7

Таблица 21 – Побочная занятость мещан в учреждениях общественного
управления г. Сарапула (1897 г.), чел.²⁶⁷

Отрасли занятий	Пол			Грамотность		Приписка		
	М	Ж	Всего	Грам.	Неграм.	С	ВГ	Др.
Общественное управление	3	0	3	3	0	3	0	0
Служащие органов правопорядка	0	0	0	0	0	0	0	0
Канцелярские служащие	1	0	1	0	1	1	0	0
Обслуживающий персонал	0	0	0	0	0	0	0	0
Итого	4	0	4	3	1	4	0	0

Особенно неоднородным в данном случае был состав сиделок и акушерок, часть которых не имела официального подтверждения профессиональной квалификации, была неграмотной. Медицинские услуги требовались не только в больницах и лечебницах, но и при учреждениях общественного призрения: приютах и богадельнях. Руководящие должности также не оставались за пределами возможностей мещан: смотрителем «Александровского призрения бедных» являлся Скороходов Федор Васильевич (35 лет, обучался в уездном училище), а во главе богадельни И. С. Колчина находился Стригин Матвей Петрович (69 лет, обучался дома)²⁶⁸. Следует полагать, что знание особенностей социальной среды, а равно и должный уровень авторитета делали мещан наиболее адекватными кандидатами для исполнения такого рода обязанностей.

²⁶⁶ ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ ЦГА УР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 188. Л. 114 об.–115, 122 об.–123.

Служба в таких органах **общественного управления** как Городская дума и управа, а равно и земских собраниях оставались для подавляющего большинства мещан недостижимыми не только по причине их малограмотности (см. Приложения 3–4). Городовое положение 1892 г. существенно повысило имущественный ценз к наделению населения избирательными правами. Единственным объявленным по материалам переписи членом городской управы из мещан являлся Колчин Федор Тимофеевич (69 лет, обучался в уездном училище, старообрядец-беглопоповец)²⁶⁹, участвовавший в работе управы наравне с купцом Иваном Львовичем Колчиным и купеческим сыном Василием Федоровичем Дедюхиным²⁷⁰. Не принадлежавшие к олигархической верхушке горожане рассчитывать лишь на занятость в качестве канцеляристов и письмоводителей при означенных учреждениях.

Приобретение статуса чиновника обыкновенно приводило к исключению человека из мещанского общества, а потому отслеживание сословного происхождения власть предержащего требовала привлечения документации внутреннего пользования. Одновременно стоит отметить снижавшееся к концу XIX – началу XX в. значение сословного управления: Стригин Федор Петрович (64 года, обучался дома) находил возможность уделить время как своему основному занятию (хозяин кожевенного заведения), так и побочной службе мещанским старостой²⁷¹ и членом Сиротского суда²⁷². Вместе с тем опыт и личные связи, полученные в процессе службы в органах общественного управления, также способствовали дальнейшему росту на предпринимательском поприще. Мещане Петр Матвеевич Лушников и Михаил Яковлевич Злыгостев на 1887 г. числились избранными на пост «товарищей директора общественного банка» г. Сарапула при его главе – купце Прокопии Никифоровиче Дедюхине²⁷³. Однако уже на следующий год, в 1888 г.,

²⁶⁹ ГАКО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 159. Л. 167 об.–168.

²⁷⁰ Памятная книжка Вятской губернии на 1897 г. Вятка, С. 139.

²⁷¹ ГАКО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 185. Л. 157 об.–158.

²⁷² Памятная книжка Вятской губернии на 1897 г. Вятка, 1897. Отд. III. С. 140

²⁷³ Памятная книжка Вятской губернии на 1888 г. Вятка, 1887. С. 325.

были с семействами перечислены в сарапульское купечество II-й гильдии, в составе которого пребывали до 1913 и 1910 г. соответственно²⁷⁴. Кроме того, в 1892 г. Петр Матвеевич Лушников уже в купеческом звании был вновь избран в состав правления общественного банка, но – в качестве его директора²⁷⁵.

Члены управы имели возможность инициировать изменения, производить проверки, ставить на контроль проблемы, обозначенные в прошениях. Вместе с тем ментальные установки самих служащих общественного управления не могли не трансформироваться сообразно тенденциям, направлявшим развитие городов. Процесс адаптации в данном случае достиг вполне осязаемых результатов: налаживая межсословные связи, осваивая уездные рынки товаров и рабочей силы, состоятельные мещане получали возможности наладить партнерские отношения с теми, кто в глазах их менее успешных однообщественников приобретал образ соперника, «колонизатора». Оказавшись у власти мещанам открывались истинные нужды вверенного им социоэкономического ареала, ныне простиравшиеся далеко за пределы некогда существовавшего «градского гражданства».

Ярким примером успешной предприимчивости мещанина как профессионала и домовладельца в пореформенном городе может служить жизненный путь Глотова Владимира Савельевича. Родившись 3 июля 1867 г. в семье сарапульского мещанина, он окончил полный курс местного уездного училища²⁷⁶. Свой трудовой путь Владимир Савельевич начал в 15 лет в должности помощника конторщика торгового дома купца «М. М. Тихомирова с сыновьями». Здесь он проработал последующие 15 лет, дослужившись до звания «поверенного». Впоследствии он также являлся счетоводом и доверенным лицом купеческих торговых домов «Алексей Шитов», «Д. Г. Ижболдин с сыновьями», «Иван Иванович Бодалев». Февральскую революцию Глотов встретил в качестве счетовода Сарапульской земской управы. К тому времени он уже был женат, обзавелся детьми. Сын его,

²⁷⁴УДААС. Ф. 76. Оп. 1. Д. 3. Л. 171–172.

²⁷⁵Памятная книжка Вятской губернии на 1893. Вятка, 1892. С. 545.

²⁷⁶НМ УР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 1

Михаил, в 1908 г. окончил сарапульское мужское народное училище²⁷⁷, а дочь Александра, в 1912 г., – женское городское начальное народное училище²⁷⁸.

Однако послужной список и стремление обеспечить получение образования для своих отпрысков, на наш взгляд, не являются определяющими чертами личности Владимира Савельевича Глотова. После смерти отца он со своим братом Алексеем стал наследником дома на Иерусалимской улице. Деревянный, крытый железом двухэтажный дом с дополнительным подвальным каменным этажом можно было спутать с жилищем небогатого купца. Кроме того, на усадебном месте располагались деревянный каретник, конюшня, 2 амбара и баня, крытая железом. Оценочная стоимость такого имения к концу XIX – началу XX в. составляла более 5 тысяч рублей²⁷⁹. Следует полагать, что в 1904 г. между братьями произошла серьезная размолвка, поскольку в марте 1905 г. по требованию Владимира семья Алексея была выдворена из общего дома полицией²⁸⁰. Наличествующие документы не позволяют установить причину происшедшего, однако, можно утверждать, что, оказавшись единоличным владельцем дома, Владимир Савельевич немедленно ввел имеющуюся недвижимую собственность в рыночный оборот. С 1906 по 1918 г. квартиры в подвальном и на втором этажах сдавались в наем. На первом этаже обыкновенно проживал сам хозяин с семьей. Так, за более чем десятилетний срок приют в доме Глотова находили мещане городов: Арск, Оса, Орлов, Сарапул, Троицк, крестьяне Елабужского, Малмыжского и Сарапульского уездов, обыватели поселка Ижевского завода, местные учителя и мелкие чиновники. Последние предреволюционные годы верхний этаж занимала дочь потомственного дворянина Готвальд Вера Робертовна²⁸¹. Годовая прибыль от такого доходного дома в 1916 г. за вычетом долговых и налоговых обязательств составляла 52 рубля²⁸².

²⁷⁷ НМ УР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

²⁷⁸ НМ УР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

²⁷⁹ НМ УР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 17. Л. 1; Д. 24. Л. 1–1 об.

²⁸⁰ НМ УР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об.

²⁸¹ НМ УР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 20. Д. 1–14 об.

²⁸² НМ УР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–1 об.

Впрочем, заблуждением было бы считать, что усадьба являлась для Владимира Савельевича лишь средством извлечения дохода. Следует полагать, что осознание неразрывности связи «город – дом», «дом – мещанин» прививалось в семье Гловых из поколения в поколение. Ни революция, ни гражданская война или дальнейшая работа счетоводом в советских «Лескоме» и «Госрыбпроме» не изменили его взглядов. Именно поэтому бухгалтер с 40-летним стажем, удостоенный профсоюзом звания «герой труда», уже в 1922 г. отметил в анкете напротив графы о социальном положении: «имею дом в Сарапуле». Рядом читалось сделанное чужой рукой исправление: «советский служащий»²⁸³.

В это же время мир обыкновенного мещанина стремительно сжимался, достигнув, в конечном итоге, масштабов его жилища. Процессы адаптации здесь опирались, прежде всего, на проверенные временем коммуникационные практики, на часть материального мира, представлявшейся мещанам неотъемлемой частью их самих. Дом создавал базу для самообразования, получения дохода от аренды, устройства в его стенах торговых и ремесленных заведений, занятия огородничеством. Подобная специфика хозяйствования не только позволила стабилизировать финансовое положение мещан, но и достичь общепризнанных качественных результатов. Работы мещан-ремесленников экспонировались на всероссийских и зарубежных выставках, обеспечивая авторам признание и известность. Заведения предпринимателей из среды мещан преимущественно отличались мелкотоварным форматом и удовлетворяли потребительские нужды местного населения. Плодотворное взаимодействие с купечеством позволяло мещанским мастерским оказываться включенными в состав мануфактур рассеянного типа.

С другой стороны, сосредоточенность мещан на личных нуждах, эгоизм стали одним из важнейших объектов критики со стороны интеллигенции и творческой элиты как имперской, так и советской России. Предпринимательская деятельность в духе аскетического капитализма весьма неприглядно проступала

²⁸³ НМ УР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

на фоне широких жестов меценатствующего купечества и непорочной нищеты бедствующего крестьянства. В условиях поляризовавшегося общества, набиравшей популярность концепции «малых дел» уже устоявшееся «среднее состояние» напрямую ассоциировалось с социальной индифферентностью, пассивностью, безразличием и безответственностью. Таковой была цена адаптации мещан ко всеобщему пространству города, к рыночным отношениям, развитие которых все больше определяло логику законодателей.

Таким образом, занятия мещан могли быть представлены широким кругом профессий, однако, прежде всего, сосредотачивались в сфере услуг и материального производства. Пореформенное время оказалось ознаменовано обострением конкуренции со стороны пришлого крестьянства. Потеря права льготного пользования городскими землями стимулировала мещан как к дальнейшей специализации на рынке рабочей силы, так и поиску новых источников дохода. Важное место в данном смысле занимал дом мещанина, который мог являться для предприимчивых мещан как производственной базой, выставляться в качестве торгового помещения, а также сдаваться иногородним квартирантам. Повышение квалификации позволяло покинуть состав сословного общества, а в будущем – приобрести дворянский статус, стать почетным гражданином. Успех адаптации мещанина к устанавливавшемуся всеобщему городскому пространству зависел как от личных качеств человека, так и от конъюнктурных особенностей окружающей среды: более высокий уровень конкуренции, как правило, способствовал скорейшему приспособлению к новым условиям. В то же время жители экономически слаборазвитых городов в своей профессионально-хозяйственной деятельности могли опираться на традиционные промыслы, связанные с экстенсивной эксплуатацией приусадебных земель или искать источники заработка в отхожих промыслах.

ГЛАВА 3. МЕЩАНСКИЕ УПРАВЫ КАК ОРГАНЫ СОСЛОВНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

§ 3.1. Структура, источники формирования и функции мещанских управ

Формирование учрежденных по Городовому положению 1870 г. мещанских управ потребовало тщательной подготовки, поэтому ввод в силу действия реформе происходил не сразу и не одновременно по всей России. Так, первые упоминания о начале работы управ относятся к г. Малмыжу и датированы 9 декабря 1871 года. Не позже 12 декабря 1871 г. появилась мещанская управа в г. Глазове, 20 декабря 1871 г. – в г. Елабуге, и, наконец, 26 апреля 1872 г. – в г. Сарапуле²⁸⁴. Мещанская управа состояла из мещанского старосты, избиравшегося на срок службы в 1 год, а с 1889 г. – на 3 года. Кроме того, содействие ему оказывали особые помощники старосты, также избиравшиеся из среды сословного общества²⁸⁵. Во время отсутствия старосты, его болезни или отстранения от должности руководящие полномочия переходили к заместителям – «кандидатам старосты»²⁸⁶. Вероятность успеха участия в выборах старосты определялась соответствием таким критериям как: прошлый опыт службы на общественных должностях, срок проживания в городе, грамотность, отсутствие судимости²⁸⁷. Итоги выборов утверждались решением губернатора, если не было выявлено каких-либо нарушений²⁸⁸.

Право баллотироваться и подавать голоса во время выборов органов имели лица мужского пола, а также вдовы в возрасте старше 24 лет при условии их

²⁸⁴ Анкаримова Е. Ю. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX в. М., 2003. С. 244.

²⁸⁵ Каплуновский А. П. Мещанская община // Очерки быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 348.

²⁸⁶ Там же. С. 352.

²⁸⁷ ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 467. Л. 7а, 9.

²⁸⁸ Вилейшис Я. М. Систематический сборник законов о мещанских управлениях с позднейшими разъяснениями Правительствующего Сената, министерств и других учреждений. Херсон, 1914. С. 111–115.

«оседлости» в городе. Соответствие данному критерию определялось, прежде всего, наличием собственного дома и фактом своевременной уплаты в городскую казну сбора с недвижимого имущества. Сведения о предстоящих выборах, их дате и месте проведения доводили до рядовых мещан рассыльные с помощью повесток²⁸⁹. Соблюдение действующих правил контролировалось действующим старостой. Важным элементом принятия решений сословным собранием являлось принесение присяги, обязывающей подавать свои голоса без предвзятости и ради общего блага сословия (см. Приложение 5).

Тем не менее, упомянутая клятва не могла полностью обезопасить работы мещанской управы от различных непредвиденных ситуаций. Так, в своем обращении от 13 мая 1876 г. мещане г. Елабуги Иван Николаев Репин и Александр Николаев Красильников сообщали вятскому губернатору о «беспорядках», происшедших на выборах мещанского старосты. По их словам, находившийся прежде на посту и вновь баллотирующийся староста Ортин преднамеренно запланировал проведение выборов в то время, когда «старшие из домохозяев находились на Мензелинской ярмарке». Кроме того, для вынесения решений не был достигнут кворум, поскольку повестками оказались приглашены лишь «от 20 до 40 человек». В то же время правом голоса в Елабуге обладало не менее 2000 мещан. Репин и Красильников также сообщали, что староста допустил к подаче голосов лиц, «опороченных по суду и не достигших узаконенного возраста». Некоторые из приведенных к присяге «были до такой степени пьяны, что позволяли себе выходить из границ приличия разными неблагопристойным и неприличными выражениями». Сам староста практически не присутствовал в зале собраний во время выборов, предоставив писцу место председателя²⁹⁰.

Надо полагать, что нарушения, допущенные во время проведения выборов, не оставили равнодушными не только авторов письма: некоторые из присутствовавших в зале собрания мещан, отказались подписывать

²⁸⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92а. Д. 9. Л. 9.

²⁹⁰ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92. Д. 346. Л. 2–3.

баллотировочный лист и продемонстрировать тем самым свое согласие с итогами проведенных выборов. Наиболее ярко атмосферу упомянутого события может отразить произошедшее по окончании заседания массовое распитие спиртного в кабаке купца П. К. Ушкова. Примечательно, что сам Ортин также присутствовал в рядах посетителей увеселительного заведения и угощал поддержавших его кандидатуру сторонников. В завершение своего обращения Репин и Красильников ходатайствовали признать итоги выборов незаконными, упоминая прочих свидетелей из мещан, готовых подтвердить факт многочисленных нарушений. Вятское губернское по городским делам правление провело расследование по факту обращения елабужских мещан и постановило отменить результаты голосования по причине того, что баллотировочные листы не были подписаны всеми участвовавшими в нем мещанами. Кроме того, староста Ортин получил особое замечание за ненадлежащее выполнение им возложенных на него обязанностей по организации проведения собраний сословного общества²⁹¹.

Схожий случай произошел и в мещанской управе г. Малмыжа. В марте 1893 г. губернское по земским и городским делам присутствие рассматривало обращение малмыжского мещанина Николая Павлова Моисеева и уволенного в запас армии рядового Петра Игнатьева Левданского. Предметом обсуждения стала жалоба на ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей малмыжским мещанским старостой Петром Павловым Судовиковым. Староста подозревался в растрате общественных средств по причине недопуска им ревизионной комиссии к проверке кассовых книг и общественной кассы мещанской управы в ноябре 1892 г.²⁹². Однако более грубым правонарушением, на которое истцы обращали внимание губернского ведомства, был незаконный отказ в допуске к перевыборам старосты мещанину Николаю Моисееву. В организации самой процедуры выборов Петр Судовиков также неоднократно отходил от правил. Согласно свидетельству Левданского, баллотировочные

²⁹¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92. Д. 346. Л. 5–6.

²⁹² ГАКО. Ф. 873. Оп. 1. Д. 12. Л. 32.

ящики для «избирательных» и «неизбирательных» шаров были перепутаны местами. Несмотря на сделанное замечание, староста оставил ситуацию без внимания. Рассыльный управы вызвал повестками не всех из мещан, что имели право голоса, а тех, кто готов был бы вновь поддержать кандидатуру Судовикова: из 88 домовладельцев не менее 43 явились без какого-либо особого извещения, узнав о событии от посторонних лиц. Наконец, в процессе допуска прибывших мещан к присяге и баллотировке также было обнаружено несколько нарушений. Николаю Моисееву было отказано в праве голоса, поскольку он не имел собственного дома и не предоставил необходимого удостоверения своей жены, во владении которой находился их дом в г. Малмыже. Следует отметить, что к присяге, по словам Левданского, были допущены лица, не имевшие для того законных оснований: солдат, являвшийся полицейским служащим, и несовершеннолетний письмоводитель местной Городской управы. Нужно полагать, что некоторое недовольство Левданского вызывал допуск к выборам и пяти «магометан», принявших присягу лишь через «духовное лицо их вероисповедания». Сравнивая свое материальное положение с финансовым вкладом отдельных мещан, допущенных к баллотировке, Моисеев отмечал, что недвижимость также принадлежит их родственникам, а те «платят ничтожные налоги за дома». Свое обращение Моисеев подытоживал следующим образом: «Я считаю вполне незаконными его действия и считаю себя волне скомпрометированным пред обществом граждан и постыдно обидными действиями господина Судовикова»²⁹³.

В довершение всего после окончания собрания, завершившегося победой Судовикова, большая часть присутствовавших мещан разделилась на 2 группы и отправилась в питейные заведения: одна – в принадлежавшее купцу Батуеву (двоюродному брату Судовикова), другая – в принадлежавшее купцам Александровым. По свидетельству Левданского, праздновавшие приобрели три четверти ведра водки, ведро пива и закуски на 40 копеек. «Винные попойки»,

²⁹³ ГАКО. Ф. 873. Оп. 1. Д. 12. Л. 66.

которые обыкновенно случались после собраний мещанского общества, отставной рядовой Левданский рассматривал в качестве проблемы, ограничивающей потенциал органа сословного самоуправления²⁹⁴.

Все обвинения в свой адрес Петр Судовиков отрицал, объясняя их личной неприязнью к себе со стороны истцов. Однако губернское ведомство постановило отменить результаты выборов по причине неправомерного отказа домовладельцу Моисееву в участии в выборах, непривод к присяге мусульман. Кроме того, старосте вменялось нарушение принципа беспристрастности и объективности при организации выборов по причине подозрений в подкупе избирателей²⁹⁵.

Кандидаты из числа старообрядцев нередко вызывали некоторую настороженность избирателей и контролирующих структур. Так, 29 августа 1882 г. «городское общественное управление» Сарапула обратилось в Вятское губернское правление с запросом: «может ли быть допущен в должность избранный в члены местной мещанской управы раскольник поморской секты Мощевитинов?» В ответном письме губернское правление в секретном порядке запросило «обстоятельные сведения об образе жизни и действиях» старообрядца Мощевитина». Особый интерес органы губернского самоуправления проявляли к тому, насколько велик авторитет Мощевитина в среде членов мещанского общества. Результаты расследования сарапульского уездного исправника показали, что «Семен Петров Мощевитин поведения трезвого, в штрафах и под судом не состоял. Принадлежа к секте раскольников, не приемлющих Священство, занимает... одно из видных значений как руководитель...»²⁹⁶. Губернское правление посчитало возможным участие Мощевитина в органах общественного самоуправления.

Схожая ситуация 8 марта 1882 г. развернулась вокруг инцидента, связанного с отказом старообрядцам в праве голоса на выборах мещанского старосты г. Сарапула. Мещанский староста Григорий Ионов Балтин не допустил Тимофея

²⁹⁴ ГАКО. Ф. 873. Оп. 1. Д. 12. Л. 67–68 об.

²⁹⁵ Там же. Л. 91–94.

²⁹⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 926. Д. 38. Л. 2–8.

Филиппова Рычина, одного из членов старообрядческой общины, к баллотировке, поскольку тот не принял обязательной присяги, включающей в себе клятву на православной Библии. Рычин, причисляя себя к старообрядцам, в самом деле присяги не принимал, но дал требуемую законом от старообрядцев подписку, а потому отстранение свое счел публичным оскорблением и превышением старостой должностных полномочий. Рычин требовал отменить результаты выборов и наказать Балтина, особо отмечая, что в сарапульском мещанском собрании участвуют лица не только православного исповедания, но старообрядцы, магометане и евреи²⁹⁷. Балтин ответил на претензии Рычина тем, что тот, уклонившись из православия в раскол, сам оскорбил свою честь. К этому была приложена данная священником Троицкой церкви Сарапула справка о том, что Рычин, согласно церковным документам, являлся не старообрядцем, а православным, равно как и его семья. Уклонение в раскол Балтин объяснял длительными контактами Рычина со старостой по сбору податей, старообрядцем, Семеном Петровым Мощевитиным²⁹⁸. Сам Тимофей Рычин тоже претендовал на замещение должности податного старосты после истечения срока избрания действующего. В ответ на это Балтин обвинил Рычина в намерении присвоить общественные средства в случае избрания его на интересующий его пост. Впоследствии мещанский староста также потребовал внести денежный залог, поскольку ценность недвижимого имущества и уровень материального благосостояния старообрядца не соответствовали должности, на которую он претендовал. С целью опровергнуть обвинения в свой адрес Рычин предоставил справку о владении им домом, застрахованным на 1300 рублей, а также депозитный билет сарапульского банка на 200 рублей. Вместе с тем он был готов заложить все означенное имущество, если собрание того пожелает. Обозначая перспективы своей службы податным старостой, Рычин заявлял, что готов работать не за строго изначально назначенное жалование, а за «оклад с души»:

²⁹⁷ ГАКО. Ф. 582. Оп. 926. Д. 35. Л. 3 об.—4.

²⁹⁸ Там же. Л. 6 об.—7.

незначительную часть от собранных с каждого мещанина средств. Таким образом, он оказался бы более мотивированным к результативной работе, связанной, прежде всего, с борьбой с недоимками²⁹⁹.

Следует заметить, что кандидатура Рычина не была поддержана никем из однообщественников, кроме бывших в собрании старообрядцев, что вновь позволяет проследить в составе мещанского общества наличие конфликта по религиозному признаку. Вятское губернское правление оставило ходатайство Рычина без последствий, поскольку члены мещанской управы уже были утверждены губернатором.

Функции мещанских старост, согласно тексту Городового положения 1870 г., распределялись по следующим направлениям:

1) учет количественного и половозрастного состава мещан (составление посемейных списков), выдача паспортов, приемных и увольнительных свидетельств;

2) функции социальной помощи;

3) взаимодействие и представление мещанского общества в обращениях к государственным и общественным учреждениям, а также частным лицам.

Проанализировав состав исходящей корреспонденции мещанской управы г. Малмыжа за год, можно в целом воспроизвести основные направления ее работы (таблица 22). Среди таковых значились: предоставление личных сведений по запросу государственных структур и частных лиц; выдача паспортов, приговоров приеме и исключению лиц из состава общества. Среди прочего управа могла удостоверить право собственности мещанина на предметы одежды, скот и другое имущество. Взаимодействие управ с органами губернской администрации могло происходить по вопросам, связанным с распоряжением материальными ценностями, передачей документации, а также уточнением полномочий мещанского старосты. Кроме того, мещанская управа могла содействовать органам общественного управления в деле организации исполнения

²⁹⁹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 926. Д. 35. Л. 9–9 об.

общественных повинностей и поиска уклоняющихся от несения воинской службы рекрутов.

Таблица 22 – Структура исходящей документации
мещанской управы (на примере г. Малмыжа, 1905 г.)³⁰⁰

Дата, тип функции	Административный учет					Социальная помощь		Взаимодействие с органами губернской администрации			Контроль за исполнением повинностей	
	Лич.	Пасп.	Прием	Искл.	Проч.	Леч.	Свед.	Докум.	Мат.	Ст.	Общ.	Воин.
Январь	4	15	0	0	0	1	0	0	1	0	5	1
Февраль	2	18	1	1	0	0	0	0	1	0	13	0
Март	7	16	0	0	1	0	0	0	0	0	12	1
Апрель	2	14	0	0	0	3	1	0	2	0	7	1
Май	3	14	1	2	0	1	3	0	0	1	8	0
Июнь	1	19	0	1	0	1	2	1	0	1	14	1
Июль	5	15	1	1	0	1	1	1	1	0	9	2
Август	4	10	0	1	6	0	12	0	0	0	8	0
Сентябрь	4	9	0	1	0	2	1	1	0	0	11	0
Октябрь	3	7	0	0	0	4	4	2	0	0	6	1
Ноябрь	11	8	0	0	0	1	0	2	0	0	6	1
Декабрь	7	15	0	0	0	8	3	0	0	0	11	0
Итого	53	160	3	7	7	22	27	7	5	2	110	8
	230					49		14			118	

Начало года и зимние месяцы, главным образом, оказались сопряжены с попытками собрать недоимки по общественным сборам, а также обработать запросы мещан о выдаче паспортов, необходимых для получения отходных заработков. Примечательно, что количество выданных паспортов несущественно отличается для зимних (48 или 30 %), весенних (44 или 27,5 %) и летних (44 или 27,5 %) месяцев, но значительно снижается с наступлением осени (24 или 15 %). Подобное распределение может указывать на активность мещан в процессах скупки и перераспределения продукции сельскохозяйственного производства в послеурожайный период. Функция административного учета также осуществлялась посредством предоставления личных данных о мещанах в инстанции разного уровня: полицейские управление, земские начальники, органы общественного и сословного самоуправления городов и другие учреждения.

³⁰⁰ ГАКО. Ф. 837. Оп.1. Д. 23.

Проводилась выдача свидетельств о приеме и исключении мещан из состава сословного общества. Кроме того, среди исходящих бумаг управы встречались также справки, содержавшие различные сведения, связанные с отдельными мещанами, например: подтверждение права собственности на скот, препровождение невозвращенной арестантской одежды и др.

Обыкновенным занятием для повседневной деятельности управы была подготовка и выдачи паспортов для мещан, покидавших место приписки. Кроме того, мещанский староста отвечал на запросы органов самоуправления и полицейского надзора, участвуя в опознании мещан, задержанных документов, удостоверяющих личность. Так, 12 ноября 1890 г. один из мещан г. Малмыжа был задержан на улице в Елабуге полицейским надзирателем³⁰¹. На вопрос о наличии у него требующихся документов назвавшийся Василием Трухиным мужчина сообщил, что в апреле того же 1890 г., он получил месячный паспорт и отправился с ним на поиск работы. В г. Чистополе Казанской губернии он нанялся на баржи нижегородского купца Лапшина. На доверенном ему судне Василий Трухин дошел до пристани г. Самары, после чего он вышел в город и напился. Не пришвартованная должным образом баржа вскоре продолжила движение, отплыв дальше. Не имея с собой паспорта, оставленного у купца-работодателя, мещанин, избегая полиции, вышел из Самары по направлению в г. Малмыж. Тем не менее, 9 ноября 1890 г., по прибытии в Елабугу, Трухин немедленно, «не успевши выйти из городу», был задержан полицейскими. В результате переписки елабужской полиции с мещанским старостой Василий Трухин был 28 ноября 1890 г. этапирован по месту приписки³⁰².

В силу разных обстоятельств мещане теряли паспорта и обращались в управы с просьбой о восстановлении документа. В своем обращении от 26 марта 1890 г. мещанин г. Малмыжа из отставных рядовых лейб-гвардии Московского полка Савелий Иванович Пашкин заявлял, что в ночь на 24 марта 1890 г.

³⁰¹ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 9. Л. 81–81 об.

³⁰² Там же. Л. 91–91 об.

неизвестными из бокового кармана пальто был похищен его бумажник. В бумажника находилось свидетельство о выполнении воинской повинности, выданное ему в 1868 г. из Московского гренадерского корпуса и удостоверение, выданное в феврале месяце сего года, о том, что он уволен для проживания в разные города и селения, и о том, что он не состоит под судом и следствием. В заключение мещанин просил выслать ему копию похищенного документа, необходимого для совершения паломнического для поклонение мощам Симеона Праведного³⁰³.

Потеря мещанином паспорта стала предметом обращения пристава 1 стана Пермского уезда от 13 апреля 1895 года. В нем сообщалось, что 13 марта 1895 г. в деревне Левшиной без письменного вида задержан человек, назвавшийся мещанином Малмыжа Матвеем Михайловичем Широковым. По его словам, он выехал из Малмыжа около 2 лет тому по полугодовому паспорту, который впоследствии потерял в пьяном виде. Со времени отлучки мещанин проживал в разных местах, занимался лиц поденной работой, не имея определенного занятия и постоянного места жительства. На момент регистрации письма жена мещанина, Пелагея Николаевна, в проживала у своей матери в г. Архангельске и занималась портным ремеслом. По итогам совещания управа постановила передать Матвея Широкова в распоряжение Пермского уездного полицейского управления³⁰⁴.

Особый интерес представляют также проводимые самими мещанами и выполненные в форме посемейных списков сводки статистического учета численности однообщественников. Данный документ представлял собой собрание карточных сведений по следующим параметрам: имя, пол, возраст, факт «прибыли» и «убыли» членов семьи после составления списка. Отдельная графа предназначалась для отметки поступления мужчин на действительную военную службу. Работа над списками требовала большого внимания, хорошей информированности и знания особенностей социальной среды населения своего

³⁰³ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 9. Л. 60–60 об.

³⁰⁴ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 11. Л. 36–36 об.

города. Примером затруднительной ситуации, в которой могло оказаться лицо в сей службе некомпетентное, служит инцидент происшедший с малмыжским мещанином Петром Щетинкиным.

На заседании 27 января 1895 г. заступивший в должность мещанского старосты Василий Иванов Ушаков представил к обсуждению мещанского собрания Малмыжа вопрос о необходимости составления посемейных списков по причине отсутствия таковых. Прежний староста, прослуживший более 20 лет и многократно переизбранный на своем посту, как оказалось, не провел в этом направлении никакой работы. Управа постановила выделить 150 рублей тому, кто вызовется подготовить необходимый документ, собрав данные со времени X ревизии 1858 г. до 1895 г. включительно³⁰⁵. Таким добровольцем оказался 68-летний малмыжский старожил Петр Давидович Щетинкин, письмоводитель, имевший опыт службы на посту градского старосты и депутата квартирной комиссии в дореформенный период³⁰⁶. Год спустя, в марте 1896 г., Щетинкин рапортовал о завершении работы и просил управу сформировать комиссию для проверки составленных им списков. Ревизия эта заняла еще год, и только 31 января 1897 г. глава комиссии выступил с отчетом по результатам проведенной инспекции.

Оказалось, что посемейные списки содержали колоссальное количество неточностей. Предъявленный комиссией перечень допущенных Петром Щетинкиным ошибок содержал 107 пунктов, среди которых: пропуск действительных и запись несуществующих членов семьи (отсутствие отметок о замужествах, смертях, увольнениях из общества, ссылке в Сибирь, а также запись живых людей – в мертвые), отсутствие отметки о возрасте членов семьи, неверная запись имен и фамилий. «В семейство Ивана Яковлева Алалыкина включены мать и сестра, которые состоят в купеческом сословии..., неправильно включен в семейство Бусыгина Федора Ефимова сын Николай, которого у него и не бывало,

³⁰⁵ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 11 об.–12.

³⁰⁶ ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 423. Л. 308.

и, кроме того, сделаны отметки о состоянии его в военной службе», – вот некоторые из замечаний комиссии, выявленные, по ее же свидетельству, лишь в известных ей семействах среди постоянно проживавших в городе³⁰⁷. В результате длительного судебного разбирательства Щетинкин вернул ранее выданные ему деньги, а к вопросу о составлении посемейных списков управа более не возвращалась.

Включение претендентов в состав мещанского общества производилось при условии согласия на то членов сословного собрания. Под приемным приговором подписывались все грамотные мещане, неграмотные же отмечались в общем списке как «приложившие руку». Нередко желающие быть причисленными к сословному обществу мещан обращались к членам собрания с целью аргументировать свое прошение не только письменно, но и в личном обращении. Так, в ряде статей, опубликованных в газете «Вятская речь», сообщалось об отдельных сторонах означенного процесса в г. Вятке: «одного приняли за 100 рублей, другого – за 25, а письмоводителя управы г. Столова – за 10 рублей и слезы»³⁰⁸. Принадлежность к мещанскому обществу губернского центра, по-видимому, обладала особым статусным эффектом. В меньшей степени подобная притягательность была свойственна для сословных корпораций таких городов, как Малмыж.

Обсуждение претендентов обычно происходило в течение одного собрания, однако имели место и случаи крайних задержек в вынесении вердикта. Жалобы на промедление в работе мещанских управ могли рассматриваться губернским ведомством, откуда они с ходатайством переправлялись к действующему главе органа местного сословного самоуправления. Так, малмыжский мещанин Иван Константинов Хованский в своем прошении в Вятское губернское правление от 7 декабря 1894 г. жаловался на медлительность малмыжской мещанской управы в высылке ему увольнительного приговора, необходимого для причисления его с

³⁰⁷ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 13. Л. 107–112 об.

³⁰⁸ У мещан // Вятская речь. 1911. № 255. С. 3.

сестрой в состав мещанского общества г. Казани. В свою очередь, чиновник ведомства, пересылая означенное обращение в мещанскую управу г. Малмыж, предписывал немедленно удовлетворить просьбу Хованского, если к тому не имелось никаких юридических препятствий³⁰⁹.

Схожий случай имел место в отношении прошения крестьянина Узинской волости Малмыжского уезда Михайло Архипова Махнева. 4 марта 1894 г. он подал в мещанскую управу прошение о причислении в мещане г. Малмыжа. Не получив ответа в течение месяца, 8 апреля 1894 г. в очередном письме он попытался узнать о готовности приемного приговора. Ответ старосты пришел в Узинское волостное правление лишь год спустя. Председатель мещанской управы просил передать Махневу, что в своем прошении он забыл приложить 80 копеек на марку к приговору, 21 копейку – на пересылку и почтовые расходы, «а также на настоящее сообщение – 15 копеек». Вместо денег он получил извещение о том, что «крестьянин починка Быковского Михайло Архипов Махнев уже перечислен из крестьян в мещане города Сарапула... и в настоящее время со всем семейством находится в Сибири»³¹⁰. Надо полагать, что действительной причиной задержки явилась утеря старостой изначального прошения Махнева, а возможно, и приложенных крестьянином денег.

Функция социальной помощи преимущественно реализовывалась посредством оплаты лечения мещан в земских больницах. Финансовой базой подобной деятельности являлись раскладочные сборы необходимых к уплату сумм. Вместе с тем, мещане обращались в управу с просьбой засвидетельствовать их неблагоприятное материальное положение, что позволяло им претендовать на получение пенсий. Пик активности приходился на август: мещане, отдававшие своих детей в школы спешили подтвердить свое право на получение «учебных пенсий» и льготы по оплате обучения.

³⁰⁹ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 11. Л. 28–28 об.

³¹⁰ Там же. Л. 95–95 об.

Мещанские управы активно взаимодействовали с земскими учреждениями по вопросу оплаты лечения неимущих мещан. В отчете хозяйственного департамента МВД от 5 сентября 1897 г. отмечалось, что глазовское мещанское общество ежегодно выделяло 72 рубля на содержание двух мещан в богадельне, открытой в г. Глазове земством³¹¹. Казенные пенсии нередко были основным источником существования отставных военных из мещан, а также для членов их семей. Претенденты на получение денежных выплат должны были предоставить в мещанскую управу доказательства своего бедственного положения и неспособности преодоления сложившейся ситуации собственными силами. Старость, бедность и одиночество чаще всего являлись причинами обращения мещан за помощью. В числе таких претендентов 15 февраля 1895 г. оказалась солдатская вдова Дарья Иванова. Заседавшие в собрании мещане Малмыжа удовлетворили прошение 50-летней женщины в связи с тем, что ограничивавшие трудоспособность физические недостатки, отсутствие детей или родственников не оставляли ей иной возможности изыскивать средства к существованию³¹². Однако даже для Малмыжа размер этих пособий едва приближался к прожиточному минимуму. В 1902 г. малмыжская городская дума рапортовала на запрос Вятской казенной палаты: месячное содержание одного человека по существующим в г. Малмыже ценам обходится в 3 рубля 30 копеек, а наем прислуги для ухода за одним человеком на тот же срок – в 5 рублей³¹³.

В случае подозрений в предоставлении подложных сведений о бедственном материальном положении могла быть проведена соответствующая проверка. Так, отставной унтер-офицер Василий Иванов Иванцов, причисленный к мещанскому обществу Малмыжа в 1892 г. из Нолинского уезда, согласно полученным податным старостой сведениям, получал трехрублевую пенсию исключительно «в виду корысти и наживы». По имевшейся информации, Иванцов получал около 12 рублей в месяц, находясь в услужении, а также 6–7 рублей месячного дохода от

³¹¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 546. Л. 209.

³¹² ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 17–17 об.

³¹³ Там же. Л. 179–180.

сдачи в наем квартир в своем доме³¹⁴. Впрочем, в результате проведенной ревизии доходов подозреваемого мещанина, оказалось, что означенными доходами он никогда не пользовался и более того: не имеет возможности поступить в услужение по причине слабого здоровья³¹⁵.

В отличие от дотируемых из губернской казны пенсий, средства для оплаты лечения несостоятельных однообщественников, управа должна была изыскивать самостоятельно, что вызывало у ее членов большое недовольство. Данная статья расходов по своей величине затрат становилась основной в статье бюджета управ. В качестве выхода из затруднительного положения предлагался запрет выдачи паспортов тем должникам, за чье лечение однажды уже были внесены деньги. Обычной мерой в таком случае была раскладка и сбор задолженности с наличных членов общества мужского пола³¹⁶. Однако и тот, и другой подход могли быть осуществлены лишь с одобрения губернского начальства, а потому пребывание уже и так проштрафившихся мещан в больницах задерживалось еще и на срок переписки с расположенным в г. Вятке Присутствием по земским и городским делам.

Показательным в данном отношении являлись события, связанные с малмыжской мещанкой Анастасией Бельтюковой, содержащейся в психиатрическом отделении больницы г. Астрахани. В 1895 г. Астраханский приказ общественного призрения в очередной раз требовал выплатить 112 рублей за лечение женщины. Мещанская управа Малмыжа, сообщая в ответном письме, что «Бельтюкова в последнее время стала в тягость нашему обществу и крайне обременяет нас, будучи одержима своей неизлечимой болезнью», просила о сложении взыскиваемой задолженности³¹⁷. Нежелание оплачивать лечение неимущих однообщественников активно проявлялось в саботировании мещанами уплаты общественных податей. Податной староста Петр Щетинкин сообщал в

³¹⁴ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 16–16 об.

³¹⁵ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 127 об.–128 об.

³¹⁶ Там же. Л. 9 об.–10 об.

³¹⁷ Там же. Л. 14 об.–16 об.

своем письме от 5 июля 1895 г.: «При требовании мною с мещан города Малмыжа платежа денег на отправление в текущем году лежащих на мещанском обществе повинностей, многие из них с упорством и дерзостью отказываются от добровольного платежа, подстрекая к этому и других»³¹⁸.

Наименее часто в исходящей документации мещанских управ встречаются упоминания о взаимодействии с органами губернской администрации. Основным вопросом в данном случае являлось правовое и материальное сопровождение работы управ: пополнение запаса бланков паспортов и справок, уточнение сведений о мещанских сословных капиталах и имевшейся в собственности управы недвижимости (библиотека, сиротские приюты, богадельни). Содействие органов губернского самоуправления позволяло провинциальным управам присоединяться к общественным инициативам общероссийского уровня. Так, вскоре после начала Русско-японской войны, в апреле 1904 г., по запросу губернского казначейства мещанское общество г. Малмыжа выделило 100 рублей в пользу Вятского местного управления российского Красного Креста³¹⁹.

Взаимодействие с различными государственными структурами осуществлялось посредством почты. Значительные расходы по рассылке корреспонденции являлось одной из центральных проблем, по которым происходили совещания представителей органов сословного самоуправления и губернского ведомства. Так, 14 июня 1878 г. городское отделение хозяйственного департамента МВД запрашивало от мещанских управ сведения по следующим вопросам: оплачивается ли пересылка корреспонденции мещанских управлений почтовым сбором; входит ли в эту оплату переписка, возникающая по требованию присутственных лиц; имеются ли у мещанских управлений предложения по преодолению различных недоразумений, затруднений и неудобств³²⁰. Ответ мещанских старост последовал спустя несколько месяцев и содержал ряд замечаний, касавшихся означенных процедур. Старосты всех городов региона

³¹⁸ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 11. Л. 134 об.

³¹⁹ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 37. Л. 9 об.

³²⁰ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92. Д. 436. Л. 1.

отмечали, что корреспонденция, отсылаемая от их лица или имени управы, облагается почтовым сбором. Однако мещанские старосты Малмыжа и Глазова особо отмечали необходимость отмены почтового сбора в отношении корреспонденции органов сословного самоуправления. С данной инициативой они были поддержаны мещанским старостой Сарапула, использовавшим в качестве аргумента льготные условия отправки корреспонденции, которыми пользуются волостные управы сельских обществ. Более того, затраты на пересылку документации сословного общества такого крупного города, как Сарапул составляли, по словам старосты, сумму настолько значительную, что для ее погашения необходимо было проводить особый разверсточный сбор³²¹. Говоря о различных недоразумениях и неудобствах, елабужский мещанский староста сообщал об отказе почтовых чиновников расписываться в получении отсылаемых управой пакетов документации. Отказ этот был обоснован тем, что органы сословного самоуправления мещан не принадлежали к числу правительственных учреждений, а мещанские старосты – к числу назначенных по определению правительства лиц³²².

Важное место в структуре деятельности мещанских управ занимал контроль за исполнением общественных повинностей. Должники, не выплатившие свою долю раскладочного сбора, получали соответствующие извещения. Кроме того, по запросу воинского присутствия управы организовывали оповещение рекрутов из состава сословного общества. Особенно острую реакцию сословного собрания вызывала пассивная позиция однообщественников, не принимавших никакого участия в работе органов сословного самоуправления и постоянно проживавших за пределами места приписки. «Все эти лица в нашем городе Малмыже никакой собственности не имеют, шатаются они по чужой стороне по письменным видам, никаких натуральных повинностей не отправляют», – такую характеристику от мещанского старосты получала означенная категория лиц.

³²¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92. Д. 436. Л. 17–18 об.

³²² Там же. Л. 13–13 об.

С целью привлечения мещан-отходников к участию в решении вопросов сословного управления предлагалось увеличить сумму взимаемого с них раскладочного сбора в 2–3 раза³²³. Кроме того, с тех, кто не являлся на заседания сословного собрания по повестке, предлагалось взыскивать денежный штраф³²⁴. Подобные инициативы встретили смешанную реакцию со стороны Вятского губернского правления. С одной стороны, не имелось никаких легальных помех к наложению денежных взысканий в отношении лиц, отсутствовавших на заседаниях сословных собраний без уважительной причины. Единственным условием к реализации такой меры являлась максимальная сумма штрафа, которая не должна превышать 10 рублей³²⁵. С другой стороны, губернское ведомство не одобрило предложение, связанное с повышением объема средств, взимаемых по раскладочным сборам с мещан, не имевших постоянной оседлости в Малмыже. Согласно вынесенному вердикту, подобный подход противоречил самому принципу облегчения уплаты различных налогов и сборов в отношении лиц, проживавших в местностях, не предоставлявших должного предложения на рынке рабочей силы³²⁶. Таким образом, отсутствие оседлости в данном случае являлось не отягчающим, а смягчающим вину обстоятельством.

Объем налоговых сборов и расходов мещанских управ напрямую зависели как от численного состава мещанского общества, так и уровня социально-экономического развития города (таблицы 23–24). В случае высокой загруженности старост делами решением мещанского собрания им могли быть выделены средства для найма помощников. Например, мещане Малмыжа ежегодно вносили в бюджет 48 рублей в счет оплаты работы письмоводителя³²⁷. Оплата труда самого старосты могла производиться из средств городских управ,

³²³ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 13. Л. 25 об.

³²⁴ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 21 об.–22.

³²⁵ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 13. Л. 52.

³²⁶ Там же. Л. 145–145 об.

³²⁷ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 79 об.–80 об.; Л. 120–121; Л. 166–166 об.

если те сочтут это возможным и необходимым. В противном случае ответственным за это оказывалось непосредственно мещанское общество³²⁸.

Таблица 23 – Средний объем общественных сборов в мещанских обществах Удмуртии (1895–1900 гг.)³²⁹

Мещанские общества по городам	Сумма общественных сборов за год, руб	Средний объем взносов с человека, руб
Глазов	400	0,52
Елабуга	1050	0,3
Малмыж	400	0,45
Сарапул	3534,88	1,48
Итого	5384,88	0,3 – 1,48

Таблица 24 – Средний объем ежегодных расходов мещанских обществ Удмуртии (1895–1900 гг.)³³⁰

Мещанские общества по городам	Содержание мещанской управы, руб	Содержание сиротского суда, руб	Содержание сословных, благотворительных, образовательных и прочих общественных учреждений, руб	Пособия финансово несостоятельным членам общества, не призваемым общественными учреждениями, руб
Глазов	200	-	72	89
Елабуга	1209,25	-	-	-
Малмыж	288	-	-	-
Сарапул	1456	60	-	360
Итого	3153,25	60	72	449

В росписи расходов на 1884 г. городской управой Малмыжа было запланировано выделить 300 рублей на жалование мещанского старосты³³¹. Для сравнения: годовое жалование малмыжского городского головы в тот же год было заявлено в размере 1000 рублей, и ровно столько же выделялось по статье «отопление, освещение, содержание канцелярии и наем посыльных»). Суммарное

³²⁸ *Мыш М. И.* О мещанских и ремесленных управлениях: сборник узаконений, правительственных и судебных разъяснений. СПб., 1896. С. 71–72.

³²⁹ *Апкаримова Е. Ю.* Сословные корпорации в городах Урала (конец XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2004. С. 31.

³³⁰ *Апкаримова Е. Ю.* Сословные корпорации в городах Урала (конец XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2004. С. 37.

³³¹ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92в. Д. 66. Л. 15.

жалование двух членов городской управы составляло 600 рублей, городского секретаря – 600 рублей, полесовщика – 120 рублей, квартирмейстера – 84 рубля³³². Таким образом, труд городского головы оценивался почти в 3,5 раза выше, чем председателя мещанской управы. Следует полагать, что жалование мещанскому старосте Глазова выделялось самим сословным обществом, поскольку в росписи расходов городской управы не содержалось никаких об этом упоминаний. К тому же жалование городского головы было гораздо скромнее, чем его малмыжского коллеги: 600 рублей³³³.

Понимание сложности производимой работы, а также ее значительных объемов отразились в отзывах и приговорах мещанских обществ. Когда с 1892 г. малмыжская городская управа сняла с довольствия мещанского старосту, мещане Малмыжа, «принимая во внимание..., что при таком незавидном положении служба для всякого человека, в особенности семейного, невыносима и тяжела», решили учредить ему с 1 января 1896 г. жалование в размере 180 рублей в год³³⁴. Аналогичные явления могли наблюдаться в среде мещанских обществ других городов Удмуртии.

Вместе с тем материальная помощь в исполнении функций социальной поддержки могла оказываться органам мещанского самоуправления со стороны купечества. Так, сарапульский купец Николай Васильевич Смагин выделил средства для учреждения в г. Сарапуле приюта для престарелых и больных мещан и делал крупные пожертвования с целью восстановления Покровской церкви. В свою очередь мещанская управа г. Сарапула по итогам приговора сословного общества от 27 декабря 1909 г. поддержала инициативу городской управы по присуждению Н. В. Смагину звания личного почетного гражданина³³⁵.

Иным финансовым подспорьем мещанского общества являлись сословные продовольственные капиталы, формируемые им с целью выдачи

³³² ГАКО. Ф. 582. Оп. 92в. Д. 66. Л. 11 об.–12.

³³³ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92в. Д. 23. Л. 7 об.–8.

³³⁴ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 48 об.–50 об.

³³⁵ РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 3а. Л. 126.

продовольственных ссуд своим материально необеспеченным членам (таблица 25). Однако и в данном случае наблюдались определенные черты ограничения полномочий органов сословного управления. По распоряжению Министерства внутренних дел от 19 января 1878 г., составленному на основе предоставленных вятским губернатором сведений, вводились особые правила пользования средствами сословных продовольственных капиталов. По причине наблюдавшихся случаев нецелевой реализации финансовых средств, а в отдельных случаях и «произвольной растраты», половина сословных капиталов переходила в распоряжение уездных земских управ. Сословные общества сохраняли контроль над оставшейся половиной денег³³⁶. Следует полагать, что вызвавшее санкции МВД расходование капиталов, оказывалось вызвано, прежде всего, обострившимися финансовыми проблемами сословия, и в меньшей степени – злым умыслом.

Таблица 25 – Размеры продовольственных капиталов мещанских обществ и стоимость находившейся в их собственности недвижимости (1901 г.)³³⁷

Мещанские общества по городам	Размер капитала, руб.	Стоимость недвижимости, руб.
Глазов	744,13	-
Елабуга	14558,26	2000
Малмыж	1232,68	-
Сарапул	11742,94	-
Итого	28278,01	2000

Нужно отметить также и особенные для Малмыжа факторы снижения благосостояния мещан. В данном случае таким обстоятельством стали последствия пожаров, случившихся в Малмыже 18 и 22 мая 1890 г., в результате которых в самом городе огнем было уничтожено 96 домов, и еще 64 – в прилегавшей к нему слободе Пахотной. Нанесенный пожаром ущерб имуществу

³³⁶ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–9 об.

³³⁷ Анкаримова Е. Ю. Сословные корпорации в городах Урала (конец XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2004. С. 28–29.

одних только городских обывателей на страницах «Вятских губернских ведомостей» оценивался в размере 98 040 рублей: строения стоимостью 69295 рублей, а также сгоревшее в них имущество – 28745 рублей³³⁸. Для сравнения, ущерб, понесенный проживавшими в г. Малмыже крестьянами, составил 9580 рублей. Пострадавшее имущество, главным образом дома, не было в большинстве своем застраховано, а потому благосостоянию мещан был нанесен значительный урон. Считаю необходимым привести описание понесенных убытков, данное мещанским старостой Ушаковым в 1895 г.: «Наше мещанское общество бедно... бедность эта появилась в нашем городе со времени пожара, случившегося в 1890 г., которым истреблено было почти полгорода и погорели лучшие мещанские дома, а также и казенные здания... Погорельцы получили пособие правительства и часть – от благотворителей. Если бы не было оказано этой помощи, то и теперь не имели бы погорельцы никакой оседлости. Вслед за этим по два года в нашей местности был неслыханный голод и неурожай хлебов, и во избежание смерти многие из нашей братии продали последнее свое имущество на покупку хлеба, который доходил до двух рублей. Не приведи Господь никому перенести такого же голода. И с тех пор не можем прийти мы в прежнее положение и обзавестись для обработки полей скотом...»³³⁹.

Вскоре после пожара по инициативе вице-губернатора В. А. Ратькова-Рожнова в Малмыже действительно был организован фонд сбора пожертвований погорельцам³⁴⁰. На призыв о помощи откликнулось немало сочувствующих из разных городов и уездов губернии: средства поступали как от общественных организаций, так и от частных лиц: дворян, крестьян, купцов и мещан³⁴¹. В стороне не осталась даже приславшая 1 рубль «маленькая Саша» из Слободского

³³⁸ О бывших в г. Малмыже пожарах 18 и 22 мая сего 1890 г. // Вятские губернские ведомости. 1890. № 43. С. 3.

³³⁹ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 14 об–16.

³⁴⁰ О бывших в г. Малмыже пожарах 18 и 22 мая сего 1890 г. // Вятские губернские ведомости. 1890. № 43. С. 3.

³⁴¹ Вятские губернские ведомости. 1890. № 43–97.

уезда ³⁴². Два месяца спустя в «Вятских губернских ведомостях» была опубликована сумма собранных средств: 4050 рублей. Из этих денег 850 рублей было выделено погорельцам из крестьян, остальные 3200 рублей оргкомитет фонда определил пострадавшим мещанам ³⁴³. Однако со временем поток пожертвований начал иссякать.

Выдача однообщественникам удостоверений об их неудовлетворительном финансовом положении давала последним право обращаться в органы городского и губернского управления за материальной помощью. Так, 20 января 1882 г. пострадавший от пожара глазовский мещанин Иван Тукмачев в письме вятскому губернатору просил повлиять на решение городской управы Глазова, отказавшей ему в выдаче ссуды на постройку новой избы ³⁴⁴. Управа не приняла во внимание выданное мещанским старостой Федором Веприковым свидетельство о бедности, а также рапорт полицейского пристава, в котором сообщалось, что пожар произошел не по вине Тукмачева. Таким образом, судьба 67-летнего мещанина, прослужившего ранее 12 лет по общественным должностям без какой-либо оплаты и оставшегося теперь с 93-летней матерью без дома и даже сменной одежды, оказалась в руках губернского правления. Но, к несчастью, в этом вопросе последнее слово оставалось за городской управой, куда в очередной раз было перенаправлено прошение Тукмачева ³⁴⁵.

Управа отвечала также и за оповещение, организацию и контроль за исполнением мещанами возложенных на них городскими и губернскими властями обязанностей. Натуральные повинности, просуществовав вплоть до 1917 г., порой были весьма тяжелы и не учитывали возможностей конкретного мещанина. Наглядным тому примером может явиться обращение проживавшего в г. Малмыже елабужского мещанина к городскому голове с просьбой освободить от выпавшей ему по жребию обязанности пожарного водовоза. «Нет у меня ни

³⁴² Вятские губернские ведомости. 1890. № 57. С. 4.

³⁴³ Вятские губернские ведомости. 1890. № 56. С. 3.

³⁴⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 926. Д. 3. Л. 1–1 об.

³⁴⁵ Там же. Л. 2–3.

лошади, ни возможности содержать человека, который в случае пожара явился бы на своей лошади с бочкой воды», – писал он³⁴⁶.

Вместе с тем по постановлению малмыжской городской думы от 18 марта 1880 г. в летнее время в городе вводился ночной противопожарный патруль. Мужчины из «обывателей» Малмыжа в возрасте от 17 до 60 лет должны были заступать в караул с 9 часов вечера до 6 часов утра. На заседании 21 мая 1900 г. мещанское собрание постановило ходатайствовать перед городской думой о дозволении посылать в караул людей старше 60 лет, подростков, не достигших 16-летнего возраста, а также женщин-домовладельцев. Причиной тому был недостаток постоянно живущих в городе взрослых мужчин, особенно это относилось к семьям неимущих мещан. Приговор собрания включал также и просьбу сократить длительность службы, поскольку «в летнее время в 4 часа утра по всему городу бывает народное движение и в карауле никакой надобности не имеется»³⁴⁷. Однако ходатайство это, как и многие ему предшествовавшие, городская дума оставила «без внимания».

Таким образом, мещанские управы как органы сословного самоуправления имели возможность сосредоточить свою активность главным образом на вопросах административного характера. Расширение поля деятельности и потенциальных полномочий требовало, с одной стороны, усиления материальной базы организации, с другой – объединения усилий с учреждениями общественного городского управления: городской думой и управой. Однако камнем преткновения в последнем случае обыкновенно оказывалась социальная адресность, направленность деятельности означенных органов: мещанские управы обслуживали узкосословные нужды, в то время как городская управа поддерживала функционирование всех сфер городского пространства вне зависимости от сословно-правового статуса отдельно взятого просителя. Выявленные примеры во многом подтверждают вывод А. П. Каплуновского,

³⁴⁶ ГАКО. Ф. 631. Оп. 1. Д. 22. Л. 110 об.–111 об.

³⁴⁷ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 150 об.–151 об.

отмечавшего существование прямой зависимости результативности работы мещанских управ от уровня материального благосостояния ее членов. Следует полагать, что сказанный подход является наиболее справедливым применительно к периоду, следовавшему за Городовым положением 1892 г. Сужение избирательной базы городского населения ограничило возможность среднестатистического мещанина оказывать сколько-нибудь ощутимое воздействие на работу городских дум и управ. Таким образом, мещанские управы могли приобретать особое значение органов, отстаивавших право демократических слоев городского населения принимать участие в решении вопросов, связанных с городским социально-экономическим и культурным пространством.

§ 3.2. Взаимоотношения мещанских управ с органами городского самоуправления

В составе повседневных функций мещанских управ особое место занимает их общественная деятельность, но при этом не обязательно обращенной исключительно к сословным нуждам.

В рамках решения насущных вопросов возникала взаимодействие мещанской и городской управ. Одним из таких направлений являлась процедура, связанная с установлением сиротским судом опеки над имуществом умерших мещан. Согласно обращению, составленному 28 января 1894 г. мещанским собранием Малмыжа, в деятельности Сиротского суда, находившегося под влиянием купечества, нередко имели место случаи «крайне ошибочного» назначения опекунов. Доказательством просчетов суда являлась частая смена назначаемых опекунов. Сословное собрание запрашивало у Вятского губернского правления разрешение на самостоятельное, в обход сиротского суда, избрание опекунов над малолетними сиротами и имуществом, «оставшимися после

умерших наших собратий-мещан»³⁴⁸. Неутешительный для мещан вердикт Вятского губернского правления от 15 января 1895 г. гласил, что право назначать опекунов не может быть передано сословному собранию, однако оно имеет возможность оказывать влияние на принятие данного решения через своего делегата в составе сиротского суда³⁴⁹.

Одной из главных проблем во взаимоотношениях мещанских управ и городских дум в пореформенное время стал вопрос о пользовании городскими выгонными землями, а также участками в черте внутригородских площадей, оказавшихся по Городовому положению 1870 г., в полном распоряжении городским дум.

По мнению дореволюционного публициста Я. В. Абрамова, данный вопрос обладал центральным значением в деле оформления феномена «забытого сословия» – термин, впервые использованный автором в одноименной статье³⁵⁰. Согласно содержанию этого понятия, пореформенное время явилось для мещан кризисным периодом, проявившимся главным образом в виде катастрофического снижения уровня их материального благополучия. Непосредственная «забытость» здесь понималась как крайнее невнимание властных структур к бедственному положению второго по численности сословия государства³⁵¹.

Главной причиной снижения уровня жизни мещан Яков Абрамов считал потерю ими права льготного пользования прилегавшими к городу выгонными землями. Площади эти, согласно Городовому положению 1870 г., переходили в собственность и распоряжение городских управ. Последние, руководствуясь при распределении земельных наделов уже рыночными принципами, отдавали предпочтение победителям торгов. Пострадали как состоятельные мещане, использовавшие городские площади при устройстве торговых и ремесленных заведений, так и малообеспеченные слои мещан, прежде находившие подспорье

³⁴⁸ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 13. Л. 5–6 об.

³⁴⁹ Там же. Л. 3–4.

³⁵⁰ Абрамов Я. В. Забытое сословие // Наблюдатель. 1885. № 1. С. 269–303.

³⁵¹ Абрамов Я. В. Мещане и город // Отечественные записки. 1883. № 3. С. 1–21.

семейному бюджету в продаже сена и выращивании овощных культур³⁵². Всесословный пореформенный город поставил мещан перед нелегким выбором: либо наниматься в качестве рабочих на местные промышленные заведения, либо отправляться в отход, либо оказаться на криминальной тропе³⁵³.

Одними из первых оказались затронуты интересы состоятельного слоя горожан. Показательным примером объединения мещан и купцов на почве предпринимательской деятельности является жалоба малмыжских мещан Ивана Матренина, Емельяна Худякова и II-й гильдии купеческого сына Александра Худякова от 1 февраля 1872 г. «на неправомерное повышение со стороны городской думы налога на принадлежавшие им лавки». В адресованном вятскому губернатору тексте жалобы истцы утверждали, что на заседании 22 декабря 1871 г. городская дума Малмыжа приняла решение: повысить налог с находящихся на городской площади лавок на ближайшие 6 лет, а по истечении означенного срока – отобрать лавки в состав городского имущества. «Немые, ввиду такого постановления городской думы, невольно впадаем в уныние», – писали мещане в жалобе губернатору, выражая свой эмоциональный настрой³⁵⁴. Губернское по городским делам присутствие направило просителей доказывать права собственности на спорные лавки в мировой суд³⁵⁵.

В свою очередь, городской голова Малмыжа купец II-й гильдии Дмитрий Васильевич Попов в письме губернатору утверждал, что изначально дума не планировала изымать собственность в судебном порядке. Хозяева были оповещены о предстоящем повышении налога с их лавок, а также им было предложено безвозмездно уступить последние в собственность города к 1878 г. «по случаю долгого пользования оными». Большинство владельцев, за исключением Ивана Матренина, Емельяна и Александра Худяковых, приняло предложение о передаче лавок городу и одобрило новый налог. Причинами

³⁵² *Абрамов Я. В.* Мещане и город // Отечественные записки. 1883. № 3. С. 8.

³⁵³ *Абрамов Я. В.* Босая команда // Отечественные записки. 1883. № 4. С. 121–149.

³⁵⁴ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92. Д. 66. Л. 3 об.

³⁵⁵ Там же. Л. 8 об.

повышения размера сборов, по словам Попова, явились, во-первых, рост расходных статей городского бюджета, во-вторых, несоразмерность взимаемых ранее налогов с лавок с извлекаемыми с их помощью доходами. Наконец, Попов отмечал невозможность сколько-нибудь увеличить налог, собираемый с недвижимого имущества рядовых мещан г. Малмыжа, поскольку получаемый доход «будет считаться только в недоимок». По его мнению, мещанин Малмыжа редко использовал свой дом для получения прибыли, а потому «ему очень трудно из заработанной на хлеб копейки уплачивать налог за едва согревающий его угол»³⁵⁶. По результатам встречи хозяев лавок с гласными городской думы был утвержден новый размер собираемых с каждой лавки пошлин: в текущем 1872 г., в прежнем объеме, – 8 рублей, и 15 рублей – в последующие годы вплоть до срока передачи лавок.

«Жалобщики» восприняли позицию думы исключительно как предлог для дискриминации несогласных с ее решениями: годовой налог для них был установлен в размере 30 рублей. «Действия Малмыжской городской думы мы считаем для себя стеснительными и незаконными... Невольно впадаем в такое заключение, что насильно принуждаемые не защищать свое законное имущество, при защите (его) мы (или) обязываемся платить вдвое дороже других в виду какого-то наказания особенного, или отказаться от своей собственности поневоле...»³⁵⁷. В ходе судебного разбирательства представлявший городскую думу Попов несколько изменил свою тактику: он более не оспаривал право собственности Худяковых и Матренина на лавки, но сделал ставку на полученное думами по Городовому положению 1870 г. право распоряжения городскими землями. Речь шла уже не о налоге с лавок, но о налоге с городской земли, на которой они располагались. Сами владельцы лавок, опираясь на ст. 120–122 Городового положения, утверждали, что земли, стоящие по городскому плану на площадях и улицах, не могут быть отчуждаемы, то есть должны находиться в

³⁵⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92. Д. 66. Л. 15–18.

³⁵⁷ Там же. Л. 20–20 об.

общем пользовании. Исходя из этого, они считали, что земли эти не могут быть обложены каким-либо налогом. Однако решение мирового судьи: оставить без последствий прошение о пересмотре размера возложенного на лавки истцов налога – не удалось преодолеть ни одной из апелляций, последовавших в мировой съезд, а затем – вятское губернское правление, и далее – Правительствующий Сенат.

Схожим образом складывалось противостояние городской управы г. Глазова и хозяев кузницы, располагавшейся на территории выгонных площадей. Глазовский мещанин Иван Федоров Шешуков, слободской мещанин Иван Чуватин и крестьянин слободского уезда Герасим Шулятев в своем прошении от 27 марта 1897 г. просили не повышать арендную плату за земельный участок под кузницей, находившийся в их пользовании последние 14 лет. Названное повышение было вызвано не только инфляцией, но, прежде всего, строительством проходившей через городские выгонные земли Пермь-Котласской железной дороги. Истцы отмечали, что повышение платы и прекращение договора аренды (прежде Шешуков, Чуватин и Шулятев платили по 17 руб., 16 руб. 25 коп. и 15 руб. соответственно) окажется для них совершенно разорительным, поскольку они будут вынуждены очистить занимаемые площади и снести все хозяйственные постройки³⁵⁸. Несмотря на названные обстоятельства, городская управа распорядилась отдать занимаемые арендаторами земельные участки с торгов в порядке аукциона³⁵⁹.

Подобная ситуация сложилась вскоре после вступления в силу Городового положения 1870 г. и в Сарапуле. Так, в 1873 г. купеческое и мещанское общества города подали губернатору ходатайство, в котором оспаривали распоряжение местной думы, касавшееся городских сенных покосов. Уполномоченный обществами староста Панов утверждал, что до последнего момента мещане и купцы собственными силами производили разделы земли, сбор сена, собирали

³⁵⁸ ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 4. Л. 71–73 об.

³⁵⁹ Там же. Л. 79 об.

средства на поддержание изгороди и уплату арендного сбора. Ходатайствующие утверждали, что «порядок этот вполне был удобен и справедлив к каждому члену общества и, не стесняя город в его доходе, удовлетворял и бедного, и богатого гражданина». Однако дума постановила отдать земли вместо общего в частное пользование, что дало основания возмущенным купцам и мещанам обвинить учрежденную по Городовому положению 1870 г. думу в «несоответствии избирателям», непредставительности и потребовать возврата к прежним порядкам, а именно: обсудить вопрос о земле на общем собрании горожан³⁶⁰. Формально же дума, представляя все городские сообщества, действовала согласно букве закона, а потому жалоба представителей городского сословия осталась без последствий³⁶¹. Некоторое недоверие к членам оценочной комиссии, определявшей стоимость недвижимости налогоплательщиков, испытывали и мещане г. Глазова. На заседании 10 декабря 1897 г. городская управа рассматривала поступившее предложение о включении в состав оценочной комиссии не только гласных думы, но и лиц, располагавших избирательными правами. Подобный порядок позволил бы, по мнению управы, производить более равномерную оценку, что, в свою очередь, способствовало бы «устранению частовременных нежелательных жалоб со стороны обывателей»³⁶². Нужно полагать, что последний случай происходит, прежде всего, из существенного сужения базы избирателей, произошедшего в результате повышения имущественного ценза по Городовому положению 1892 г.

Несомненно, что в поиске средств по улучшению своего материального благосостояния мещане Малмыжа рассчитывали на благосклонность и помощь со стороны местной городской Думы. Однако городские земли, одна из экономических опор местных мещан, стали яблоком раздора. В своем приговоре от 15 февраля 1895 г. мещанское собрание обратилось к городской управе с претензией на единоличное пользование прилегавшими к городу пахотными,

³⁶⁰ ГАКО. Ф. 582. Оп. 92. Д. 173. Л. 1–2.

³⁶¹ Там же. Л. 3–4 об.

³⁶² ЦГА УР. Ф. 145. Оп. 1. Д. 4. Л. 281–281 об.

сенокосными и выгонными землями. По мнению собрания, в тексте Городового положения 1870 г. не имелось прямого указания о том, «кому Правительством предоставлены в пользование выгонные земли: городу или городскому обществу». В связи с этим мещанский староста запрашивал у городской управы архивные дела, которые подтвердили бы исключительные права городской управы на распоряжение означенными землями. Интересно и то, что мещане считали существовавшие условия ненормальными в первую очередь по сравнению с другими городами губернии, где земля якобы находилась в пользовании мещан³⁶³. В ответном письме городской голова Батуев, ссылаясь на статьи искомого закона, отказывал собранию в представлении требуемых дел, добавляя при том, что Малмыж в своем подчинении нормам действовавшего законодательства не является исключением³⁶⁴. Таким образом, в первые пореформенные десятилетия земельный вопрос становился важнейшей проблемой, вокруг решения которой выстраивалось взаимодействие мещанской управы и органов городского общественного самоуправления.

Трудности нового времени вызывали в среде мещан ностальгические чувства. Уходящая эпоха обыкновенно приобретала в памяти персонифицированный образ. Для мещан г. Малмыжа дореформенные порядки чаще всего отождествлялись с личностью городского головы Сергеева, служившего в предшествующее введение Городового положения 1870 г. трехлетие. Именно с ним связаны периодически прослеживающиеся в текстах приговоров мещанского собрания эмоционально теплые воспоминания о существовавшем в «былые времена» сочувственном отношении городских властей к проблемам и нуждам мещан³⁶⁵.

Утрата единства общества градского, вероятно, привела и к ликвидации существовавшей прежде опеке мещан со стороны купечества. Так, малмыжские мещане были обеспокоены производимой в городских предместьях купцами

³⁶³ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.

³⁶⁴ Там же. Л. 35–35 об.

³⁶⁵ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 36 об.–39.

оптовой скупкой дров у крестьян, направлявшихся на местный базар. Среди прочих дельцов особенно активно проявлял себя купец Александр Петрович Кунаев. Приобретенный товар он отвозил для перепродажи на винокуренный завод Александровых, в д. Калинину, с. Савали и, наконец, в г. Малмыж. Сословное собрание упрекало купца скорее не в искусственном завышении цен, а в отсутствии какой-либо помощи в свой адрес: «Упомянутые лица могли бы взять в казне лесные участки и делянки и избавить нас как от недостатка в дровах и других лесных материалах на наши потребности, так и произведенной нами переплаты за них»³⁶⁶.

Помимо общегородских земель были в Малмыже и другие спорные объекты недвижимости. Так, мещане считали по праву своим двухэтажный дом, купленный в 1865 г. купцами Утямышевыми для нужд городского общества. Вплоть до 1870-х гг. здесь располагались органы власти городского общества, «состоящего лишь из купцов и мещан», при этом верхний этаж дома сдавался в наем, а получаемые средства поступали в пользу исключительно городских сословий³⁶⁷.

Вскоре по введению Городового положения 1870 г. согласно завещанию казанского купца Попова городу было пожертвовано отдельное здание для учреждения богадельни. Последующая судьба дома Утямышевых описывается в особом приговоре мещанского собрания: «В нижний этаж этого дома, где в прежнее время помещалась канцелярия городского головы, городская управа устроила богадельню без нашего ведома и согласия, несмотря на то, что для устройства для этой богадельни пожертвован казанским купцом Поповым дом, в котором помещается теперь городская управа, а под канцелярию нашего мещанского старосты в этом (же) доме, взамен старой комнаты, которой он пользовался со времени покупки его, (городская управа) уступила такую комнату,

³⁶⁶ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 142–142 об.

³⁶⁷ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 13. Л. 47.

в которой в ненастное время надо заниматься днем с огнем. Лишившись приюта в своем собственном доме, общество наше лишилось и доходности с него...»³⁶⁸.

По мнению мещан, оспариваемый дом, по Городовому положению 1870 г., не может быть включенным в состав городского имущества как не находившийся до реформы в собственности сословных обществ. Исходя из этого, мещанское собрание считает, что распоряжение домом, равно как и получаемым от него доходом, следует производить совместно³⁶⁹. Тем не менее, ни поступавшие в думу просьбы мещан «войти в крайне критическое положение», ни апелляции к документам на права собственности не смогли переменить настрой городской управы³⁷⁰.

В конечном итоге в центре противостояния оказались даже адресованные непосредственно на поддержку неимущих горожан денежные средства. В 1865 г. елабужский чиновник Васильев сделал в общественном банке вклад в размере 10 тыс. руб., завещав при том после своей смерти ежегодно передавать 773 руб. 81 коп. дивидендов «в пользу беднейших граждан Малмыжа». По словам малмыжского мещанского собрания, в дореформенное время распределение это происходило исключительно среди мещан³⁷¹. Однако реформированная дума перестала допускать представителей мещанской управы к производству раздачи денег. Ситуация осложнялась еще и отсутствием полноценного духовного завещания: последнюю волю Васильев изложил на самом банковском билете. Билет этот хранился в городской управе, которая отказывалась выдавать его по требованию мещанского старосты, поскольку «на то не имелось достаточных оснований». В то же время, равно как и в случае с «отобранием лавок», мотивы думы нельзя назвать эгоистичными. В журналах ее заседаний производился тщательный расчет получаемых по завещанию средств. Помимо раздачи беднякам всех сословий «от 5 до 20 рублей в одни руки» деньги направлялись также на

³⁶⁸ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 15. Л. 164 об–166.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Там же. Л. 36 об.–39.

³⁷¹ Там же. 17 об.–18.

содержание городских учебных учреждений и обучение в них детей неимущих горожан. Фактически, объектом спора стала трактовка понятия «горожане», в котором дума противостояла попыткам мещан сохранить сословный институт «городского гражданства». Города все активнее включались в процессы социоэкономической, капиталистической трансформации, успешность чего в немалой степени зависела от уровня гибкости и адаптивности групп населения конкретного города. Положительным примером такой адаптивности являлось мещанское общество экономически развитой Елабуги, с легкостью списавшее в 1895 г. своим однообщественникам более 3472 руб. недоимок по общественным податям «в заявлении верноподданических чувств..., (а также) в увековечение памяти в Бозе почившем императоре Александре III, и в ознаменовании бракосочетания императорских величеств»³⁷².

Редким исключением к описанным случаям являются обстоятельства объединения усилий городской думы и мещанской управы во благо всего города. В преддверии введения на территории Вятской губернии государственной винной монополии акцизное ведомство планировало открыть оптовый винный склад в Малмыжском уезде. Однако им не было принято окончательного решения о том, где этот склад следовало бы открыть: в Малмыже или в деревне Калининой неподалеку от винокуренного завода купцов Александровых. Прежде упомянутая зависть мещан в отношении к имевшим возможность трудиться по месту жительства калининским крестьянам в данном случае укрепила принципиально жесткий характер предложений, исходивших от городского населения. Согласно замечаниям мещанского старосты, немало однообщественников в поисках работы находило оседлость в сельской местности, а не в городе. Подобные обстоятельства впоследствии стали предметом обращения мещанского старосты к уездному исправнику Мамадышского уезда от 10 марта 1895 г. Проблемным вопросом в очередной раз стало уклонение от уплаты общественных сборов лиц, постоянно проживавших за пределами приписки как по письменным видам, так и

³⁷² Вятские губернские ведомости. 1895. № 39. С. 1.

не имея на то особого разрешения. Староста предлагал становым приставам выслать из с. Кукмары и других селений уезда принадлежавших к сословному обществу Малмыжа мещан³⁷³.

Устройство винного склада в данном случае виделось, прежде всего, как способ создания новых рабочих мест для горожан вообще, и мещан в частности. Воодушевленные возникшими перспективами мещанская управа и городская дума начали поиски подходящего для склада участка земли, который, в конечном итоге, был выделен рядом с домом купца Петра Иванова Батуева. Заведование складом было отдано в руки купцов Александровых. Однако сам факт его устройства именно в Малмыже вселял в мещан надежду на то, что они наконец будут менее зависимы от отходничества и «с благодарностью и с собственным удовольствием займутся дома тем делом, какое будет всякому иметься».

В названном контексте весьма символично выглядит обращение председателя вятского окружного суда к малмыжскому мещанскому старосте от 27 июля 1890 г. В своем прошении чиновник обращал внимание главы сословного собрания на пример щедрого пожертвования, сделанного городской управой г. Вятки с целью поддержки инициативы по устройству в губернской столице приюта и школы для малолетних преступников. Вятская городская дума распорядилась выделить для реализации данной инициативы единовременно 1000 рублей, а также назначить ежегодное денежное пособие в пользу приюта в размере 100 рублей. Более того, в безвозмездное пользование предоставлялись 7 десятин городской земли, где и должны были в конечном итоге расположиться упомянутые школа и приют. Выступая от лица «Вятского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних преступников», чиновник предлагал проявить сочувствие целям и задачам, содействующим укреплению «городского общества»³⁷⁴. В данном случае представители мещанского сословия и губернские чиновники могли по-разному

³⁷³ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 11. Л. 67–68.

³⁷⁴ ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 9. Л. 57–57 об., 63.

трактовать термин «городское общество». Кроме того, пребывавшие в бедственном положении мещане Малмыжа и других малых городов не имели финансовой возможности сделать сколько-нибудь значимый денежный взнос. Вместе с тем в столь же равной степени органы сословного управления не обладали легальными полномочиями в распоряжении городскими землями. Подобные обстоятельства существенно сужали потенциал оказания помощи нуждам «городского общества» с исключительно сословных позиций.

Таким образом, мещанские управы за рамками своих формальных обязанностей являлись проводником сословных интересов в органах городского самоуправления. Однако с течением времени ограниченность реальных правомочий управ становилась очевидной для активистов из среды мещан. В конце XIX в., рапортуя о состоянии сословного самоуправления, Вятский губернатор писал: «В отдельном существовании ремесленного, купеческого и мещанского управлений никакой необходимости не встречается. Все частные сословия тяготеют к городскому общественному управлению...»³⁷⁵. Аналогичные настроения к началу XX в. демонстрировали и сами представители мещанского сословия. Символическим значением обладает статья, опубликованная в 1912 г. газетой «Уральская жизнь». Автор обращал внимание читателей на туманность и неопределенность правового статуса как мещанских управ, так и сословия в целом. В качестве предполагаемого средства преодоления подобного положения был избран созыв Всероссийского съезда мещан, что в свою очередь, позволяет в целом оценить масштаб обозначенных проблем. «Ощущается нужда в самоопределении мещанства. До сих пор это что-то такое смутное. Никто с точностью не ответит, что же такое это сословие. Какие его права и обязанности в городских самоуправлениях? Для чего-то существуют мещанские управления, но никто не знает, что они могут делать и для чего живут на белом свете. Права

³⁷⁵ РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 546. Л. 187.

стеснены, обезличено все сословие», – подытоживал свою мысль автор статьи³⁷⁶. Так угасала инициативность мещанских управ, а к концу XIX – началу XX в. они все более напоминали заурядные канцелярии, заведовавшие выдачей паспортов и приемом в ряды мещан немногочисленных желающих.

³⁷⁶ Цит по. Апкаримова Е. Ю., Миненко Н. А. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. М., 2003. С. 303.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правовой статус, общественная, профессиональная и предпринимательская деятельность мещанского сословия оказались во многом определены планами Екатерины II по преобразованию городских поселений в России, приобретению ими качественно новых черт, свойственных торгово-промышленным центрам Западной Европы. В данной связи по итогам законодательного оформления своего сословного статуса в рамках Жалованной грамоты городам 1785 г. мещане получали ряд особых прав и привилегий, недоступных крестьянам и необходимых для решения означенной выше задачи. Кроме того, данная инициатива наряду с губернской реформой подготовила появление таких городов, как Глазов, Елабуга, Малмыж, Сарапул.

К моменту начала реализации либерально-буржуазных реформ Александра II мещане наравне с крестьянами являлись одним из податных сословий, обязанных выплачивать подушную подать и поставлять в армию рекрутов. Вместе с тем деструктивный, сдерживающий эффект сословных ограничений становился все очевиднее по мере того, как в процесс социально-экономической трансформации города в качестве активных субъектов включались лица, не принадлежавшие к мещанскому сословию. Будучи движимым принципами экономической целесообразности, с начала XIX в. правительство постепенно отходит от строго сословного курса регулирования социальных отношений.

Поступательный процесс оформления всесословного городского пространства перешел в форсированный этап с началом либеральных преобразований Александра II. Решающую роль в жизни рядового мещанина сыграла реформа Городового положения 1870 г. Согласно ей, в городах учреждались всесословные городские думы, а также упразднялось так называемое «общество градское» – объединение сословий купцов, мещан и цеховых, из среды которого в дореформенный период формировался состав городских дум.

В демографическом отношении в изучаемый период наблюдался рост абсолютной численности представителей мещанского сословия в составе городского населения Удмуртии: с 8709 человек в середине XIX в. – до 29740 человек в начале XX века. Однако изменение удельного веса мещан в общей массе горожан оказался не столь значительным: в 1858 г. он составил 50,7 %, а в 1913 г. – 54 %. Подобная картина была обусловлена главным образом активизацией миграционных процессов среди крестьянского населения, направлявшегося в города для приискания работы в сфере услуг, торговле или ремесле. Особую роль сыграло освобождение от крепостной зависимости заводских мастеровых, стремившихся переселиться в города. Впрочем, наличие активных связей между городами Удмуртии и прилегавшими регионами наблюдалось в рамках процессов горизонтальной мобильности: такие торгово-промышленные центры, как Сарапул и Елабуга привлекали не только сельских обывателей, но и мещан.

Профессиональная и предпринимательская деятельность мещан Удмуртии во второй половине XIX в. характеризовалась, прежде всего, концентрацией в области мелочной торговли, докапиталистических форм промышленного производства и сферы услуг, что в определенной степени сближало их с крестьянами. Заведения, принадлежавшие мещанам, главным образом, стояли на уровне мелкотоварного производства с числом рабочих от 1 до 4 человек. Сбыт продукции происходил в основном на местном розничном рынке. Сырье скупалось у крестьянской округи, стимулируя товаризацию аграрного сектора. В конце XIX– начале XX в. наблюдалась тенденция укрупнения предприятий, часть которых трансформировались в капиталистическую мануфактуру рассеянного типа. В свою очередь, подобная динамика позволяла вовлекать в процесс промышленного производства как коренное, так и пришлое население уездных городов.

Либерализация законов, регулировавших предпринимательскую деятельность, происшедшая в результате реформ 1863, 1884 и 1898 гг., позволила

мещанам более активно расширять масштабы своих предприятий, учреждая товарищества и торговые дома. Был облегчен доступ в купеческое сословие, остававшееся желанным даже к концу века, когда означенное звание потеряло ряд прилагавшихся ранее привилегий. В целом же мещане, наряду с другими сословиями, образовывали во второй половине XIX в. – начале XX в. питательную среду для укрепления купеческого сословия и расширения слоя предпринимателей, роста государственной экономики в целом. Вместе с тем дом, как один из традиционных признаков, определявших принадлежность к мещанскому сословию, предоставлял дополнительные возможности к извлечению дохода от сдачи помещений и квартир в наем. Более того, переход к взиманию налогов, исходя из стоимости принадлежавшей горожанам недвижимости, являлся дополнительным стимулом к использованию мещанами своих домов в качестве производственных площадей.

Согласно Городовому положению 1870 г., мещане более не имели гарантированного представительства во всехословных городских думах, что, по их мнению, давало им основание считать свои интересы ущемленными настолько, насколько простирались полномочия реформированных органов общественного управления. Представителям сословия полагалось обсуждать и решать свои вопросы в стенах новообразованных Мещанских управ. В сферу их деятельности из городских дум были вынесены многие вопросы, связанные с защитой прав мещан и организацией выполнения ими обязанностями: административный учет, взимание общественных сборов, оплата лечения неимущих мещан в больницах и другие.

Потеря права распоряжения городскими выгонными землями негативно отразилась на материальном благосостоянии мещан. Именно поэтому вопрос о земле, а равно и вопрос о собственности сословия вообще становится острейшим в заседаниях мещанских управ. Сословие объединилось в попытке вернуть то, что, казалось бы, принадлежало ему по праву. Малмыжские мещане возбуждали ходатайства о возвращении им городской управой ранее принадлежавшей им

собственности. Сарапульские купцы и мещане единым фронтом выступали против новых, рыночных правил распоряжения городской землей. Однако по мере усиления позиций городских дум все более очевидной становилась бесплодность противостояния и противопоставления себя высшим органам городского самоуправления, в связи с чем наблюдалось снижение активности мещанских управ за пределами их сугубо канцелярских функций.

Таким образом, если относить рассматриваемые явления к феномену «урбанизационного перехода», характеризующегося возрастанием удельного веса городского населения за счет сельского, распространением городского образа жизни, а также изменением места города в обществе, то мещанам в означенных процессах правительством была отведена роль буфера, за счет которого реализовывался план преобразования городской составляющей общества. Подобная трансформация, в свою очередь, потребовала от мещан периода стабилизации и своеобразного материального сосредоточения, что в конечном итоге, не без усилий российской интеллигенции, стало основой вызова к жизни отрицательных коннотаций в отношении мещан. Все вышесказанное дает основания утверждать, что период второй половины XIX – начала XX в. явился для мещан временем как материальных, так и ментальных потрясений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1.1. Неопубликованные источники

**Кировское областное государственное бюджетное учреждение
«Государственный архив Кировской области» (КОГБУ «ГАКО»)**

1. Ф. 176. Вятская казенная палата. – Оп. 1. – Д. 3415, Д. 5250.
2. Ф. 574. Вятский губернский статистический комитет. – Оп. 2. – Д. 942.
3. Ф. 582. Канцелярия Вятского губернатора. – Оп. 2е. – Д. 59.
Оп. 92. – Д. 66, Д. 173, Д. 346, Д. 347, Д. 436.
Оп. 92а. – Д. 9.
Оп. 92б. – Д. 3, Д. 35, Д. 38.
Оп. 92в. – Д. 23, Д. 25, Д. 66.
4. Ф. 583. Вятское губернское правление. – Оп. 603. – Д. 423, Д. 467.
5. Ф. 616. Вятская губернская земская управа. – Оп. 1. – Д. 949, Д. 1276.
6. Ф. 631. Малмыжская городская управа. – Оп. 1. – Д. 11, Д. 22, Д. 41.
7. Ф. 837. Мещанский староста города Малмыж. – Оп. 1. – Д. 2, Д. 9, Д. 11, Д. 13, Д. 15.

**Государственное казенное учреждение «Центральный государственный
архив Удмуртской Республики» (ГКУ «ЦГА УР»)**

8. Ф. 93. Земский начальник первого участка Глазовского уезда Вятской губернии, г. Глазов Вятской губернии (1891–1917 гг.). – Оп. 1. – Д. 237.
9. Ф. 115. Земский начальник двенадцатого участка Глазовского уезда Вятской губернии, г. Глазов Вятской губернии (1891–1917 гг.). – Оп. 1. – Д. 118.
10. Ф. 116. Глазовский городской Сиротский суд, г. Глазов Вятской губернии. – Оп. 1. Д. 35.

11. Ф. 145. Глазовская городская дума. – Оп. 1. – Д. 4.

12. Ф. 236. Сарапульская уездная переписная комиссия. – Оп. 1. – Д. 152, Д. 153, Д. 154, Д. 155, Д. 156, Д. 157, Д. 158, Д. 159, Д. 160, Д. 161, Д. 162, Д. 163, Д. 164, Д. 165, Д. 166, Д. 167, Д. 168, Д. 169, Д. 170, Д. 171, Д. 172, Д. 173, Д. 174, Д. 175, Д. 176, Д. 177, Д. 178, Д. 179, Д. 180, Д. 181, Д. 182, Д. 183, Д. 184, Д. 185, Д. 186, Д. 187, Д. 188, Д. 189, Д. 190, Д. 191, Д. 192, Д. 193, Д. 194.

**Управление по делам архивов администрации МО «Город Сарапул»
(УДААС)**

13. Ф. 76. Сарапульское городское самоуправление пореформенного периода Вятской губернии. – Оп. 1. – Д. 1, Д. 2, Д. 4, Д. 5, Д. 6, Д. 7, Д. 9.

**Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузубая Герда
(НМ УР)**

14. Ф. 6. Семья Глотова Владимира Савельевича – владельца доходного дома в г. Сарапуле, служащего Сарапульского уездного земства, служащего советских учреждений. – Оп. 1. – Д. 2, Д. 5, Д. 10, Д. 14, Д. 17, Д. 20, Д. 24.

15. Ф. 7. Семья сарапульского мещанина Костицына Алексея Александровича. – Оп. 1. – Д. 3, Д. 4.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

16. Ф. 20. Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов. – Оп. 12. – Д. 43.

17. Ф. 1287. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. – Оп. 44. – Д. 546.

18. Ф. 1288. Главное управление по делам местного хозяйства МВД. – Оп. 5. – Д. 3а.

19. Ф. 1290. Центральный статистический комитет МВД. – Оп. 5. – Д. 33.

1.2. Опубликованные источники

1.2.1. Сборники документов

1. 31-е очередное Елабужское уездное земское собрание. 25 сентября – 4 октября 1897 г. Журналы собраний, доклады управы и комиссий, представления, ходатайства и прочее. – Вятка, 1898. – 777 с.

2. *Вилейшис, Я. М.* Дополнение к сборнику законов и разъяснений о мещанских управах с отделом о сиротских судах / Я. М. Вилейшис. – Херсон: Паровая типография К.Д. Шрейберга, 1915. – 30 с.

3. *Вилейшис, Я. М.* Систематический сборник законов о мещанских управлениях / Я. М. Вилейшис. – Херсон: Типография Херсонского губернского правления, 1914. – 448 с.

4. Вятская речь: ежемесячная независимая газета Вятской губернии. – 1908–1911 гг.

5. Вятские губернские ведомости: общественная газета, орган печати Вятской губернии. – 1862–1881 гг.

6. *Мыш, М. И.* Городовое положение 11 июня 1892 г. с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями / М. И. Мыш – СПб.: Типография В.Г. Авсеенко, 1893 – 787 с.

7. *Мыш, М. И.* О мещанских и ремесленных управлениях. Сборник узаконений, правительственных и судебных разъяснений / М. И. Мыш. – СПб.: Типография В.Г. Авсеенко, 1896. – 507 с.

8. Памятная книжка и календарь Вятской губернии. 1854–1916 гг. – Вятка.

9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Вятская губерния. – СПб.: Изд-во типография кн. В.П. Мещерского, 1904. – Т. 10. – 260 с.

10. Свод законов Российской империи 1876 г. Т. IX. Законы о состояниях. – СПб.: Тип. Второго Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1876. – 312 с.

11. Свод законов Российской империи 1899 г. Т. IX. Законы о состояниях. – СПб.: Тип. Второго Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1899. – 412 с.

12. Столетие Вятской губернии. 1780–1880 гг. Сборник материалов по истории Вятского края: в 2 т. – Вятка: Типография губернского правления, 1880–1881.

13. *Семенов-Тянь-Шанский, В. П.* Город и деревня в Европейской России: очерк по экономической географии / В. П. Семенов-Тянь-Шанский // Записки Императорского Русского Географического общества по отд. статистики. Т. 10. – Вып. 2. – СПб., 1910. – С. 212.

1.2.2. Художественная литература

1. *Короленко, В.Г.* Ненастоящий город – Пöрымтэ кар: Избранные страницы / В. Г. Короленко. – Глазов: ГГПИ, 2005. – 144 с.

2. *Островский, А. Н.* Полное собрание сочинений в 12 томах / А. Н. Островский. – М.: Издательство «Искусство», 1973–1980. – Т. 2.– 805 с.

3. *Чехов, А. П.* Собрание сочинений в 12 томах / А. П. Чехов. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960–1964. – Т. 8. – 576 с.

4. *Горький, М.* Собрание сочинений в 18 томах/ М. Горький. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960–1963.– Т. 16. – 448 с.

5. *Помяловский, Н. Г.* Мещанское счастье / Н. Г. Помяловский.– СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1906. – 130 с.

6. *Салтыков-Щедрин, М. Е.* Собрание сочинений в 20 томах / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Издательство «Художественная литература», 1965–1977. – Т. 16. – 527 с.

7. *Чехов, А.П.* Собрание сочинений в 12 томах / А. П. Чехов. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960–1964. – Т. 6. – 528 с.

2. Литература

2.1. Монографии и сборники статей

1. Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / В. В. Алексеев и др. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 316 с.

2. *Анциферов, Н. П.* Город как выразитель сменяющихся культур: Картины и характеристики / Н. П. Анциферов. – Л.: Брокгауз и Ефрон, 1926. – 224 с.

3. *Анциферов, Н. П.* Пути изучения города как социального организма / Н. П. Анциферов. – Л.: Сеятель, 1926. – 151 с.

4. *Апкаримова, Е. Ю.* Сословные корпорации в городах Урала (конец XIX – начало XX в.) / Е. Ю. Апкаримова. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. – 92 с.

5. *Апкаримова, Е. Ю., Голикова, С. В., Миненко, Н. А., Побережников И. В.* Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века / Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова, Н. А. Миненко, И. В. Побережников. – М.: Наука, 2003. – 381 с.

6. *Блинов, Н. Н.* Город Сарапул / Н. Н. Блинов. – Сарапул: Типолитография И.М. Колчина, 1911 г. – 33 с.

7. *Блинов, Н. Н.* Заселение Прикамья / Н. Н. Блинов. – Сарапул: Типолитография И.М. Колчина, 1898. – 32 с.

8. *Блинов, Н. Н.* Историко-статистическое описание Сарапульского уезда, города Сарапула, Воткинского и Ижевского заводов / Н. Н. Блинов. – Сарапул: Типолитография Ф.Т. Пойлова, 1887. – 58 с.

9. *Блинов, Н. Н.* К столетнему юбилею города Сарапула. О необходимости образования новой Прикамской губернии / Н. Н. Блинов. – Сарапул: Типолитография Ф.Т. Пойлова, 1880. – 32 с.
10. *Блинов, Н. Н.* Сарапул и Среднее Прикамье. Былое и современное. Очерки с рисунками / Н. Н. Блинов. – Сарапул: Типолитография И.М. Колчина, 1908. – 104 с.
11. *Буня, М. И.* В.Г. Короленко в Глазове / М. И. Буня. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 272 с.
12. *Васина, Т. А.* Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.) / Т. А. Васина. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. – 280 с.
13. *Гончаров, Ю. М., Чутчев, В. С.* Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. / Ю. М. Гончаров, В. С. Чутчев. – Барнаул: Аз Бука, 2004. – 206 с.
14. *Зорин, А. Н.* Города и посады дореволюционного Поволжья / А. Н. Зорин. Казань: Изд-во Казанского университета, 2001. 704 с.
15. *Зорин, А. Н.* Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в. / А. Н. Зорин. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1992. – 253 с.
16. *Иванова, Н. А., Желтова, В. П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.) / Н. А. Иванова, В. П. Желтова. – М.: Новый хронограф, 2010. – 752 с.
17. *Иванова, Н. А., Желтова, В. П.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века / Н. А. Иванова, В. П. Желтова. – М.: Наука, 2004. – 574 с.
18. Из писем из показаний декабристов: критика современного состояния России и планы будущего устройства / Под ред. А.К. Бороздина. – СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1906. – 196 с.

19. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов / под ред. И. Я. Щипанова. В 3-х томах. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951.
20. История Удмуртии: Конец XV – начало XX в. / под ред. К. И. Куликова. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – 552 с.
21. *Клокман, Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века / Ю. Р. Клокман. – М.: Наука, 1967. – 335 с.
22. *Кобозева, З. М.* Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями» / З. М. Кобозева. – Самара: Самарский университет, 2013. – 615 с.
23. *Кошман, Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты / Л. В. Кошман. М.: РОССПЭН, 2008. 448 с.
24. *Куприянов, А. И.* Русский город в первой половине XIX века. Общественный быт и культура горожан Западной Сибири / А. И. Куприянов. – М.: АИРО–XX, 1995. – 160 с.
25. *Лигенко, Н. П.* Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма / Н. П. Лигенко. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН СССР, 1991. – 176 с.
26. *Лигенко, Н. П.* Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века / Н. П. Лигенко. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – 432 с.
27. *Маслова, И. В.* Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX – начала XX в. / И. В. Маслова. – М.: Флинта-Наука, 2010. – 352 с.
28. *Миненко, Н. А., Апкаримова, Е. Ю., Голикова, С. В.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века / Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова. – М.: Наука, 2006. – 384 с.
29. *Миронов, Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века / Б. Н. Миронов. – М.: Весь Мир, 2012. – 848 с.
30. *Миронов, Б. Н.* Русский город в 1740–1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов. – Л.: Наука, 1990. – 272 с.

31. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб.: Дм. Буланин, 2003. – 583 с.
32. *Нардова, В. А.* Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. / В. А. Нардова. – Л.: Наука, 1984. – 260 с.
33. *Нардова, В. А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. / В. А. Нардова. – СПб.: Наука, 1994. – 157 с.
34. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Гл. ред. В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010.
35. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. / отв. ред. В. В. Алексеев. – М.: Наука, 2000. – 245 с.
36. Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А. Н. Зорин, Н. В. Зорин, А. П. Каплуновский. – Ульяновск: Изд-во Средневолжского научного центра, 2000. – 693 с.
37. *Побережников, И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. – М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.
38. *Пюрияйнен, Д. М.* Население уездного города Сарапула во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурный аспект / науч. ред. Н. П. Лигенко. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2013. – 352 с.
39. *Рашин, А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки / А. Г. Рашин. – М.: Государственное статистическое изд-во, 1956. – 352 с.
40. *Родионов, Н. А.* История оружейного производства в Удмуртии (XIX–XXI вв.) / Н. А. Родионов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2009. – 320 с.
41. *Рындзюнский, П. Г.* Городское гражданство дореформенной России / П. Г. Рындзюнский. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 556 с.

42. *Рындзюнский, П. Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (взаимоотношение города и деревни в социально-экономическом строе России) / П. Г. Рындзюнский. – М.: Наука, 1983. – 269 с.

43. *Рындзюнский, П. Г.* Утверждение капитализма в России 1850–1880 гг. / П. Г. Рындзюнский. – М.: Наука, 1978. – 298 с.

44. *Старцев, А. В., Гончаров, Ю. М.* История предпринимательства Сибири (XVII – начало XX века) / А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1999. – 214 с.

45. *Судовиков, М. С.* Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века. / М. С. Судовиков. – Киров: Изд-во Вятского государственного гуманитарного университета, 2009. – 342 с.

46. *Татаринцев А. Г.* Глазов в жизни и творчестве В.Г. Короленко / под ред. А. Г. Татаринцева – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 128 с.

47. *Шумилов, Е. Ф.* История искусства Удмуртии: Справочник. / Е. Ф. Шумилов. – Устинов: Удмуртия. 1986. – 142 с.

48. *Black, C.* The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N.Y.: Harper & Row, 1975. – 207 p.

49. *Brower, D.* Russian city between tradition and modernity, 1850–1900. – Berkeley–Los-Angeles–Oxford: University of California Press, 1990. – 253 p.

50. *Confino, M.* Russia before “The Radiant Future”: Essays in Modern History, Culture and Society. – N.Y.: Berghahn Books, 2011. – 310 p.

2.2. Научные статьи

1. *Абрамов, Я.В.* Забытое сословие. / Я. В. Абрамов // Наблюдатель. – 1885. – №1. – С. 269–303.

2. *Абрамов, Я. В.* Мещане и «город». / Я. В. Абрамов // Отечественные записки. – 1883. – №3. – С. 1–21.

3. *Александров, А. А.* Буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. в Удмуртии / А. А. Александров // Очерки истории Удмуртии XIX в. – Ижевск, 1996. – С. 82–140.

4. *Алексеев, В. В., Побережников И. В.* Школа модернизации: эволюция теоретических основ / В. В. Алексеев, И. В. Побережников // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2000. – № 5–6. – С. 8–49.

5. *Балыбердин, Ю. А.* Общественные организации Вятско-Камского региона накануне и в годы Первой русской революции / Ю. А. Балыбердин // Вопросы истории. – 2006. – №10. – С. 140–144.

6. *Бессонова, Т. В.* Возникновение и развитие понятия «мещане» в России в XVIII – XIX вв. / Т. В. Бессонова // Вестник Евразии. – 2006. – № 1. – С. 145–158.

7. *Закирова Н. Н.* Глазовский период в жизни и творчестве В.Г. Короленко / Н. Н. Закирова // Иднакар: методы культурной реконструкции. – 2012. – №1 (14). – С. 37–54.

8. *Зырянов, П. Н.* Социальная структура местного управления капиталистической России / Зырянов П. Н. // Исторические записки. – Т. 107. – М., 1982. – С. 226–302.

9. *Иванов, Л. М.* О сословно-классовой структуре городов капиталистической России / Л. М. Иванов // Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1971. – С. 312–340.

10. *Каплуновский, А. П.* Казанская мещанская община в пореформенное время / А.П. Каплуновский // Вестник Евразии. – 1996. – №2. – С. 31–48.

11. *Кобозева, З. М.* Мещанский порок // Родина. – 2014. – № 12. – С. 135–136.

12. *Кобозева, З. М.* «Сиамские близнецы»: образ сословного союза купцов и мещан города Саратова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 16. – С. 237–241.

13. *Кобозева, З. М.* Мещане города Саратова накануне отмены сословий // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2014. – № 5. – С. 56–60.

14. *Кобозева, З. М.* Проблема сословной истории мещанства в современной историографии // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2014. – № 3. – С. 130–136.

15. *Кошман, Л. В.* Мещанство в России в XIX в. // Вопросы истории. – 2008. – №2. – С. 3–20.

16. *Красовский, Л. В.* Одна из повинностей мещанских обществ / Л. В. Красовский // Трудовая помощь. – 1912. – №1. – С. 1–21.

17. *Лигенко, Н. П.* Социально-экономическое развитие крестьянской промышленности Удмуртии в период капитализма (60–90-е гг. XIX в.) / Н. П. Лигенко // Вопросы истории развития промышленности Удмуртии: сб. ст. / отв. ред. Н. П. Лигенко. – Ижевск, 1986. – С. 120–152.

18. *Лигенко, Н. П.* Торговля Удмуртии в период капитализма (60–90 гг. XIX в.) / Н.П. Лигенко // Новые исследования по истории Удмуртии: сб. ст. / отв. ред. А. В. Яковлев. – Ижевск, 1991. – С. 3–28.

19. *Лосицкий, А. Е.* Этюды о населении России по переписи 1897 г. / А. Е. Лосицкий // Мир Божий. – 1905. – №8. – С. 224–244.

20. *Медведева, Н. М.* Социальный портрет мещанского сословия уездного города Острова в пореформенный период / Н. М. Медведева // Псков. Научно-исторический, историко-краеведческий журнал. – 2007. – №26. С. 116–120.

21. *Обухова, Г. И.* Торгово-предпринимательская деятельность династии купцов Волковых (конец XVIII – 70-е гг. XIX в.) / Г. И. Обухова // Очерки истории Удмуртии XIX в. – Ижевск, 1996. – С. 46–81.

22. *Побережников, И. В.* Теория модернизации: от классической к современной версии / И. В. Побережников // Северный регион: наука, образование, культура. – Сургут, 2000. – № 2. – С. 75–80.

23. *Сметанин, С. И.* Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения в России (1800–1861) / С. И. Сметанин // Исторические записки. – 1978. – Т. 102. – М., 1978. – С. 153–182.

2.3. Диссертации и авторефераты диссертаций

1. *Белослудцева, В. В.* Мещанское сословие Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук / В. В. Белослудцева. – Пермь, 2006. – 181 с.

2. *Долгопятов, А. В.* Мещанское сословие городов Московской губернии: эволюция в пореформенный период: дис... канд. ист. наук / А. В. Долгопятов. – М., 2010. – 222 с.

3. *Захарова, В. В.* Мещанское сословие пореформенной России: Дис... канд. ист. наук / В. В. Захарова. – М., 1998. – 237 с.

4. *Каплуновский, А. П.* Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг.: этно-ист. исслед.: автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1998. – 24 с.

5. *Одинцова, Л. А.* Эволюция мещанского сословия в системе социально-экономических отношений Нижнего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук / Л. А. Одинцова. – Астрахань, 2011. – 208 с.

6. *Смирнов, И. Н.* Мещанское сословие Области войска Донского в конце XIX – начале XX в.: дис... канд. ист. наук / И. Н. Смирнов. – Ростов н/Д, 2007. – 232 с.

7. *Чутчев, В. С.* Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис... канд. ист. наук / В. С. Чутчев. – Барнаул, 2004. – 28 с.

8. *Яковлева, И. В.* Города Вятской губернии в период перехода от аграрной к индустриальной эпохе (вторая половина XIX – начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. / И. В. Яковлева. – Киров, 2017. – 275 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Сословный состав городского населения Удмуртии в 1858–1913 гг. (города Глазов, Елабуга, Малмыж, Сарапул), чел.

Сословия	1858 г.		1864 г.		1897 г.		1913 г.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мещане	8709	50,7	8529	59,7	14952	39,9	29740	54
Крестьяне	2399	16,5	2087	14,6	18384	49,1	19279	35
Купцы	1366	8	1626	11,4	803	2,1	574	1
Дворяне	849	5	738	5,2	1944	5,2	1140	2
Почетные граждане	26	0,1	95	0,7	545	1,4	1438	2,6
Духовенство	668	4	724	5,1	844	2,3	876	1,6
Ремесленники	20	0,1	13	0,1	–	–	127	0,2
Другие	3118	15,6	463	3,2	–	–	2007	3,6
Всего	17155	100	14275	100	37472	100	55181	100

Источники: Памятная книжка Вятской губернии на 1860 г. Вятка, 1860. С. 226–234; Памятная книжка Вятской губернии на 1866 и 1867 гг. Вятка, 1866. С. 111–115; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вятская губерния. СПб., 1904. С. 50; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 942. Л. 5–8.

**Регионы и города приписки мещан, прибывавших в г. Сарапул
из-за пределов Вятской губернии**

1. Западноевропейские губернии: Архангельская (Архангельск), Варшавская (Варшава), Витебская (Витебск, Лепель), Гродненская (Волковыск, Слоним), Ковенская (Ковно), Лифляндская (Валк, Рига), Люблинская (Янов), Минская (Бобруйск, Мозырь, Минск), Могилевская (Могилев, Орша, Рогачев, Шклов), Петроковская (Бендков), Таврическая (Керчь), Эстляндская (Ревель).

2. Московская губерния (Звенигород, Кемь, Коломна, Москва, Сергиев Посад), Санкт-Петербургская губерния (Кронштадт, Санкт-Петербург).

3. Центральнороссийские губернии: Владимирская (Иваново-Вознесенск, Муром, Переяславль-Залесский), Вологодская (Вологда, Усть-Сысольск), Костромская (Ветлуга, Галицк, Кинешма, Кострома, Макарьев, Нерехта), Курская (Курск), Орловская (Орел), Рязанская (Егорьевск, Зарайск), Тамбовская (Тамбов, Темников, Шацк), Тверская (Кашин, Тверь), Ярославская (Рыбинск, Ярославль).

4. Поволжские губернии: Казанская (Арск, Казань, Козьмодемьянск, Лаишев, Мамадыш, Цивильск, Чебоксары, Чистополь, Ядрин), Нижегородская (Арзамас, Горбатов, Макарьев, Марьин, Нижний Новгород), Пензенская (Пенза, Саранск), Самарская (Самара, Ставрополь на Волге), Саратовская (Вольск, Саратов), Симбирская (Алатырь, Карсун, Симбирск, Сызрань), Уфимская (Бирск, Бугульма, Мензелинск, Стерлитамак, Уфа).

5. Западносибирские губернии: Оренбургская (Оренбург, Орск, Троицк), Пермская (Дедюхин, Екатеринбург, Камышлов, Красноуфимск, Кунгур, Оса, Оханск, Пермь, Соликамск, Шадринск), Тобольская (Тобольск, Туринск, Тюмень), Томская (Мариинск, Томск).

6. Восточносибирские губернии: Енисейская (Енисейск).

Источники: ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

**Наименования профессий по категориям учета хозяйственной деятельности
основных занятий мещан г. Сарапул (по данным Всеобщей переписи
населения Российской империи 1897 г.)
(в скобках даются вариации наименования)**

I. Промышленное производство и земледельческие промыслы.

1. Хозяева заведений.

Бондарь-хозяин, вязальная мастерская (чулочно-вязальная), канатное заведение, кирпичник-хозяин (кирпичное производство), кирпичное заведение, клееваренное заведение, клееваренное производство, кожевенник-хозяин, кожевенное производство, красильное заведение, кузнец-хозяин (владелец кузницы), кузнечное заведение (завод), мыловаренное заведение, мыловар-хозяин, паркетчик-хозяин, плотник хозяин, позолотчик-хозяин, портной-хозяин, прядильщик-хозяин, ремонтник-хозяин, сапожник-хозяин, содержатель кондитерского и булочного заведения, столяр-хозяин, хозяин заведения фруктовых вод, хозяин кожевенного заведения (завода), хозяин колбасного заведения, хозяин крендельного и хлебопекарного заведения, хозяин мукомольной мельницы, хозяин пивного заведения, хозяин портняжной мастерской, хозяин производства экипажей и постройки деревянных судов, хозяин сапожного заведения, хозяин солодовенного завода, шапочник-хозяин, хозяин швейной мастерской, швея-хозяйка, шляпочная мастерская, хозяин шорного заведения.

2. Приказчики и управляющие.

Заведующий (приказчик) посудой на винокуренном заводе, кассир винокуренного завода, конторщик на винокуренном заводе, конторщик на

кожевенном заводе, поверенный по винокуренному заводу, поверенный при заводе фруктовых вод, подвальный винокуренного завода, помощник конторщика на винокуренном заводе, помощник на винокуренном заводе, помощник управляющего винокуренным заводом, приказчик (служащий) на кожевенном заводе, приказчик винокуренного (питейного) завода, приказчик на канатном заводе, приказчик обувной фабрики (заведующий фабрикацией кожевенной обуви), староста на дворе при винокуренном заводе.

3. Мастера и ремесленники-одиночки.

Башмачный мастер, башмачный мастер-закройщик, белошвейка-мастерица, ботиночный мастер, булочник (хлебник), вытягивальщик кож, вышивание и вязание (рукоделие), вязание рукавиц, вязание чулок, гармонщик, гробовщик, дамский портной, жестянщик, заготовщик обуви, заготовщик одежды, закройщик, золотых и серебряных дел мастер, каменщик, катает валенки, кожевенник-закройщик, колодочный мастер, корзинщик, коробочник, красильщик, крендельщик, кровельщик, кузнец, маляр, мастер по кожевенному делу, медных дел мастер (медник), модистка, мыловар-мастер, обойщик мебели, овчинник, паркетчик, паяльщик, перчаточный мастер, печник, пильщик, плетет лапти, плотник, плотник-подрядчик, плотник-пробойщик, подрядчик асфальтовых и ремонтных работ, позолотчик по иконописной части, портниха-закройщица, портной мастер, посадчик кожаной обуви, производство уксуса, просвирня, прядильщик (пряжа шерсти, льна), пряничный мастер, резчик печатей и штемпелей, сапожник – вытягивальщик, сапожный мастер, сапожный мастер-закройщик, ситовщик, скорняк, слесарь, стежка одеял, стекольщик, столяр-мастер, столяр-резчик, строчка на машинке кожаной обуви, ткач, туфельный мастер, часовых дел мастер, шапочник, швея-одиночка, шегренщик, шитье рубашек, шорный мастер, штукатур, щеточный мастер, экипажный мастер.

4. Огородничество и рыболовство.

Земледелие, огородничество, птицеводство, рыболовство (рыбак), хлебопашество.

5. Неканцелярские служащие и подмастерья заведений.

Аппаратчик на спирторектификационном заводе, бочкарь при винокуренном заводе, винокур на заводе, вытягивальщик на кожевенном заводе, гравер в типографии, заготовщик обуви на кожевенном заводе, закройщик кожевенного завода, канатный мастер на прядильной фабрике, кондитер-мастер, литографщик в типографии, мастер в лимонадно-фруктовом заведении, мастер чугунно-литейного завода, машинист винокуренного завода, мельник-работник, моет посуду на винокуренном заводе, очистной мастер винокуренного завода, переплетчик в типографии, переплетчик-подмастерье в типографии, подмастерье в лимонадно-фруктовом заведении, подмастерье на оружейной фабрике, помощник канатного мастера на фабрике, посадчик кожаной обуви в сапожной мастерской, посадчик в кожевенной мастерской, рабочий в кожевенной мастерской, рабочий винокуренного завода, рабочий кирпичного завода (заведения), рабочий коробочной фабрики, рабочий на оружейной фабрике, рабочий при кожевенном заводе, рабочий прядильной фабрики, сапожный мастер-закройщик в сапожном заведении, слесарь на винокуренном заводе, слесарь на кожевенном заводе, служащий винного завода, служащий типографии (наборщик, печатник при машине), ученик в типографии, швея в мастерской, шегренщик на кожевенном заводе.

6. Ремесленные подмастерья.

Дамский портной-подмастерье (ученица шитья дамской одежды), колодочный подмастерье, красильщик-подмастерье, кровельщик-подмастерье, кузнечный подмастерье, маляр-подмастерье, паяльщик-подмастерье, перчаточный подмастерье, плотник-подмастерье, подмастерье кошомного мастера, подмастерье медных дел мастера, позолотчик-ученик, помощник винокура, портной-

подмастерье, пряничный ученик, резчик-подмастерье, сапожник-подмастерье (набивает подошвы к кожаной обуви), сапожный (обувной) закройщик-подмастерье, скорняк-подмастерье, слесарь-подмастерье, столяр-подмастерье, часовщик-подмастерье, шапочник-подмастерье, швея-подмастерье, шорный подмастерье.

II. Торговля и материальные услуги.

1. Хозяева заведений по оказанию материальных (в т.ч. материально-бытовых) услуг.

Извозчик-хозяин, меновщик лошадей, пароходовладелец, содержатель баржи, содержатель буфета, содержатель почтовой станции (почтового двора), содержатель частных прогонов, хозяин (содержатель) номеров, хозяин гостиницы, хозяин дома терпимости, хозяин постоянного двора.

2. Коммерческое предпринимательство.

Галантерейная торговля, закупка изгородей, лесоторговец-хозяин (лесное дело, торговля лесом и дровами), хозяин мануфактурной торговли, мелочная торговля, мелочная торговля с воза, продажа печеного хлеба, развозная торговля мясом, торг маслом, торг уксусом (уксусница), торговец бакалеей (чаем, сахаром и маслом), торговец овчинными полушубками, торговец рыбой (рыбой и молоками), торговля брагой, торговля валянной обувью, торговля винным и колониальным товаром, торговля восковыми свечами, торговля горшками, торговля готовым платьем (крестьянскими рубашками), торговля деревянными изделиями, торговля железными изделиями, торговля картофелем, торговля квасом, торговля кожевенными изделиями, торговля кожей, торговля крупчаткой, торговля куделью (пряжей), торговля лошадьми, торговля молоком (молочница), торговля мукой, торговля мясом (мясник), торговля обувью, торговля пивом, торговля рукавицами, торговля салом, торговля сапожным товаром, торговля

сеном, торговля скотом, торговля смолой и дегтем, торговля старым платьем, торговля фруктами, торговля шапочным товаром, торговля шорным товаром, торговля щетиной, хлеботорговля, хозяин бакалейной лавки, хозяин винно-бакалейной торговли, хозяин галантерейной лавки, хозяин мелочной лавки, хозяин мясной лавки, хозяин оптовой хлебной торговли, хозяин рыбной лавки, хозяин рыбной торговли, хозяин торговли кожевенным товаром.

3. Домовладельцы и рантье.

Домовладение, доход от капитала.

4. Приказчики и поверенные торговли. Управляющие и заведующие заведений по оказанию материальных услуг.

Доверенный винноколониального магазина, доверенный по винной торговле, заведующий винным складом, купеческий поверенный (участвует в торговле брата-купца), приказчик (заведующий) мануфактурного магазина, приказчик (служащий) в гостинице (управляет домом и номерами для приезжающих), приказчик бакалейной лавки (в гуртовой лавке чая и сахара), приказчик в воскосвечной лавке, приказчик в кондитерской, приказчик в крупчатной лавке, приказчик в скобяном магазине, приказчик в трактире, приказчик галантерейной торговли или лавки (в посудной лавке), приказчик лавки (магазина), приказчик меховой лавки, приказчик мясной торговли, приказчик мясной лавки, приказчик пароходной пристани, приказчик пароходства, в пароходной конторе, приказчик по закупкам кожи, приказчик по керосинному делу (доверенный по керосинной торговле), приказчик по кожевенной торговле, приказчик по лесной торговле, приказчик по мелочной торговле, приказчик по питейной (винной) торговле (пивной лавке), приказчик по соляной торговле, приказчик по торговле готовым платьем, приказчик по хлебной торговле, приказчик при швейном магазине, приказчик ренского (винного) погреба, приказчик рыбной торговли, приказчик торгового дома, приказчик чайной общества трезвости, приказчик часового

магазина, управляющий парходом («по перевозу через реку Каму»), частный поверенный.

5. Канцелярские служащие и счетоводы при заведениях и частных лицах

Кассир мануфактурного магазина, письмоводитель (конторщик торговой фирмы, писец в канцелярии нотариуса, служащий частной конторы, переписчик бумаг), приказчик (городской приказчик при купце-рантье, служба по торговой части), рукоприкладчик при нотариальной конторе, служащий в коммерческой конторе, служащий почтового ведомства, счетоводство (казначей страховой сберегательной кассы).

6. Наемные (в т.ч. самозанятые) специалисты.

Баржевый извозчик, коммивояжер по продаже товаров, кондуктор при железной дороге, лоцман на пароходе, машинист (при паровой машине), машинист-ученик, музыкальный мастер (наладчик музыкальных инструментов), парикмахер, пирожник, повар при питейной (пивной) торговле, получение коммерческих долгов, пристанщик, садовник, страховой агент, трубочист-подрядчик.

7. Неквалифицированные рабочие и домашняя прислуга

Горничная, дворник, караульщик (сторож, караульщик-пожарный, лесной сторож, караульщик лабазов, церковный сторож), кухарка (экономка, домоводство, мальчик у повара), кучер (извозчик, ямщик), лакей (в клубе), ломовой извозчик, мальчик при магазине (лавке, конторе, лавке, булочной), няня (бонна, гувернантка), повар, поденный рабочий («летом ездит на полевые работы», работа на отхожих промыслах), полумойка, помогает родителям (отцу, матери) в торговле, прачка, рабочий при винном оптовом складе, разнорабочий (чернорабочий), разносчик (курьер), разносчик булок.

III. Духовная культура и нематериальное производство (образование, медицина и религия)

1. Деятели искусства

Живописец, музыкант (музыкант-гармонист), ученик в фотографии.

2. Служащие образовательной сферы.

Библиотекарь (братской библиотеки), дает уроки, надзиратель интерната реального училища, приказчик (земского) книжного склада, регент хора, учитель еврейских детей, учитель (в народном училище), помощник учителя (в земском училище).

3. Медицинские работники и служащие учреждений общественного призрения

Акушерка, ветеринарный фельдшер, оспопрививательница в земстве, повивальная бабка, повитуха, помощник смотрителя призрения (в убежище для бедных детей), сестра милосердия, сиделка в (земской) больнице, сиделка в богадельне (в богадельне И.С. Колчина), служитель больницы, смотритель богадельни (в богадельне И.С. Колчина), смотритель призрения (Александровского призрения бедных), фармацевт (в земской аптеке), фармацевт-практикант (в земской аптеке), частная практика оспопрививательства.

4. Служители религиозного культа.

Певчий (при кладбищенской церкви), помощник церковного старосты, церковник (в крестовой церкви при архиерейском доме).

5. Обслуживающий персонал

Кастелянша в больнице, кухарка в богадельне, прачка при общежитии духовного училища, сторож в богадельне, сторож при больнице (аптеке), сторож при канцелярии духовного училища.

IV. Общественные организации, присутственные места и органы самоуправления

1. Служащие органов государственной власти и общественного управления.

Акцизный надсмотрщик, государственный служащий удельного ведомства, дорожный смотритель земской управы, межевщик в уездном ведомстве, межевщик сарапульского уездного округа, мещанский староста, присяжный казначейства, сборщик податей при мещанской управе, служащий земства, старший межевщик, член городской управы.

2. Служащие органов правопорядка.

Пожарный служитель, полицейский служитель, смотритель арестного помещения, солдат, старший полицейский служитель.

3. Канцеляристы и письмоводители.

Бухгалтер городского общественного банка, бухгалтер земской управы, писарь (канцелярский служитель) окружного суда (в канцелярии прокурора окружного суда), писарь акцизного управления, писарь земской управы (машинист в земстве), писец в волостном правлении, писец в присутственном месте, писец городской управы, писец земской больницы, писец сарапульского сиротского суда, писец сарапульского уездного округа, писец у судебного пристава, писец уездного сарапульского казначейства, письмоводитель в полицейском управлении, письмоводитель городского судьи, письмоводитель земского начальника, письмоводитель уездного съезда, помощник секретаря

сарапульской земской управы, регистратор в уездной конторе, чертежник при сарапульском уездном округе.

4. Младший обслуживающий персонал.

Лесной сторож при городской лесной даче, почтальон земской управы, рабочий городской управы по водопроводу, сторож арестантского помещения, фонарщик.

Источники: ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

**Наименования профессий по категориям учета хозяйственной деятельности
побочных занятий мещан г. Саранул (по данным Всеобщей переписи
населения Российской империи 1897 г.)
(в скобках даются вариации наименования)**

I. Промышленное производство и земледельческие промыслы

1. Мастера и ремесленники-одиночки.

Булочник (хлебник), вяжет рукавицы (рукавишник), вяжет чулки (мастер-чулочник), заготовщик обуви, маляр, перчаточный мастер, плетет лапти, портной мастер, производство уксуса, прядильщик (шерсти, льна), пряничный мастер, резчик по дереву (столяр-резчик), сапожный мастер, стежит одеяла, ткач.

2. Огородничество и рыболовство.

Огородничество (земледелие), птицеводство, рыболовство.

3. Рабочие и служащие заведений.

Рабочий кирпичного завода.

4. Подмастерья.

Дамский портной подмастерье (ученица шитья дамской одежды).

II. Торговля и материальные услуги

1. Хозяева заведений по оказанию материальных (в т.ч. материально-бытовых) услуг.

Постоялый двор, частные прогоны.

2. Коммерческое предпринимательство.

Закупка изгородей, продажа печеного хлеба, развозная торговля мясом, торговец рыбой (рыбная торговля), торговля готовым платьем, торговля железными изделиями, торговля квасом, торговля молоком, торговля обувью, торговля пивом, торговля старым платьем, торговля фруктами, торговля шорным товаром, хлеботорговля, хозяин мелочной лавки.

3. Домовладельцы и рантье.

Домовладение.

4. Приказчики и поверенные торговли. Управляющие и заведующие заведений по оказанию материальных услуг.

Приказчик по хлебной торговле.

5. Канцелярские служащие и счетоводы при заведениях и частных лицах.

Приказчик, писец (конторщик, письмоводитель), счетоводство.

6. Наемные (в т.ч. самозанятые) специалисты.

Лоцман, получение коммерческих долгов, страховой агент.

7. Неквалифицированные рабочие и домашняя прислуга.

Дворник, караульщик (сторож), кухарка (домоводство), няня, повар, поденная работа, поломойка, прачка, работа на отхожих промыслах.

III. Духовная культура и нематериальное производство (образование, медицина и религия)

1. Деятели искусства

Живописец, музыкант

2. Служащие образовательной сферы.

Воспитание детей незаконнорожденных, дает уроки.

3. Медицинские работники и служащие учреждений общественного призрения

Частная практика оспопрививательства.

IV. Общественные организации, присутственные места и органы самоуправления

1. Служащие органов государственной власти и общественного управления
Мещанский староста, сборщик податей при мещанской управе.

2. Канцеляристы и письмоводители.

Переводчик с татарского на русский при окружном суде.

V. Другое

Проституция.

Источники: ЦГА УР. Ф. 236. Д. 152–194.

**Текст присяги, принимаемой членами мещанского собрания при решении
вопросов связанных с работой органов сословного управления
(на примере голосования о повторном принятии ранее судимого
малмыжского мещанина Степана Батуева)**

Клятвенное обещание

Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом перед Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом Господним в том, что хочу и должен по чистой совести и без всякого лицепрятия и собственной корысти, устраняя всякое родство и связи дружбы, подать решительный голос о принятии или непринятии в среду нашего общества судимого Казанским окружным судом за преступление, предусмотренное в 13 ч. 1670 ст. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, нашего мещанина Степана Батуева, сына мещанской вдовы Анны Батуевой, урожденной Виноградовой. Если же я иначе поступлю в сем случае и против своей совести, то как нерадивый о благе общественном, в коем и мое собственное заключается, подвергаю себя нареканию собратий моих и в будущей жизни ответу пред Богом на Его суде страшном. В заключение сей клятвы о беспристрастном выборе, целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.

Источник: ГАКО. Ф. 837. Оп. 1. Д. 13. Л. 12.